

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ПИСАТЕЛЬ

1(34)

2017

XXI
ВЕК

- «Песнь торжествующей любви»
И. С. Тургенева
- Испытание
- Колдун
- Вечность
- Сын
- Приключения Жёванного
- Спираль.
Фантазия на тему космоса
- Наследство Каина
- Сара Тисдейл. Мои переводы
- Взлет творчества
Д. Шостаковича
- Поход Александра Невского
в землю Еми
- Из трилогии «Потомок Ермака»
- Жантай Батыр
- Жюль Верн (1828-1905)

*Самое правильное —
это принимать всё так,
как оно случается.
Жюль Верн*

Учрежден в 2008 г. Российским Межрегиональным союзом писателей
(секция «Литературно-дискуссионные чтения»),
Академией русской словесности и изящных искусств им. Г. Р. Державина.
С 25.11.09 г. журнал выходит в свет в качестве межсоюзного писательского издания.

Редакционная коллегия:
Е. С. Роговер, Н. Ф. Ульянова, Н. В. Харитонова

Контактные телефоны (в Санкт-Петербурге): 552-13-82.
e-mail: ulyanovanf@mail.ru

Корректор — С. М. ИONOва
Верстка — И. Ю. ИЛЮХИНА
Макет обложки — И. Ю. ИЛЮХИНА

При перепечатке ссылка на журнал «Писатель. XXI век» обязательна.
Фотографии предоставлены участниками выпуска.

ISBN 978-5-9908992-9-2

© Автор-составитель Н. Ф. Ульянова, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Журнал «Писатель. XXI век», 2017

Предлагаемое издание продолжает намеченную в предшествующих выпусках работу по восстановлению в русском сознании понятия писатель. Начиная с 1991 года в нашей стране возникла новая реальность — реальность преобладания частных или сугубо обывательских (корыстных) интересов. Ее неудержимая поступь вызвала к жизни разгул упоения от мертвого в своей сути успеха. В результате большие смыслы, или непреходящие смыслы общей жизни, стали стремительно исчезать, уступая место интересам вполне местечковым, натужно выдаваемым при этом за нечто непреходящее. Параллельно в литературном творчестве резко возобладали активно поощряемые российскими властями процессы торговли постыдным как вполне даже приличным делом. В частности, внутриредакционные установки центральных телевизионных каналов строго указывают на непреложную необходимость радикального упрощения ключевых смыслов любого художественного произведения, на создание в стране атмосферы не вдумчивого, а значит, превратного (искаженного) восприятия жизни. В итоге подобной политики само понятие писатель стало мельчать и превращаться в нечто суетное и даже оскорбительное. На сегодняшний день в России вместо писателей развелись во множестве так называемые авторы. Но что они такое? Это своего рода специалисты по развлечению и соблазнению всякого русского читателя, превращению его в потребителя «желтой» или снобистской и во многом сфальсифицированной (намеренно «склеенной» из правды и лжи) литературы. Иначе говоря, деятельность этих «умельцев» имеет ныне исключительно антинародный характер. Или, всячески искушая своего читателя (зрителя), они вводят его сознание в состояние утраты им смысла собственной жизни. Хорошо ли это? Вряд ли. Другими словами, только большие смыслы дают каждому человеку человеческое достоинство, предоставляют ему же подлинную надежду и удовлетворение жизнью. Поэтому лишь писатель как подлинный мастер художественного разговора о больших и непреходящих для человека смыслах и способен будет переломить уже сложившуюся очевидно вредную тенденцию отчуждения человека от человеческого же содержания. А настоящий выпуск журнала как раз и продолжает это сложное, но воистину насущное дело.

СОДЕРЖАНИЕ

КЛАССИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

Ефим Роговер. «Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева 3

МАЛАЯ ПРОЗА

Нонна Ильенкова. Испытание 12

Екатерина Алексеева. Колдун. Зуб 14

*Владимир Серов. Вечность. Зябь души. Затмение. Розовые облака. Оттепель.
Одинокая старость. Ночь. Притча о тщеславии. Земля и небо.
Падал снег. Смотря в окно. Капля. Первый мороз.* 20

Валерий Орлов. Сын 26

Александр Мецгер. Приключения Жёванного 36

*София Кузнецова. Спираль. Фантазия на тему космоса. Счастье сына.
Город — храм души нашей* 48

ДУША С ДУШОЮ ГОВОРIT

*Стихи: Эдуард Дэлуж, Бах Ахмедов, Наталия Рябухина,
Андрей-Victoria-Андреев, Нина Беланова, Анна Ртищева,
Ирина Уральская* 56

ПРОЗА XXI ВЕК

Наталья Менендес. Наследство Каина 77

ПЕРЕВОДЫ

Ида Замирская. Сара Тисдейл. Мои переводы 116

ПОРТРЕТ СОВРЕМЕННОГО

Ефим Роговер. Взлет творчества Д. Шостаковича 118

ИСТОРИЯ ЗЕМЛИ РОССИЙСКОЙ

Павел Атанов. Поход Александра Невского в землю Еми 122

ЭТО БЫЛО, БЫЛО, БЫЛО...

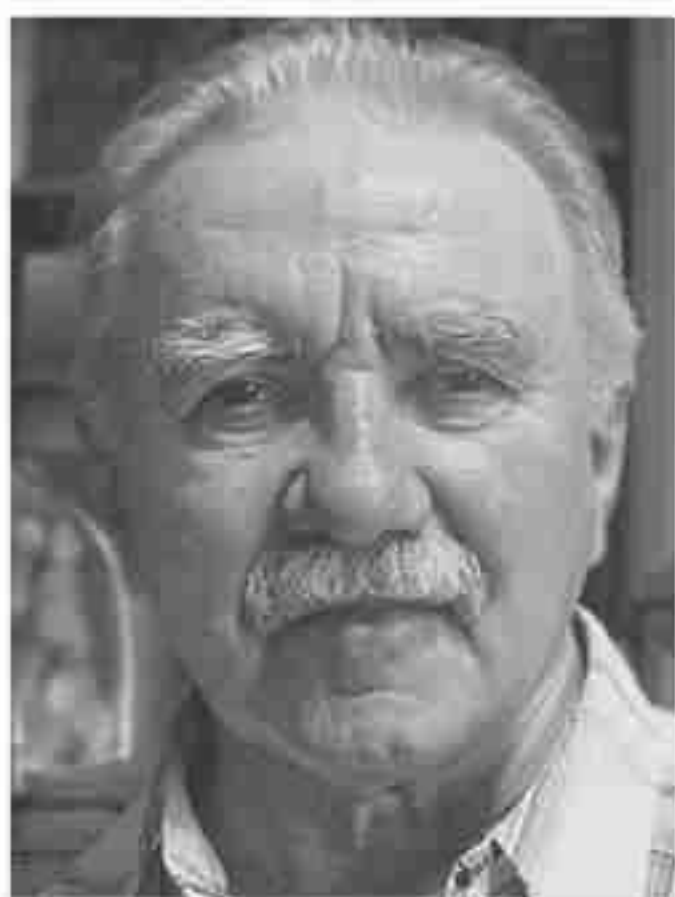
Виктор Муравин. Из трилогии «Потомок Ермака» 126

Булат Тугельбаев. Жантай Батыр (быль) 138

ОБРАЗОВАНИЕ ЧЕРЕЗ ИСКУССТВО

Валерий Орлов. Жюль Верн (1828 — 1905) 144

ПОЗДРАВЛЕНИЕ ЮБИЛЯРУ

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век» от всей души поздравляет Ефима Соломоновича Роговера с восьмидесятипятилетием и желает нашему дорогому юбиляру новых литературных открытий и замечательных свершений в области искусствоведения, прозы и поэзии.

Ефим Соломонович проявляет себя с редкостной многогранностью: он видный ученый-методист, литературовед, журналист, путешественник, прозаик и поэт. Он может гордиться своей уникальной библиотекой и коллекциями грамзаписей, художественных открыток и кукол разных народов и стран. Им выпущено 58 книг и написано более шестисот статей. В течение последних лет он является автором многих статей в журнале «Писатель. XXI век».

Богатый 50-летний опыт преподавания в школе, 30-летний опыт педагогической деятельности в вузе, незаурядные личностные качества позволили Роговеру проявить свои способности в разнообразных аспектах методики преподавания литературы как науки и учебного предмета.

Также очень широк диапазон научных интересов Ефима Соломоновича — литература от её истоков до нашей современности, методика школьного и вузовского преподавания, работа с абитуриентами.

Огромный вклад в развитие и изучение литературы народов Крайнего Севера, который сделал Роговер, показал увеличение внимания к прозаическим произведениям малочисленных народов: долганов, эвенков, коряков и чукчей.

В последние годы Ефим Соломонович очень активно и успешно работает в жанре рецензий, «литературных портретов», аналитических статей и обзоров. Он всегда подчеркивает и иллюстративно показывает «неповторимость и самобытность» творческого наследия национальных авторов.

Центральное место среди всех научных и методических трудов юбиляра занимают работы о А.С. Пушкине. Его анализ «Евгения Онегина», «Медного всадника», «Полтавы» и лирики выше всяческих похвал.

Поэтические строки нашего уважаемого юбиляра поражают своей ясностью и простотой.

Стихи должны быть ясны и сердечны.
Доступность их — критерий их цены,
Они тогда по форме безупречны,
Когда прозрачным смыслом спасены.

Редколлегия журнала «Писатель. XXI век»

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

«ПЕСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ ЛЮБВИ» И. С. ТУРГЕНЕВА

Эту повесть Тургенев начал в Буживале 2 ноября 1879 года. Но свою работу над ней он прервал и вернулся к ней через полтора года. В самом начале марта 1881 года он завершил это произведение и напечатал его в «Вестнике Европы» № 11 за 1881 год. Повести предшествовал авторский конспект с намеченной фабулой, в отличие от которой сюжет созданного произведения имеет некоторые расхождения: во-первых, в повести не стало повторов рассказов Муция о его любви к индийской красавице, благодаря чему усилилась динамика повествования; во-вторых, изменилось имя одного из бывших друзей, вместо Альберто он стал именоваться Фабием; в-третьих, преобразовался финал повести: теперь Муций и Валерия не умирают, как в первом варианте, а спасаются от подступившей смерти; в-четвертых, проведенная правка текста способствовала усилению восточного колорита, таинственности и загадочной неопределенности происходящего.

Фабула законченного произведения была такова. События происходят в Италии XVI века, в городе Феррара, где правит сын Лукреции Борджиа Эрколо II, герцог Феррарский. Здесь живут юноши — Муций и Фабио, музыкант и живописец. Они любят одну из первых красавиц города, девушку Валерию, в чем признались друг другу. Оба решили: если она предпочтет избрать кого-нибудь из них, то другой безропотно по-

корится ее выбору. Мать девушки указала дочери на Фабия, и художник женился на Валерии. Музыкант, не желая быть свидетелем торжества своего друга, продает большую часть своего имущества и отправляется в дальнее путешествие на Восток. Вернется он тогда, когда последние следы страсти в нем исчезнут. Фабий отдался весь восторгам увенчанной любви и перебрался в свою виллу под Феррарой. Через пять лет возвращается музыкант Муций в сопровождении немолодого малайца, своего слуги. На Востоке путешественник овладел искусством магии и колдовства. Приглашенный Фабием на его виллу, он поселяется в отдельном павильоне, разместив в нем привезенные из дальних стран богатства. При помощи особого вина, ожерелья, музыки и магической силы он овладевает душой Валерии. Он является ей в ее снах, завораживает своей цейлонской песней удовлетворенной любви, околдовывает своими жестами и взглядом, и Валерия отдается Муцию. Сон героини во многом совпадает со сном, увиденным музыкантом. Он увлекает ее в садовую беседку и вновь исполняет «Песнь торжествующей любви». Валерия тянется к Муцию и двигается к нему, выставив руки вперед, словно лунатичка. Фабий не выдерживает и, охваченный бешенством, ударяет Муция его же кинжалом. Он явно убил своего соперника, но малаец выхаживает своего хозяина при помощи трав, чашек с тем-

ной жидкостью, змеек медного цвета и бесовских заклинаний. Наконец, вьючные лошади с Муцием на жеребце и вещами двинулись вон из павильона в город. Супруги вернулись к прежней жизни. Фабий обратился вновь к своей живописи, портрету Валерии в облике святой Цецилии, а Валерия, сидя перед органом, неожиданно исполнила песнь торжествующей любви, которую некогда играл исчезнувший Муций, почувствовав в первый раз после брака внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни. Такова канва этой удивительной повести.

Свое произведение Тургенев посвятил памяти Гюстава Флобера, умершего в 1880 году: посвятил не случайно. Познакомившись с автором «Госпожи Бовари» и «Саламбо» еще в 1863 году, Тургенев стал участником знаменитых «обедов пяти». Друзей объединяли общие взгляды на литературное мастерство, взаимная симпатия, восторженные оценки друг друга, родство талантов и вкусов. Тургенев перевел в 1877 году и напечатал в «Вестнике Европы» «Легенду о святом Юлиане Милостивом» и «Иродиаду». Вместе с Флобером, которого считал своим другом, Тургенев посещал салон В. Гюго. Русский писатель хлопотал об издании романа «Бувар и Пекюше», а после смерти французского классика — о сборе средств на памятник Флоберу. Этот памятник появится во Франции в 1890 году. А теперь, в 1881 году, Тургенев не только посвящает Флоберу свою повесть, но и пишет ее под влиянием его творчества. Не зря он говорил Э. Золя: «Флобер был одним из тех людей, которых я любил больше всего на свете. Ушел не только великий талант, но и необыкновенный человек» [1].

Если мы сопоставим «Песнь торжествующей любви» с «Легендой о св. Юлиане Странноприимце» и «Иродиадой», то увидим стилистическую близость описаний исторических реалий, родственную свежесть соединения будничных деталей с явлениями таинственного, фантастического и загадочного мира. Вот один из примеров такого сращения: Юлиан «пересекал области столь знойные, что волосы от солнечного жара сами вспыхивали, как факелы, другие — столь холодные, что руки отделялись от туловища и падали на землю, и, наконец, страну таких туманов, что люди шли, окруженные призраками» [2]. Или прочитаем другой фрагмент: «Раз вечером, проснувшись, она (роженица — Е. Р.) увидела в лунном луче, падавшем через окно, какую-то движущуюся тень. То был старец в грубой монашеской рясе... Она хотела закричать, но, скользнув по лунному лучу, он тихо поднялся и исчез» [3]. Нечто родственное мы находим в тургеневской «Песне». Например: «...луна опять взошла на безоблачное небо; вместе с ее лучами, сквозь полупрозрачные стекла окон, со стороны павильона или это почудилось Фабии? — стало вливаться дуновение, подобное легкой, пахучей струе... вот слышится назойливое, страстное шептание... и в тот же миг он заметил, что Валерия начинает слабо шевелиться...» [4]. Эти примеры стилистического сближения можно умножить.

Одновременно Тургенев стилизует свою «Песнь...» под итальянскую новеллу эпохи Возрождения. Не случайно повесть первоначально называлась «Итальянское пастиччо». Так, среди новелл Боккаччо, Сакетти, «Новеллино» Мазуччо [5] мы мо-

жем найти новеллы, повествующие о Ферраре как месте действия, о фокусах и проделках чернокнижников, о путешествии молодого человека в страны Востока, о соперничестве двух возлюбленных. Так, в новелле тридцать шестой у Мазуччо рассказывается о двух друзьях, каждый из которых находится в любовной связи с одной и той же женщиной. Они узнают об этом, но предпочитают не разрушать свою дружбу и вместе наслаждаются миром и спокойствием. Эта фабула лишь частично напоминает тот новеллистический сюжет, который Тургенев положил в основу своей «Песни». Но дело отнюдь не в совпадении сюжетов и интриги. Как и новеллисты эпохи Возрождения, русский писатель посвящает свою повесть определенному лицу, воспроизводит место действия (в данном случае — Феррару и ее окрестности), рисует портреты своих персонажей, намечает расхождение друзей, вводит фигуру монаха, передает цепь обманов и случайностей, рассказывает о любовных чарах, колдовстве и магии, передает эпизод любовного поединка, вводит кровавую развязку и чудесное исцеление. Такая поэтика оказывается весьма подходящей Тургеневу, повествующему о любви, преодолевающей любые преграды.

Кроме посвящения памяти французского писателя Флобера и упоминания старинной итальянской рукописи, тексту повести предшествует также эпиграф из Шиллера на немецком языке, переводимый так: «Дерзай заблуждаться и мечтать!» (он взят из стихотворения Шиллера «Текла»). В совокупности эти отсылки к французской, немецкой, итальянской, а потом и восточной культуре дают представление о все-

общности истины, переданной в заголовке и тексте повести — о всегдашнем и повсеместном торжестве любви и властной силе дерзновенной мечты.

Первая строка «Песни...» и ее последняя фраза, перекликаясь друг с другом, внушают читателю мысль о том, что весь текст произведения якобы взят из старинной итальянской рукописи, которая неожиданно обрывается на полуслове, точнее на двух вопросах, не проясненных и загадочных. Тем самым писатель, начавший повествование в первом лице («Вот что я вычитал...»), переходит на изложение в третьем лице, дистанцируя себя от того, о чем будет рассказываться в дальнейшем. Это один из вариантов художественной мистификации, поскольку весь текст является повествованием, сочиненным Тургеневым и, как мы узнаем позже, имеющим к нему определенное отношение.

Повесть начата спокойным изложением событий, характерных для исторической хроники, тем более что подзаголовок — [MDXLII] — обозначает дату — 1542 год. В соответствии с этим обозначением Тургенев вводит в свое повествование ряд исторических имен — Лукреции Борджиа, Эркола II, герцога Феррарского, французского короля Людовика XII, Карла XI, а также имена художников — Леонардо да Винчи, Луини, архитекторов — Палладио, поэтов — Ариосто, автора поэмы «Неистовый Роланд». Упоминает он и историческое событие — «немецкий поход» (то есть франко-имперскую войну 1542-1544 годов). Но Тургенев не злоупотребляет перечнем этих исторических реалий и дает их лишь как фон излагаемых собы-

тий из жизни своих героев — Фабио, Валерии и Муция.

Гораздо важнее для автора рассказать о страсти, которую внушила Валерия обоим друзьям, и о том, что «с каждым днем огонь, зажженный в сердцах обоих юношей, разгорался сильнее и сильнее». Но Валерия выбирает Фабио, и Муцию, согласно уговору, предстояло, покорившись, удалиться, что он и сделал, отправившись в страны Востока. Верный своему принципу использования совершенно конкретных, предметных деталей, Тургенев перечисляет те редкости, которые привез Муций, возвратившись в Феррару спустя пять лет: ковры, шелковые ткани, оружия, чаши, блюда, кубки и другие предметы, самое употребление которых «казалось таинственным и непонятным». С этого момента слово «тайна» и понятия, производные от него или синонимичные ему, начинают мелькать в тексте и становиться доминирующими.

Это и «тайная услуга», оказанная персидскому шаху, и «странная теплота», исходившая от ожерелья, одетого Муцием на шею Валерии, и «сказочное» начало, веявшее от названий городов и народов, и «чуждые» рассказы Муция. Это таинственные фокусы, заимствованные от индийских браминов и показанные хозяевам виллы, удивившие Фабио и испугавшие Валерию, подумавшую: «Уж не чернокнижник ли он?». Это змеи в корзине, приведшие героиню в ужас, и «нечто чуждое и небывалое» в приемах и поведении гостя. Это «странные и даже дикие звуки», а также «страстная мелодия», сыгранная на скрипке, отчего Фабио и Валерии «стало жутко на сердце». Это таинственные жесты рук и взгляды Муция, обращенные

в лицо героини. Самые разнообразные воздействия использует путешественник: зрительные (блеск заостренного алмаза), слуховые (звук «затрепетал звонко и сильно»), осязательные (ожерелье «прильнуло к коже», «надавил на ладонь»), вкусовые (вино было очень сладко и пряно), обонятельные («чрезвычайно пахучее» вино). «Необычайный» сон Валерии, в котором бледно-розовый свет озаряет все предметы «таинственно и однообразно», а жесткие руки обвивают ее стан, повторяется в схожем сне Муция, в котором он видит женщину и проникается к ней прежней любовью. И хотя она умерла, но он любит ее. В этом эпизоде намечается мотив любви «после смерти» героини, который получит развитие в «Кларе Милич».

Таинственным оказывается и история, и поведение малайца, который «принес великую жертву», «зато обладает теперь великою силой». По словам Фабия, «все это очень странно! Очень непонятно!». Что-то темное нависло над головами героев, но определить его словами они не могли. Фабий не мог уже ни писать портрет, ни читать Ариоста.

Далее таинственное проявляется в поведении Валерии. Она исчезает во время сна Фабия. С выражением «тайного ужаса» на лице она возвращается из сада, и Фабий находит на песке следы двойной пары ног. Снова звучит мелодия, исполненная Муцием в прошлую ночь. Теперь уже и духовник, посвященный Валерией в ее невольный грех, предлагает Фабию расстаться с его другом и гостем. Снова увидев жену, протянувшую руки навстречу Муцию, Фабий не выдерживает и поражает бывшего друга кинжалом. В этот же самый

миг закричала Валерия и, как подкошенная, упала на землю.

Фабий уже готов довести до сведения герцога весть об убийстве им своего лучшего друга, но он видит, как в павильоне странный малаец молится перед мертвецом и пытается его оживить. Происходит загадочное, таинственное воскрешение Муция, и Валерия, чувствуя облегчение, просит мужа бросить ее ожерелье в глубокий колодезь. Под воздействием манипуляций малайца веки мертвеца затрепетали, неровно расклеились, и лицо немого спасителя просияло «злой радостью». Фабий, наблюдавший это зрелище, не выдерживает бесовских заклинаний и покидает павильон.

Эта доминанта необычайного и позволяет отнести «Песнь» к группе «таинственных повестей» 80-х годов. За этим загадочным началом ощущим характерный тургеневский мотив страсти, сметающей на своем пути все препятствия, затрудняющие ей возможность овладеть душой человека. Оказывается, Муций возвратился в Феррару значительно раньше того мига, когда не оставалось в нем следов прежней страсти. Последняя по-прежнему еще живет в его сердце, созерцание Валерии способствует усиленному созреванию его любви, и, чтобы дать ей простор и распространить на любимую женщину свою разрушительную власть, он прибегает к сверхъестественному, пробуждению иррационального, колдовству и магии. Этот пласт занимает в повести свое значительное место, будучи раскрытым в кульминационной части ее сюжета.

Фантастическое вторгается теперь в повествование, проявляясь в странных восточных фокусах, опьянении необычным вином и за-

гадочной цейлонской песне, в колдовстве лунных ночей, в странном поведении и манипуляциях малайца, в волшебном воскрешении им мертвого Муция.

Социальные реалии теперь исчезают из ткани повести, уступая место условным обстоятельствам и фантастическим деталям. Место, которое в начале произведения занимали подробности итальянской жизни, теперь заняли восточные, нездешние, чуждые атрибуты и ритуалы. Неведомое вторгается и заполняет обычную, повседневную жизнь. Тургенев поглощен теперь скрытыми возможностями человека, такими явлениями психики, которые в его время считались непознаваемыми, например, сюжеты, структура и частотность снов; значимость предчувствий; психологическое воздействие на личность музыки; проявление бессознательного и интуиции.

Воздействие музыки на человека — особая тема «Песни торжествующей любви». Прежде всего, она формирует личность Валерии, которая еще до своего замужества, ведя уединенный образ жизни, «любила напевать старинные песни под звуки лютни, на которой сама играла». Но эту свою склонность к музыке героиня повести тщательно скрывает. Голос Валерии, замечает автор, «едва ли кто слышал. Но ходила молва, что он был у нее прекрасен». Окружая свое искусство тайной, она предпочитает петь ранним утром, «когда в городе еще все дремало». Принимая в своем доме двух неразлучных друзей, Валерия занимается музыкой с Муцием, и эти занятия связывают Валерию и ее музыканта-наставника особой, невидимой и не осознанной нитью, но объединяют их подсознательно.

Правда, она выбирает в мужа более мягкого и словоохотливого Фабия, но та интуитивная близость к музыканту не исчезает. И когда, вернувшись из долгих странствий, Муций демонстрирует свою причастность искусству Востока, насвистывает на флейте и вызывает из корзины змей, наиболее эмоционально реагирует на этот опыт, сопряженный с музыкой, именно Валерия. Правда, она внешне приходит в ужас от зрелища змеиных головок, но впечатление, полученное ею, не остается забытым. В еще большей мере героев связывает цейлонская «Песнь торжествующей любви», название которой вынесено в заголовок и которая слывет в далеком народе «песнью счастливой, удовлетворенной любви». Муций еще не испытал намеченного удовлетворения, но себя и Валерию он уже подготовил к ожидаемому торжеству. Не случайно она напряженно молчит, услышав необыкновенную музыку, но «все ее существо» повторяет вопрос мужа и говорит о высочайшей остроте восприятия услышанного. Нетрудно почувствовать сопряженность этой музыки и эротики, которую передает писатель. В своем сне Валерия ощущает власть исполнителя песни над нею: «его жесткие руки обвивают стан Валерии; его сухие губы обожгли ее всю...». Пробудившись, она снова слышит мелодию песни торжествующей любви и чувствует ее уже торжествующее звучание. Музыка становится здесь способом властвования над душой той, кто ее слышит. Как справедливо заметила Т.Г. Дубинина, «музыка здесь служит воплощением тайных, неведомых, роковых сил, которыми невозможно управлять» [6].

Когда Фабий находит исчезнувшую Валерию на далекой аллее своего сада, он видит ее сидящей на скамье под статуей мраморного сатира, который «с искаженным злорадной усмешкой лицом прикладывал к свирели свои заостренные зубы». Здесь невольно возникает ассоциация с Муцием, играющим на флейте своим подвластным змеям, и с малайцем, отпугивающим своей злобной усмешкой. Оба они — и Муций, и малаец — олицетворяют те неведомые, но властные силы, которые непостижимым образом вторгаются в существование людей. Недаром у второго из них на голове «рогатая тиара», заставляющая вспомнить не только властного фараона, но и украшенного рогами Сатану.

«Песнь торжествующей любви» еще раз звучит в финале повести. Согласие, покой и видимость счастья воцарились в семье Валерии и Фабия. Но неожиданно героиня исполняет начало песни, привезенной Муцием. И в этот момент она — в первый раз после своего замужества — чувствует внутри себя трепет новой, зарождающейся жизни. Так музыка связала еще раз трех героев повести и утвердила любовь в ее разных — спокойной, гармоничной и неистовой, страстной, дисгармоничной — ипостасях как самую высокую ценность жизни.

Новаторство позднего Тургенева, затронувшего совершенно новую тему, художественно исследовавшего глубины психической жизни человека, потребовало от него существенного изменения привычного стиля. Изображение власти неведомых сил, олицетворенных в образе человека, усвоившего культуру таинственного Востока, побудила писателя ввести в повествование, состо-

ящее из четырнадцати небольших эпизодов, резкий конфликт христианской мудрости с мудростью языческой, столкновение аполлонического типа любви с его гармонией и диониссийской страстью, несущей разрушение и хаос. Лексика повести оказалась сотканной из привычных слов — и экзотизмов (кубки, украшенные финифтью, вещи, обделанные в жемчуг и бирюзу, ящики из янтаря и слоновой кости, курева, граненые бутылки, звериные шкуры, перья неведомых птиц, жемчужное ожерелье, персидский шах, заоблачные горы, радужные цветы, Далай-Лама, железная богиня, брамины). Язык повести наполнился экспрессивными сравнениями (красиво изгибаясь, как змея; алмаз бросал «лучистые искры, как бы тоже зажженный огнем той песни», «лицо его бледно, как у мертвеца»), эмоциональными эпитетами («тонкий звон», «медные змейки», «нечеловеческий вой», «тайный страх», «радость почти злобная»), яркими метафорами («стон задрожал», «чернели капли крови», «дорога, залитая блеском месячных лучей», «стукнуло окно», «зараза ложных учений»). Прозрачный стиль автора оказался контрастным по отношению к необычному, полуфантастическому повествованию, насыщенному магическим действием и восточным колоритом.

Еще одной особенностью этого повествования является сращенность фантастики и экстравагантной интриги с автобиографизмом. Анри Труайя высказал убеждение в том, что это произведение «вне всякого сомнения, было навеяно невозможной любовью к Марии Савиной». «Коль скоро она не хотела уступать ему в реальной жизни,

не мог ли он, как его итальянский герой, владеть ею хотя бы в мечтах? Чего бы не отдал он, чтобы околдовать по загадочному рецепту своего героя молодую женщину? Поняла ли Савина тайный смысл повести, которую Тургенев прочитал для нее?» [7]. Если это так, то повесть Тургенева обладает еще одним свойством — аллегоризмом, при котором герой, несущий разрушительное начало, владеет мечтой, родственной той, что согревала автора. И тогда открывается особый, потаенный смысл шиллеровского эпиграфа: «Дерзай заблуждаться и мечтать!».

Готовя повесть к публикации, Тургенев не рассчитывал услышать положительные отзывы от своих читателей и критиков. П. Анненков и Я. Полонский были такого же мнения, хотя сами дали высокие оценки произведению. Так, Анненков писал в 1881 году Стасюлевичу: «Должен Вам сказать, что по форме, т. е. по рассказу, это маленький шедевр. Такого мастерства в изложении не много и у него самого. Ну, а по гипнотическому своему содержанию он должен сделаться предметом великих насмешек всего нашего зверинца, да, судя по эпиграфу, автор ничего другого не ожидает» [8]. Однако повесть была встречена довольно благожелательно. Тургенев был приятно удивлен тем, что его «итальянскую новеллу» в России не только не ругают, но даже хвалят. Так, М.М. Антокольский писал: «...очень милая сказка Тургенева, жаль только, что это подражание итальянским новеллам. Прудон сказал правду, что подражание есть шаг назад <...> А все-таки большое спасибо Тургеневу: он первый показал, что нам теперь лучше всего забыться, спать, бредить в фантастическом сне» [9].

Критик В.В. Чуйко в газете «Новости» писал о «необыкновенных красотах» этого загадочного произведения. Сравнивая «Песнь» с итальянскими хрониками Стендаля и легендами Флобера, рецензент недоумевал, почему писатель «на фоне итальянского Возрождения рисует нам картину странного мистицизма, напоминающую некоторые «aberration» <заблуждения> современных нам спиритов и любителей таинственного» [10].

Газета «Неделя» обращала внимание на то, что Тургенев остается прежде всего «певцом любви», и говорила о «соприкосновении поэзии повести с философией любви Шопенгауэра» [11].

Арсений Введенский в газете «Порядок» замечал, что «Песнь» «не имеет, по-видимому, решительно никакого отношения к нашему тревожному времени». Но критик защищал право писателя на изображение фантастического, особенно если оно «так идет той эпохе», и рассматривал повесть как произведение в флореровском роде. Если же, по словам Введенского, убрать фантастический элемент, то обнаружится главное достоинство произведения: оно — в тонком психологическом анализе и превосходных частностях; фантастика лишь углубляет этот психологизм. Это делает тургеневскую «сказку» современной, но не в злободневном, а в общечеловеческом смысле. Оценив «Песнь торжествующей любви» как психологическое, а не социальное или политическое произведение, Введенский точнее других критиков объяснил замысел Тургенева: недаром статья вышла из круга «Вестника Европы» [12].

Резкий критический отзыв напечатал в «Отечественных записках»

Н.К. Михайловский. Если писатель служит только чистой красоте, форме, то он неизбежно заключает в эту форму «очень низменное содержание». В полемическом задоре Михайловский, доказывая свою правоту, пришел к выводу, что «Песнь торжествующей любви» — «очень скудная история из области низменных инстинктов, поль-де-коковский анекдот, который решительно не стоило вставлять в такую блистающую роскошью фантазии рамку» [13].

В «С.-Петербургских ведомостях» была помещена статья А.П. Милюкова о «Песни торжествующей любви» (авторство Милюкова доказал И.Т. Трофимов). «Мы не будем предрешать вопроса, — пишет Милюков, — действительно ли Тургенев утратил понимание настоящего течения русской жизни». Это решит новое большое его сочинение, которое должно явиться в будущем году. Оно, вероятно, покажет, что если автору вздумалось написать средневековую итальянскую легенду, то это не потому, чтобы он сам отказался от русской современной жизни. Его «Песнь торжествующей любви» — очевидно не что иное, как легкий эскиз, набросанный в свободное время, при другой более капитальной работе... «Если в рассказе нет определенно высказанной идеи, — продолжает Милюков, — то он не чужд оригинальности и читается с интересом: в постановке лиц и некоторых сценах видно знакомое русским читателям тонкое перо даровитого художника». Милюков решительно отвергает упреки в цинизме, которые раздавались в адрес Тургенева. «В «Песни торжествующей любви», — пишет он, — так же мало цинизма, как например, в «Русалке» Пушкина» [14]. Как видим, отзывы

о «Песне...» были достаточно разнообразными: при этом большинство критиков признало поэтичность повести.

Своеобразным откликом на «Песнь» стал рассказ Н.С. Лескова «Богинька Руныка». Это была попытка оправдать фантастику легенды, жизненность изображенного. Лесков написал лишь вступление, где остановился на спорах вокруг тургеневской повести. Большинство участников спора, сравнивая «Песнь» с подобными по жанру произведениями Флобера, находили, что Тургенев превзошел французского писателя. Но «один из желчных людей» (Лесков, возможно, имеет в виду Михайловского) назвал повесть «торжеством [прелюбодеяния] разврата». Но кто-то из присутствовавших в доказательство реальности тургеневского сюжета рассказал «ужасный случай в подоб-

ном роде», представляющий собой «мордовское предание».

Этот-то случай и должен был составить содержание «Богиньки Руныки» [15]. А А.М. Кучерская показала, что «Песнь...» Тургенева стала претекстом одного из эпизодов «Тупейного художника» Лескова [16].

За рубежом повесть Тургенева имела еще больший успех, чем в России. «...здесь в Париже, — сообщал писатель Стасюлевичу, — даже находят, что я ничего лучшего не написал!» [17]. Повесть была издана в Германии, во Франции (здесь печатался перевод «Песни», выполненный Тургеньевым и П. Виардо), в Америке, Дании. Очень понравилась «Песнь» И. Тэню. Были созданы две оперы на основе тургеневского текста: опера В.Н. Гартевельда (1895) и опера А.Ю. Симона, которая шла в Большом театре, где партию Фабио пел Л.В. Собинов.

Литература:

1. Пумпянский Л. Тургенев и Флобер // И.С. Тургенев. Сочинения / Ред. К. Халабаева и Б. Эйхенбаума. М.; Л.: ГИЗ, 1930. Т. X. С. 5–19.
2. Флобер Гюстав. Собр. соч.: В 5 т. М.: «Правда», 1956. Т. 4. С. 80.
3. Там же. С. 72.
4. Тургенев И.С. Песнь торжествующей любви // И.С. Тургенев. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинения. М.; Л.: «Наука», 1967. Т. XIII. С. 68.
5. Мазуччо Гвардато. Новеллино. М.: Изд. «Республика», 1993. С. 277–287.
6. Дубинина Т.Г. Музыкальные мотивы в повести И.С. Тургенева «Песнь торжествующей любви» // Спасский вестник. Вып. 22. Тула: Аквариус. 2014. С. 85.
7. Труайя Анри. Иван Тургенев. СПб: Амфора, 2015. С. 198–199.
8. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке: В 5 т. / Под ред. М.К. Лемке, СПб. Т. III. С. 396.
9. Антокольский М.М., его жизнь, творения, статьи. СПб. Изд-во М. Вольфа, 1905. С. 444.
10. «Новости», 1881. 20 ноября, № 308.
11. «Неделя», 1881, № 46. С. 1533–1536.
12. См.: Муратов А.Б. «Песнь торжествующей любви». Комментарии // Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 28 т. Сочинение. М.; Л.: «Наука», 1967. Т. XIII. С. 569–570.
13. «Отечественные записки», 1881, № 12. С. 199.
14. Трофимов И.Т. «Клара Милич», «Песнь торжествующей любви». Статьи А. М-ва о произведениях Тургенева // Тургеневский сборник. Вып. III. Л.: «Наука», 1967. С. 166–167.
15. См.: Афонин Л.Н. «Песнь торжествующей любви» в творчестве Н.С. Лескова // Тургеневский сборник, вып. II. С. 209–216.
16. См.: Кучерская М.А. «Песнь торжествующей любви» как претекст неоконченного рассказа и «Тупейного художника» Лескова // Спасский вестник. Вып. 22. Тула: «Аквариус», 2014. С. 71–81.
17. Тургенев И.С. Указ. соч. Письма. Т. XIII, кн. 1. С. 81.

Нонна Ильенкова
(Россия, Санкт-Петербург)

ИСКУШЕНИЕ

Дрожащая от холода рука Сергея никак не могла повернуть ключ в замке. Сам он очень устал, много мотался по городу. А погода!!! Лучше и не произносить это слово — иначе, не желая того, чертыхнёшься... Промозглая осень... Жизнь без солнца... Муторно на душе.

Дверь отворилась — дохнуло теплом, покоем и ... сном. Включив свет в прихожей, он увидел у порога Грея, черного с подпалинами добермана, который почти шёпотом поскуливал, зная, что шуметь нельзя, люди отдыхают.

— Ну, что, белодага, опять тебя не выгуляли на ночь? — Пёс лизнул ему руку и принёс поводок...

Боже, как не хотелось Сергею идти еще раз в эту слякоть, ветер, темноту! Снег слинял, земля почернела, местами еще оставались ледяные надолбы.

Что тут скажешь — поздняя осень не рай небесный.

Грей сильно тянул поводок, наведывая все свои укромные уголки соседних дворов по известным только ему тропинкам. Сергей, едва поспевая за ним, раз чуть не упал, не заметив в темноте поребрик. Удивился, не обозлившись на пса, даже улыбнулся, ощутив прилив какого-то тепла в груди. Ветер, холод, ночь — это не главное. Что-то есть над этим, выше этого!!!

И всё же:

— Темнота, хоть глаз выколи, — выдохнул он. — Глаз? Глаза...

Глазищи!!! Под чёрной чёлкой ниже бровей. С ними он встретился сегодня утром, взглянув на проходящую мимо девушку... Глаза ответили ему улыбкой, хотя лицо осталось безмятежным. Сказать — красавица — сильно преувеличишь, но что-то притягивало к ней больше, чем красота. Быстрым шагом она шла к остановке троллейбуса. Серая курточка прятала тяжёлые тёмные волосы. Роскошные волосы, которые не сумел растрепать даже ветер... Она торопилась, из-под руки выскользнула книга — Сергей, разумеется, её поднял... Он молил Бога, чтобы она что-нибудь сказала. Голос — вот главная фишка её сути. Подавая книгу, вслух прочел:

— «Хижина. Разговор с Богом»... Странноватое название. Не так ли?

— Пожалуй, — грудным глуховатым голосом спокойно ответила она.

— Вы верите в Бога?

— Затрудняюсь однозначно ответить, но книга удивительная. Читая, не задаешь вопросы, получаешь ответы, не спрашивая, — почти шепотом проговорила она.

Какая-то тайна в ней, недосказанность, даже в голосе, удивился Сергей.

— Я читал эту книгу, знаю. А вторую с тем же названием, но с другим подзаголовком вы читали?

— Пока не осилила, — усмехнулась она. У нее задрожал подбородок от попытки подавить улыбку. И столько женского начала было в ней! Такая сила незаурядной личности сквозила в каждом ее движении, в слове, взгляде, что Сергей задохнулся. А глазницы все понимали в нем, притягивали к себе, требовали, не отпускали...

Показался троллейбус.

— Всего хорошего, — промолвил Сергей, — жаль, что так мало удалось поговорить... о книгах.

— А вы позвоните, — крикнула она с подножки троллейбуса, — у меня простой номер телефона: пять восьмерок и после каждой — число по убывающей.

День прошел в трудах праведных. Сергей ни разу даже не вспомнил об этой встрече. Да и такое ли важное событие приключилось? И только сейчас ночью всплыли в памяти ее глаза и дрожащий подбородок, подавляющий улыбку.

— Ой, до улыбок ли мне сейчас, — едва поспевая за Греем прошипел Сергей, сразу как-то сникнув.

Вдруг поводок ослабел, пес остановился, замер. Сергею послышались едва уловимые живые звуки. Грей словно на цыпочках заскользил куда-то вправо и остановился у невысоких кустиков, еле заметных в темноте. Неожиданный пучок света из вспыхнувшего окна прорезал ночь, дождь, мглу, осветил кустики. Тут же раздалось теньканье какой-то пичуги, перешедшее почти в соловьиную трель. Это ночью-то, почти зимой?!

— Что это? Наваждение? Сказка? Розыгрыш? Случайность? И кто же там, за окном? Сергей не мог ни шевельнуться, ни издать звука. Застыл, как изваяние, а рядом окаменел Грей... Летели мгновения, минуты, а рулады неведомой певуны наполняли сердце Сергея сладкой истомой. Единственное в доме горящее окно в этот час неудержимо привлекало к себе, словно указывало выход, направление, раскрывая какую-то тайну. Сергей уже не сомневался, что там, за окном, в своей «хижине» она — и ему до боли сердечной захотелось оказаться там, в ее «хижине», смотреть в ее черные как ночь, глаза, поцелуем снять с дрожащего подбородка улыбку и испытать этот поцелуй, как бокал изысканного вина. Быть с ней, в ней — все остальное уже не имело никакого значения... Грей переступил с лапы на лапу, напомнив о себе, — Сергей не отреагировал. Он весь был уже там...

— Что же я так, без звонка-то? Как это — пять восьмерок, после каждой цифры по убывающей...

Судорожно выхватив из кармана мобильник, Сергей набрал первую цифру — птаха замолкла, окно погасло... Ночь, темень хоть глаз выколи... Сильный рывок Грея вывел его из оцепенения. До дома было рукой подать.

Крупный дождь со снегом обжёт его щёку...

*Екатерина Алексеева
(Россия, Санкт-Петербург)*

КОЛДУН

Уже не в первый раз страх и совесть выгнали Алису на улицу в поисках работы. Судя по тому, что ей не было еще и тридцати, никакими серьезными заболеваниями она не страдала, такие поиски были в ее жизни не последними.

Ее лучшие и единственные итальянские сапоги протекали, каждый шаг сопровождался печальным бульканьем. Сырость — постоянная жительница ее родного города, сейчас докучала своей назойливостью как никогда.

Стараясь не сталкиваться с мелькающими вокруг прохожими, Алиса выискивала взглядом белые прямоугольники объявлений. Они иногда поблескивали на дверях офисов и магазинов, как редкие лучи солнца. Проходя мимо низких окон нового антикварного магазинчика, Алиса заметила объявление: «Требуется продавец».

«Странно, — подумала она. — Антикварный магазин! Там всегда работают «свои» люди. А тут вдруг — требуются! Что-то подозрительно! Наверно есть какой-то подвох?!» — Она в размышлении прошла несколько домов, потом набралась храбрости и вернулась обратно к магазину.

«Если я только поинтересуюсь, от этого хуже не будет», — она надавила на дверь, приветливо звякнул колокольчик. Спустившись по небольшой лестнице, она оказалась в полуподвальном помещении. За кассой, стоящей на массивном дубовом столе, сидела девушка. Алиса, набрав в грудь воздуха, произнесла:

— Я по объявлению...

— А! Проходите туда по коридорчику налево и увидите дверь, — девушка махнула рукой в сторону темного прохода.

Алиса постучалась, сильный мужской голос сказал: «Войдите!».

Открыв дверь, она оказалась в маленьком, душном помещении без окон, в приглушенном свете электрической лампы она смогла разглядеть фигуру худого, сутулого мужчины.

— Присаживайтесь! — он элегантно жестом, поигрывая перстнем на аристократической руке, указал на стул.

— Я прочитала объявление, что вам требуются продавцы. — Алиса присела на стул, робко косясь на мужчину.

— Да, требуются, у вас есть опыт работы продавца?

— К сожалению нет.

— А какое у вас образование? — директор ощупывал взглядом ее стройную фигуру.

— Высшее. По образованию я искусствовед. Долгое время работала в музее.

— Почему вы ушли из музея?

— Зарплата маленькая.

— Вы замужем?

— Нет, но у меня есть ребенок — сын, я воспитываю его одна.

Мужчина вздохнул и стал разглядывать что-то на столе.

— Если вас не смущает, что зарплата в нашем магазине тоже маленькая, я готов взять вас на работу с испытательным сроком.

Вдруг в проеме двери возникла Шехеразада из восточной сказки.

— Михаил Борисович! Тут пришел мужчина и принес оленьи рога.

Директор провел рукой по короткому, седому бобрику на голове, его лицо клоуна-балбеса расплылось в широкой улыбке.

— Я уже свои из дома принес, никак продать не могу.

— Хорошо, я скажу, что нас не интересует — вильнув бедром, Шехеразада удалилась.

Михаил Борисович дал Алисе лист бумаги.

— Вот, киска! Заполнишь договор и уже завтра можешь выходить на работу.

На следующий день Алиса пришла к девяти утра. Ее встретила Шехеразада, она же Наташа. Красивая хищница с карими глазами окинула Алису презрительным взглядом.

— Не знаю, справишься ли ты! Здесь работа не простая, нужно оформлять много квитанций, оценивать товар, взвешивать золото и серебро, целый день на ногах. А зарплата маленькая. Многие из-за этого увольняются.

— Постараюсь справиться, — ответила Алиса.

— Уж, постарайся! — сверкнула зубами Наташа.

Тут из соседнего зала появился сорокалетний подросток.

— Томочка, познакомься с новой продавщицей! — обратилась Наташа к вошедшей женщине похожей на взъерошенную птичку.

Миниатюрная Томочка изучающе осмотрела новенькую, кутая озябшие кулачки в теплую шаль.

— Надеюсь, что вам у нас понравится, — пропищала она.

Алиса почувствовала себя неуютно. «Сначала всегда бывает не по себе, а потом все налаживается», — успокоила себя она.

Прозвенел колокольчик, на пороге появился Михаил Борисович.

— Здравствуйте, киски! Как наши дела? — он уселся в старинное кресло рядом с книжным шкафом, сложил руки в жесте молящегося, положил ногу на ногу.

— Ты уже освоилась? — он посмотрел на Алису.

— Потихоньку привыкаю.

— Наташенька, на тебе новая кофточка! Очень идет!

— Спасибо, Михаил Борисович! Вы внимательны, как настоящий полковник! — она покраснела от удовольствия.

— Был полковник, а сейчас в отставке, но для вас, кисоньки, буду всегда настоящим поклонником вашей красоты!

Все три женщины почувствовали себя принцессами, Томочка даже выпрыгнула из теплой шали.

«С таким директором будет приятно работать», — радостно решила Алиса.

Первое впечатление ее не обмануло. Директор всегда оставался терпелив и внимателен. К работе она привыкла. С Томочкой и Наташей подружилась. Только зарплата оставляла желать лучшего. Этим вопросом женщины постоянно изводили директора.

— Ну, кисочки, милые, зачем вам деньги? — он вздымал руки к небу. — Вот ты, Наташа, на что потратишь деньги, если они у тебя будут?

— Я куплю шикарную дубленку, — облизнулась она.

— Я хочу поехать в далекие страны, посмотреть мир и себя показать, — вмешалась Томочка.

— А ты, Алиса? — Михаил Борисович посмотрел на нее.

— Я тоже мечтаю о дубленке и хочу увидеть разные страны, но сейчас мне больше всего нужна дача, чтобы ребенок мог дышать свежим воздухом, — Алиса мечтательно открыла большие, голубые глаза.

— Ну, что же, все в ваших силах, — Михаил Борисович скрестил руки на груди. — Я хочу открыть вам одну тайну. Все люди подразделяются на колдунов с ведьмами и прочих. Я — колдун! — он торжественно посмотрел на женщин. — Иначе, как бы мне удалось держать такой магазин? Я постоянно работаю над тем, чтобы деньги притекали в мой карман. А вы — мои ведьмы! И если будете делать, то, что я вам говорю, тоже будете богаты.

— Я всегда чувствовала, что во мне есть что-то демоническое, — промурлыкала Наташа, страстно потянувшись к директору.

— Нам придется летать на метле? — засмеялась Томочка. — Тогда вам нужно обеспечить нас инвентарем. В магазине нет ни одной метлы, только в туалете стоит одна старая швабра.

— Шутки в сторону! — Михаил Борисович стал очень серьезен. — Это действительно тяжелая работа. У меня есть три заказа на участие в тендерах. Каждая из вас силой своей мысли будет сопровождать один из тендеров. Та ведьма, чей заказчик выиграет, получит хорошую премию. — Он раздал женщинам фотографии объектов. — Можете начинать работать! — затем он торжественно отправился в свой кабинет.

Женщины переглянулись.

— Это он серьезно? — прошептала Алиса.

Наташа с Томой таинственно переглянулись.

— Лучше не задавай вопросов, а делай, что говорят, — предложила Наташа.

«Не знаю, как вам, а мне кажется, старик обкурился у себя в коморке», — решила про себя Алиса.

Через пару недель директор вызывает к себе Алису.

— Как дела, киска? Ты работаешь над заданием?

Алиса не придавала серьезного значения заданию директора, а сказать в глаза, что считает его затею, мягко говоря, фантастикой — не решилась. Она, молча, опустила голову.

— Скажи, я тебе нравлюсь как мужчина? — неожиданно спросил он.

Алиса оглядела его бледную, сухую фигуру. В молодости он был привлекателен для женщин: высокий, стройный, открытый, умный взгляд золотистых глаз. Но годы и болезни сделали свое черное дело.

— Нет, как мужчина не нравиться! — честно призналась она. И сразу пожалела, что слова прозвучали, как ей показалось, резко и могли обидеть. — Но как человек..., — она попыталась исправить ситуацию.

— Понятно, киска, — перебил он ее и улыбнулся. Затем протянул Алисе пачку зеленых бумажек. — Ты выиграла тендер! Присматривай дачу.

ЗУБ

Укладывая в рюкзак походные вещи, Павел нащупал языком выпавшую из зуба пломбу.

«Вот невезуха! Нужно уезжать, а тут проклятый зуб! Вкалывал целый год, как бобик, надеялся на это путешествие, придется ехать с дыркой, к врачу идти уже некогда».

Павел перекинул рюкзак через плечо, взял этюдник и отправился на поезд. Восторженные призывы рекламного проспекта обещали незабываемый отдых: «маршрут позволяет пройти по самым живописным местам Кавказского заповедника, посмотреть на дикую природу Кавказа, увидеть величественный горный массив Фишт и спуститься к Черному морю, где можно купаться и загорать. За время похода мы пройдем буковые и еловые леса, альпийские луга и ледники горы Фишт. По пути мы будем наслаждаться видом гигантских водопадов».

Знакомство с группой состоялось после высадки из поезда. Инструктор построил всех в шеренгу, ознакомил с маршрутом и стал распределять походные вещи с продовольствием, сложенные большой горой перед выстроившимися туристами.

Павел окинул взглядом мужскую часть группы: «Понятно! Два студента-ботаника (эти будут бабочек ловить), один ветеран (старичку нужен покой), этот женатик (будет всю дорогу за жену держаться), а вот этот интересный экземпляр, примерно моего возраста двадцать — тридцать лет, рослый качок с квадратной челюстью. Со мной на ринге дрался один такой... Перед матчем он улыбался, глядя на меня, но потом был очень удивлен, лежа на носилках с сотрясением мозга. Я дрался в первом тяжелом, выглядел худым при росте метр восемьдесят два. Здоровяк не подозревал, что в боксе главное ноги и мозги.

Теперь посмотрим на девочек: «Сорокалетние толстушки — сразу отпадают (пусть старичок развлекается), молодые, но страшные — тоже. А вот эта как раз в моем вкусе — напоминает работу художника Ренуара «Купальщица». О, как заныл зуб! Нерв совсем оголился! Похоже, что я ей тоже понравился. Чувствую, как в меня попадают выстрелы ее золотистых глаз».

Пройдя вдоль ущелья реки Белой, по буковым лесам, на одной из полян группа сделала первую ночевку. Инструктор опять всех построил

и объявил, что палатки рассчитаны на четыре человека и чтобы было теплее, женщины лягут в центр, а мужчины по краям. После распределения мест Павел оказался в одной палатке с качком, «купальщицей» и какой-то серой «креветкой». Он призвал всех святых, чтобы «купальщица» оказалась на его стороне, но видимо сегодня был не тот день — рядом оказалась «креветка». Она озабоченно ворочалась, устраиваясь поудобней. Все представились: «креветка» назвалась Розой, «купальщица» — Таней, а качек был Олегом.

Павел постарался заснуть. Это оказалось не просто, с одной стороны бок замерзал, а с другой об него постоянно терлось разгоряченное тело Розы. Она крутилась, как будто ее атаковала стая комаров, в темноте сверкали части обнаженной спины и ягодич. Павел не выдержал и повернулся к ней.

— Что, не спится?

Из темноты сверкнули два карих глаза.

— Извини, наверно не даю тебе спать? Привыкла вертеться с бока на бок, ничего не могу с собой поделать.

Он пододвинулся ближе и положил руку на ее бедро.

— Ничего, я понимаю, непривычная обстановка и все такое..., — он поглаживал ее ниже спины, она притихла и не пыталась отнять его руки. Тогда он запустил руку ей под трусики.

— Ты хочешь взять у меня самое дорогое?! — прошептала она, останавливая его руку.

— Нет, только хочу согреться, а то зуб от холода ноет. — Он опять взялся за ее трусики. Роза оказала решительное сопротивление.

— Потом! Потом!

— Сейчас! Сейчас!

— Потом! Потом! Потом!

— Как хочешь! Мне это надоело. — Павел отвернулся, постепенно заснул.

Утром Роза от него не отходила, он ловил на себе ее восхищенные взгляды, только сам старался держаться поближе к Танюше.

Группа подошла к водопадам. Самый большой водопад высотой пятнадцать метров Павлу захотелось нарисовать. Разложив этюдник, он приготовился к работе. Тут же его обступили любопытные зрители. Роза стояла по одну сторону, а Таня — по другую. Нагибаясь, Роза старалась прикоснуться к нему пышной грудью, Таня терлась об него бедром. Он чувствовал их тепло. Это мешало работать. Девушки интересовались искусством, просили дать им несколько уроков живописи. Таня рассказала, что закончила театральный институт, сейчас работает в городском театре.

Павлу все же удалось сделать несколько акварельных набросков, и они отправились дальше. Пройдя ущелье и перевал, группа вышла к плато, там возле горы они сделали вторую ночевку. Перед сном все собрались у большого костра, кто-то пел, играли на гитаре. Павел сидел в окружении Розы и Тани. Он незаметно взял Танину руку.

— Ты не замерзла? Может, пойдем, погреемся в палатке? — тихо предложил он.

Таня радостно согласилась.

— Только давай уйдем по очереди, чтобы не привлекать внимания. Сначала иди ты, а потом я.

Таня кивнула и поднялась.

Наблюдая за поведением Павла и Тани, Роза все поняла. Жгучие слезы ревности выступили на ее глазах. Роза под села к Олегу.

— Что случилось, Роза? Почему ты плачешь? — поинтересовался Олег.

— Меня обидел Павел! Он хотел меня заставить заняться с ним любовью в палатке.

Лицо Олега окаменело.

— Не плачь! — он потрепал Розу за плечо. — Я с ним поговорю.

Роза всхлипнула и затихла на плече Олега.

Через некоторое время у костра показались Павел и Таня. Олег отвел Павла в сторону.

— Послушай, красавчик! Ты че себе позволяешь! Роза плачет!

— Не понимаю! Я тут причем? — Павел настороженно смотрел в лицо Олега.

— Все ты понимаешь! Может тебе зубы пересчитать!

— Ты не похож на стоматолога. — Павел развернулся плечом к Олегу, согнул руки в локте, а взгляд открыл для глаз противника. Олег опустил глаза. Быстро сжимая и разжимая кулаки, он мелко подпрыгивал на одном месте. Павел расслабился.

— Не лезь не в свое дело! — он отвернулся и пошел к костру.

Последующие дни похода Павел наслаждался обществом Тани. Выйдя на морское побережье, они заняли комнату в домике на двоих. Здесь они провели незабываемые дни и ночи, пропитанные солью морских волн и теплом южного солнца. Счастливые и отдохнувшие, они разъехались по домам, обещая перезваниваться и приезжать друг к другу в гости.

Вернувшись домой, Павел отправился в зубную поликлинику. В справочном окне его спросили, к какому врачу он хочет попасть?

— Я давно не был в поликлинике, поэтому пойду к тому, кого вы посоветуете.

— Тогда пойдете к Юнхель!

— Юнхель? Хорошо, пусть будет Юнхель.

Открыв дверь кабинета, Павел замер. Место врача занимала Роза, сжимая в руке бормашину. Она его узнала, жуткая улыбка поползла по ее лицу. Павел понял, что если тут же не пойдет в отступление, то потеряет больше зубов, чем рассчитывал. Он попятился к двери, тихо приговаривая:

— Потом! Потом! Потом!

Уже пробегая по лестнице, Павел услышал крики Розы:

— Сейчас! Сейчас! Сейчас!

Владимир Серов
(Россия, г. Саратов)

ВЕЧНОСТЬ

Мамааааа!!! — крик рвался из него и не находил выхода. И он бежал босой, путаясь в ночной рубашке, по тёмному коридору без конца и края, пока не уперся, вдруг, в её колени. Сильные, но теплые и нежные, руки обхватили его и прижали к себе.

И этот запах маминой груди успокоил его.

И он уже только всхлипывал, затихая, а она целовала его в пшеничную маковку и шептала.

— Ну, что ты! Что ты!

И плыла луна, бледным пятном падая из окна на пол.

И была река. Широкая и темная.

И на далёком берегу желто светился огонёк.

Он грёб на этот огонь, взмахивая вёслами легко и свободно, с напором всей своей молодости. Берег не приближался, но это его не смущало, главное было в самом движении.

И это длилось бесконечно!

Кислым тянуло от переполненных баков. И эта вонь, смешиваясь с пресно-мертвенным запахом города, не оставляла надежды на глоток свежего воздуха.

Но присутствующие этого не замечали.

— Что скажете, док?!

— Это не криминал! Обратите внимание на его лицо.

— Ну, лицо!

— Не скажите! Он улыбается! Я такое видел лишь однажды. Так умирал отец. Долго мучился. И когда, наконец, отошёл, то на его лице была такая же улыбка!

ЗЯБЬ ДУШИ

Время избороздило его лицо.

А веру в людей глубоко перепахали те, в кого он так хотел верить.

Усердно, тщательно... навсегда.

И на краю жизни его душа представляла собой сплошную зябь — огромное поле, изрезанное бороздами подлости, лжи, предательства, тщеславия, жадности, трусости... и многим чем ещё!

Но среди этой бесконечной, чёрной жути оставался единственный огрех, который, несмотря ни на что, ярко зеленел — любовь его собаки.

ЗАТМЕНИЕ

Одиночество хорошо тем, что его не надо с кем-то делить.

Вот и луна, сегодня она полная, совершая свой путь, ни с кем не делится своим одиночеством.

Но она хоть кому-то нужна!

Сейчас она блёкло освещает высокие перистые облака на ночном небе. Редкое зрелище!

А ещё толпа влюблённых пар, наверняка, сейчас пялится на неё, вздыхая и тоскуя о чем-то романтическом.

Именно пары!

Странно!

Человек всегда одинок, но для того, чтобы это почувствовать, ему надо обязательно кого-то или что-то потерять.

Вот и луну хотели закрыть эти облачка, но эта мелюзга ничего не может, — проскочили мимо.

И не такие пытались!

А она опять одна.

Следует назначенным ей путём и никого не боится.

А кого ей бояться!

Говорят, вчера было лунное затмение.

И что?!

В слове «затмение» изначально заложено нечто временное, что сначала наступает, а потом неизменно проходит.

Так и вышло!

Ну, совсем как у людей.

РОЗОВЫЕ ОБЛАКА

Солнце уже село, но было ещё светло. Повеяло прохладой.

Сегодня после полудня по небу пошли полосами высокие облака, которые сейчас вдруг стали нежно-розовыми.

Но что удивительно — деревья и кустарники в верхней части также покрылись как бы розовой пылью!

Это создавало потрясающий эффект нереальности окружающего ландшафта.

Так продолжалось минут пятнадцать. Я сидел в кресле на крыльце дачи, не в силах оторвать взгляд от этого волшебства.

Потом пыльца потускнела, затем исчезла.

Сад снова стал обычным.

ОТТЕПЕЛЬ

Ближе к вечеру ветер погнал с юга снежную массу. Она то вилась тучками мошек в свете фонаря, то редела и начинала опадать на землю большими хлопьями, которые степенно кружились в неровном, медленном ритме. По телеку передали, что на завтра отменены все междугородние

автобусные рейсы. В ночь снег поредел, а его пушистая полоса на подоконнике опала, став плотной и сырой.

К утру снег перестал, уступив место туману, в котором, беспокойно гогоча, носились вороны.

Одна из них, сидя наверху тополя, кричала что-то своим подругам, пролетавшим мимо, смешно вбирая в себя при этом головку и распушая хвост.

Внизу натуженно урчали машины, еле-еле продвигаясь по нечищенной дороге.

В сыром воздухе слабо пахло весной.

ОДИНОКАЯ СТАРОСТЬ

После мокрого снега заглодало, отчего к утру подъезд к дому и пешеходные дорожки оледенели.

Приходилось скользить и постоянно смотреть под ноги, чтобы не упасть.

Вдруг послышался странный звук, будто вразнобой шаркали палками по льду.

Повернув за угол, я увидел бабушку в длинном грязно-бежевом драповом пальто.

На подбородке сморщенного тёмного лица, обрамлённого серым пуховым платком, торчало несколько белых волосинок.

Она передвигалась, опираясь на шагающие ходунки.

Это выглядело жалко и нелепо.

— Что, даже в магазин некому сходить?! — удивился я.

— Да! — ответила бабушка, отвернулась и подняла руку, как бы защищаясь.

— Э-эх! — вырвалось у меня.

Она повернула ко мне лицо.

В её глазах стояли слёзы.

НОЧЬ

Ясно.

Горбушка луны взошла на востоке слева от вечерней звезды.

Они, не освещая почти ничего, только подчеркивают черноту ночного сада.

С запада по краю неба — слабый абрис макушек деревьев, там сереет свет города.

И несколько пятен облачков в вышине.

Тихо.

Табачный дым медленно уплывает в холодную сырость.

До рассвета далеко.

Это моя последняя ночь в саду в этом сезоне.

ПРИТЧА О ТЩЕСЛАВИИ

Как-то раз, после длительного обучения, Юноша сказал Учителю.

— Я прошёл все этапы, и познал Вашу науку до конца, теперь я вызываю Вас на бой, чтобы все убедились, что это так.

— Хорошо! — ответил Учитель.

Они вышли к татами и поклонились друг другу перед началом схватки.

Юноша принял боевую стойку, а Учитель внимательно посмотрел на него и сказал:

— Я знаю, что ты меня превозмог, и хочу объявить это всем. А в знак твоей победы я дарю тебе этот меч.

Учитель вышел в другую комнату, вынес оттуда клинок и вручил Юноше.

Тот его взял и поцеловал лезвие меча.

Спустя секунду его лицо, руки, ноги и тело окаменели.

Учитель подошёл к нему, слегка толкнул его, и Юноша упал навзничь.

Прошла минута.

Юноша зашевелился, затем смог встать.

— Что это было?! — изумленно спросил он.

А Учитель объяснил ему:

— Побеждает не тот, кто сильнее, а тот, кто умней!

— Я понял, Учитель! — кивнул головой Юноша.

— Да, ничего ты не понял!

— Почему?! — удивился тот.

— Тебя победил не мой ум, а твоё тщеславие.

— Что мне теперь делать?! — воскликнул Юноша.

— Будешь моим Учеником. Я тебя научу, как его победить.

ЗЕМЛЯ И НЕБО

ОНА: Изящна и хрупка. Каждая линия её роскошного тела отличалась тонкостью и великолепием, а само тело — блеском.

ОН: Прямолинеен до грубости.

Но когда умелая рука водила им по струнам её души, рождалась гармония.

Так земля и небо, сходясь на горизонте, являют собой картину мировой гармонии.

И в этом они восхитительны!

ПАДАЛ СНЕГ

И падал снег!

Всё падал и падал.

Безмолвно и, казалось, как-то обречённо.

Будто пытаюсь сказать — всё пройдёт, и эта печаль тоже, не волнуйтесь, люди, всё будет хорошо!

Обрекая себя на растаивание в будущем, он жертвовал собой ради этой нашей надежды.

Радуйтесь и надейтесь — был его безмолвный призыв.

СМОТЯ В ОКНО

Я периодически смотрел в окно лоджии. Погода портилась. Сначала по небу полукольцом стали наползать серо-синюшные низкие облака. Постепенно небо полностью накрыло этой подушкой.

В ночь поднялся южный ветер и пошел частый, холодный косой дождь! Он барабанил по отливу окна всю ночь и утро. Ветер усилился. Затяжными мощными порывами он валил влево макушки пирамидальных тополей, которые находились напротив моего окна. Дождь измельчал каплями и стал ещё противнее.

Внизу периодически проезжали машины, разбрызгивая от себя грязную воду, иногда тормозя на перекрестке, чтобы пропустить выезжающие с бокового проезда авто. Редкие прохожие, скукожившись от дождливого ветра, спешили пересечь открытое пространство и найти какое-нибудь укрытие.

Температура упала до «нуля», но земля, пока ещё хранившая остатки тепла, не давала образовываться наледи. То же было и на дороге.

Осенняя картина, открывающаяся из окна, не прибавляла жизненного тонуса. Я периодически пил кофе, запивая его холодной минералкой, и ел дольки апельсина. Неожиданно возникла тоска по летнему зною. Захотелось коньяку.

К вечеру на город опустилась пелена тумана. Она висела над городом метрах в двадцати от земли, закрывая видимую днем линию горизонта, а заодно — и холмы, подпиравшие с запада город к реке.

В наступающих сумерках очень странно выглядела 25-этажная башня новостройки, которая находилась впереди, в метрах двухстах от моего окна. Днем она торчала, выбиваясь из общего уровня жилой застройки. А теперь её часть, выше пятнадцатого этажа, была закрыта туманом, что создавало странный, почти фантастический, эффект. Было непонятно, то ли башня уходит ввысь в небесную бесконечность, то ли, наоборот, уткнулась в землю, вынырнув из этой бесконечности, а теперь земля мешала ей пропихнуть свои этажи дальше в пространство.

В местных новостях передавали «горячие» репортажи о сломанных деревьях, покореженных машинах и проливах воды в домах, где безалаберные строители не успели закрыть крыши домов, в которых делали ремонт.

Ветер почти стих. А морось, в которую превратился дождь, покрывала лицо тонкой пленкой влаги, когда я, высунувшись наружу, курил на лоджии.

К утру дождь закончился.

И я заметил, что листья тополей, ещё позавчера зелёные, приобрели желтоватый оттенок.

Это осень предупредила тополя — скоро зима!

КАПЛЯ

«Я-то знал, что любая росинка — слеза»

Арсений Тарковский,

«Я учился траве, раскрывая тетрадь...», 1956

Все, конечно, наблюдали, как капает из крана.

Вопрос в том — что именно вы видели?

Суть наблюдения — процесс формирования капли на краешке пипки крана:

— Вот она несмело появляется, утолщаясь линзой на обрезе пипки.

— Линза становится толще, пока под своим весом не превращается в выпуклую каплю.

— Но это пока и не капля вовсе, а лишь её зародыш.

— Зародыш превращается в собственно каплю в момент отрыва от краешка пипки.

А дальше — миг падения в ничто!

И превращая землю в решето,

Не зная почему, зачем?

Погибнет капля, землю оросив,

Её в цветущий сад преобразив.

Вот так же мысль, свободную в полёте,

В текст превращает автор на её излёте.

ПЕРВЫЙ МОРОЗ

День был без снега, около «нуля» и сыро. В ночь ударили ветер и мороз, где-то минус десять.

Вышел на лоджию, чтобы покурить, и открыл одно из окон. Пахнуло холодом, и я услышал позвякивание тополиных веток друг о друга. Было такое ощущение, будто сыпалась крупа на лист железа.

Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)

СЫН

ГЛАВА 1

Пронзительный звон будильника не разбудил, а вытряхнул из состояния сна Алексея. Надо же китайцам сделать такой агрегат, даже не дает полежать в спокойном состоянии после звонка и пяти минут, а требует моментального подъема. Попробуй — не встань! Так он своим пронзительным звуком вытянет из тебя всю душу! Пришлось выбраться из теплой постели, сразу отключить ненавистный будильник и приняться за обычные утренние процедуры: туалет, зарядку, завтрак. Особенно Алексей не торопился; все его время было заранее рассчитано — так что если не подведет транспорт, он во время приедет на автовокзал. Вчера вечером он попрощался с женой и дочкой, и утром даже не заходил в комнату, боясь потревожить их сладкий сон.

Почти каждый год свой отпуск Алексей проводил на своей родине — в маленькой забытой всеми деревеньке. Правда, раньше это было большое село, но лет двадцать назад районное начальство изменило направление близлежащей дороги, ее для удобства движения перебросили на три километра в сторону; село Алексея сразу затерялось за полями и перелесками совхозных угодий. Люди, потихонечку стали переезжать в центральные усадьбы; его мать недавно умерла от каких-то женских болезней, а за нею от старости и одиночества последовала и бабка. Перехоронив на местном кладбище всех своих близких, он остался владельцем деревенской усадьбы: крепкого дома, участка земли, где росли пять сортов яблонь и штук десять кустов смородины и крыжовника, картофельного поля и четырех грядок для выращивания овощей.

Хозяйство ему досталось в хорошем состоянии: дом деревянный, рубленный, большой был построен его дедом Иваном; жаль, что тому пожить в своем жилище не пришлось... умер от военных ран. А мастер был на все руки — мог сделать и замысловатую игрушку внуку топором и этим же орудием легко построить крепкий сарай и баньку. Отца своего Алексей никогда не видел, все говорили, что погиб в сорок четвертом, когда партизанил в лесах; документов о его смерти дома не было. Правда, под иконой, на стенке, висела в рамочке старая любительская фотография, где была изображена группа подростков, девчонок и мальчишек, там, в центре группы, стоял высокий светловолосый крепкий парень, а рядом — симпатичная девчонка, мать Андрея. Фотография была довоенная, как она сохранилась — одному Богу известно! Их село два года было «под немцами», всю молодежь, которую не забрали в армию, оккупанты

угнали в Германию. Мать Алексея спаслась только потому, что со своим отцом была у партизан. Алексей родился в сорок пятом, что он помнит — маленькую темную землянку, какую-то черную дыру в земле, всю пропитанную дымом, а потом появился этот красавец-дом, где он и жил до армии.

После смерти родни, жена предлагала ему продать свое хозяйство, но разве он мог отдать в чужие руки свою кровную память. Вот и приходилось Алексею каждый год ездить на свою родину. Ездил, в основном, в отпуск или в выходные праздничные дни. После армии он не вернулся в свое село, а устроился на работу в городе, на заводе. Поступил в техникум, где познакомился с симпатичной сокурсницей, которая стала его женой. Окончил техникум, и на заводе его назначили мастером, дали квартиру. Родилась дочка... и все, вроде, хорошо складывалось, но деревенские корни так и тянули его к себе. Если Алексей за два-три месяца не побывает в деревне, так вся душа изболится, он себе не находит места, становится раздражительным и может заболеть. Жена давно поняла его состояние и не запрещала этих поездок, но сама ездила с ним довольно редко.

Все эти воспоминания и мысли о прошлом бродили в его голове во время поездки на трамвае в сторону автовокзала. Ехать было минут тридцать; за окном в серой дымке дремал сонный город, рядом с ним пассажиры, похожие на засыпающих мух, вяло передвигались по салону или стояли в какой-то неестественной дреме. Было около семи утра и все кругом еще не отошло от ночных сновидений.

У входа в здание автовокзала стоял молоденький милиционер, он безразличным взглядом окинул фигуру Алексея и принялся за прерванную работу — рассматривание своих ладоней. Наверно, что-то знал о хиромантии и поэтому углубленно изучал каждую извилистую линию и складку на коже. О билетах Алексей не беспокоился, он всегда заранее их покупал. До посадки в автобус было еще минут тридцать, он походил среди притихших пассажиров, постоял около журнального ларька, изучив все рекламы и рассмотрев все фотографии артистов, Алексей пристроился на кончике железной скамьи. Нудный голос из громкоговорителя оповещал всех о прибытии и отъезде маршрутных автобусов. Недалеко от него на стене висело расписание и он, лениво шаря глазами по буквам и названиям городов и поселков, стал изучать географию путешествий. Самый далекий населенный пункт был где-то в часах пятнадцати езды. «Ничего себе, на какие огромные расстояния ездят пассажиры этих рейсов», — подумал он.

Ему надо было ехать часов восемь с остановками на междугороднем автобусе, машина была небольшого размера, туда всегда набивалось столько народу, что и повернуться на своем сиденье было практически невозможно. Вещи и всякий багаж не помещались в багажном отделении, и пассажиры втискивали их в салон. Алексей давно привык к таким поездкам и особенно не расстраивался от всяких неудобств. Правда, иногда и его терпению наступал конец, если какая-нибудь бабка, набрав огромное количество сумок, которые ей мешали не только двигаться, но и дышать, на-

чинала соседу предъявлять претензии о том, что тот занимает часть ее законного места. От этой перебранки вся поездка, конечно, портится и приходится Алексею и всем пассажирам долго терпеть эту сварливую особу. Устроившись на своем кресле, Алексей плотно затыкал уши, закрывал голову капюшоном из плотной теплой ткани и сразу засыпал. Он не любил, как другие пассажиры, рассматривать в окно пробегающий пейзаж; за многие поездки Алексей мог легко определить, мельком взглянув в окно, на каком километре автобус находится, и, потом, от долгого изучения убегающего пейзажа, у него начинала болеть голова. Поэтому, самое лучшее путешествие — это поездка в сонном состоянии, когда ты, то ли спишь, а может, дремлешь, а автобус мчит тебя в какую-то темную бездну. И только на коротких остановках ты выходишь из сонного состояния, чтобы потом снова успокоиться в темной дреме. На последней остановке в автобусе остается немного пассажиров... почти все выходят раньше. Вот и в этот раз всего семь человек доехали до конечной станции. Выйдя из автобуса, Алексей сразу пошел в привокзальное кафе; он всегда туда заходил, чтобы выпить крепкого чая и съесть пару пирожков. Пирожки он покупал только с капустой; еще с детства бабушка приучила его к этому лакомству.

Конечно, в кафе пирожки были вкусные, но сравнить их с домашними нельзя. Быстро перекусив, Алексей поспешил к кассам автовокзала; там уже стояла длинная очередь на автобусы местных направлений. Простояв минут тридцать, он приобрел билет на автобусный маршрут к своей деревне. Алексей мог, конечно, и на первом автобусе добраться до своего дома, но ему очень не хотелось идти пешком с тяжелым рюкзаком пять километров по разбитой дороге, да еще под мелким нудным дождем. Поэтому он предпочитал доехать до областного центра, а там, на местном автобусе прикатить прямо к своему дому; от остановки пройти надо будет всего двести метров.

В областном центре ему пришлось ждать целый час, за это время он сходил в магазин, прикупил кое-каких продуктов. Когда он пришел на станцию, то увидел, что его автобус стоял на площадке, и около дверей столпилось человек пятнадцать пассажиров. Он пристроился в конец очереди; когда прошел в салон, свободных мест уже не было. Через двадцать минут неимоверной тряски его доставили к деревне.

Алексей вышел из вонючего автобуса, пропитанного бензином, маслом и человеческим потом, глубоко вздохнул всей грудью чистым лесным воздухом, который своей силой выкинул из его тела всякую наносную городскую отраву, и сразу забыл о тяготах длительного путешествия. В деревне ничего не изменилось: та же грязная дорога, те же забитые окна в ближних домах. Соседи или редко приезжают, или забросили свое хозяйство. Алексей подошел к своему дому, осмотрел забор, который оказался сломанным в двух местах, наверно, местные бомжи искали легкого прохода к его дому. Эти «друзья» часто проверяют чужие дворы. Тащат все, что плохо лежит, особенно любят металлические изделия. Алексей весь ненужный металл раньше держал в куче за сараем, там его было ки-

лограмм на двести. Так эти приходящие санитары ухитрились утащить все, даже не оставили ни одного ржавого гвоздика. Хорошо еще, что у него забор деревянный, а не металлическая сетка, а то бы и ее сняли. В доме Алексей обнаружил еще мелкие недостатки: на крыше зияла небольшая дырка, наверно, ветром вырвало часть черепицы, одно стекло оказалось разбитым. Алексей особенно и не расстраивался по поводу этой мелочи. Он привык делать эти мелкие ремонты. Главное, дом стоит на своем месте: не сгорел, его не растащили на дрова. Пройдя по участку, он ничего плохого не увидел: деревья были целы, их кору зайцы, кабаны, лоси не обглодали. Это было уже хорошо, на его участке росли хорошие яблони, сливы. Очень было бы жаль их потерять. Несколько лет назад, то ли зайцы, а может соседские козы подчистили кору у молодых яблонь... те погибли. Поэтому у него забор по всему участку был отремонтированным. Вот и сейчас он проверил его целостность. В конце огорода, за рябинами, он увидел странное сквозное отверстие в ограждении. Как пилой была срезана часть деревянных досок: огромный кабан или лось протаранили ветхое сооружение. Сила их натиска была такова, что срезы на дереве не имели крупных изломов, а казались попиленными большой пилой. Его удивила сила лесных великанов, прошли и не заметили преграды.

Двери дома были в полном порядке: никто не пытался проникнуть внутрь. Это было удивительно: каждый год он видел следы попыток сломать их или открыть замок. А года два назад, окна на веранду разбили, и какой-то хулиган попытался влезть вовнутрь, порезался, оставил кровавые следы, куски материи от куртки. Недалеко от ворот была брошена и сама куртка маленького размера, на ребенка двенадцати-тринадцати лет. Видимо, пьяные ребята решили позабавиться. С прошлого года Алексей изменил тактику охраны своего дома: он, как обычно, запирает все замки, которые сделал врезными, заменив навесные, их всегда срывали ломиками; развесил на окнах объявления-предупреждения, что данный объект находится под охраной такого-то отдела милиции и за грабительство его виновные понесут наказание — два года тюрьмы. Может это и подействовало на ребят, но в этом году его хозяйство не подверглось нападению варваров.

В самом доме было холодно, сыро и неуютно, по углам комнат висела паутина, на полу виднелись следы крысиного помета. Дом, как и человек, имел свою душу — хозяина! Если нет хорошего владельца, то нет и хорошего дома. Поэтому Алексей быстро сделал поверхностную уборку, почистил помещения от грязи и паутины, затопил печь, и жилище приняло жилой вид. Тепло быстро растекалось по всем закоулкам помещений. Дом — оживал и принимал своего хозяина.

В доме Алексея никогда не было колодца, дед все собирался вырыть его, но все чего-то не хватало: то денег для бетонных колец, то свободного времени. Так и приходилось им ходить за водой или к соседям, или на колонку. К соседям было близко, какие-то пятьдесят метров, но там была застоялая вода, имевшая запах тины. К колонке надо пройти метров пятьсот по бугристой дороге. Алексей не стал долго думать и пошел в сарай

за тележкой с бидоном. Свежая чистая вода была предпочтительней застоялой колодезной жидкости. Пройдя недалекий путь к колонке, он не встретил ни одного жителя деревни. Даже коты, которые часто любят перебегать дорогу, куда-то исчезли. Правда, от соседнего двора был слышен звук тьяканья какой-то мелкой собачонки, но и он вскоре прекратился. «Странно, почти все дома дымят трубами, а народу на улице — не видно!», — подумал он. Нажав на рычаг колонки, наливая воду в большой бидон, он бесцельно водил взглядом по пустынной улице. Вдруг Алексей увидел микроавтобус, который выделывая смешные повороты, объезжая канавы и лужи, старался добраться до центра деревни. Этим центром считался магазин, от колонки он находился в метрах пятидесяти. Проехав за магазин метров двадцать, автобус остановился на сухом возвышенном месте. Из него стали выходить степенные, хорошо одетые люди; около них суежилась молодая девица. Она что-то лепетала, часто заглядывая в лица пожилых людей. Те, не обращая на нее никакого внимания, переговаривались между собой, показывая руками расположение каких-то линий вдалеке. «Иностранцы приехали. Наверно, немцы! Когда-то воевали здесь; вот их и потянуло посмотреть на свое прошлое, вспомнить молодость, погибших друзей! Обычная ностальгическая картина для всех пожилых людей», — подумал Алексей.

Из толпы иностранцев отделился один человек и направился в сторону Алексея; за ним быстро засеменила молодая переводчица. Подойдя к колонке, он пристально посмотрел на Алексея, как будто что-то хотел увидеть в его лице. Потом перевел взгляд на пенящуюся воду и знаком попросил ее попробовать. Алексей тоже знаком руки предложил испить ее. Иностранец, попробовав немного воды, что-то быстро стал говорить переводчице. Та с удивлением посмотрела на немца, потом перевела взгляд на Алексея и неуверенно ему сказала: «Господин Генрих просит разрешения посмотреть на твой дом. За беспокойство он обещает хорошо заплатить». Алексей, имевший дело с иностранной валютой, быстро сообразил, что при помощи этого иностранца он сможет сделать хороший подарок своей жене, купив в «Березке» что-нибудь дефицитное и оригинальное. В простых магазинах хороших вещей никогда не достанешь, а валютный магазин предлагал широкий ассортимент необычного товара. Поэтому он не задумываясь, согласился и предложил следовать за ним.

Пока они пробирались по измученной дороге к дому, Алексей сказал переводчице, что этот дом является его дачей, куда он приезжает не часто, а живет он в городе с женой и дочкой. Дом этот ему достался от матери, которая недавно умерла, а построил его дед — мастер на все руки! До войны у них был небольшой домишко, но отступающие немцы его сожгли, и им пришлось жить в землянке. Он и родился в то время в ней, и вместе с бабушкой и мамой там прожили до прихода деда из армии. Переводчица, прыгая с кочки на кочку, боясь испачкать свои импортные сапожки, все это передала важному господину, который сначала пытался тоже обходить грязные места дороги, но у него ничего не получилось. И немец отважно стал перемешивать грязь своими чистыми красивыми ботинка-

ми. Наконец они добрались до калитки, Алексей вежливо пропустил их вперед на свой двор. Иностранец мельком посмотрел на захламленный участок и попросил разрешение познакомиться с внутренним устройством жилища. Алексей еще раз извинился за неубранность помещений, сославшись на то, что он приехал часа два назад до их прихода. В большой комнате немца заинтересовала русская печь, он похлопывал ладонями по ее мощным стенкам, заглядывал во все отверстия и с восхищением о чем-то говорил. Переводчица сказала Алексею, что это строение спасло ему жизнь в лютую военную зиму. Потом иностранец стал рассматривать внутреннее убранство дома, погладил руками старинный самовар, посидел на самодельной кровати, долго изучал потемневшие от времени иконы и, наконец, замер у стены, где были развешены семейные фотографии. Алексей подошел к нему и стал рассказывать о каждой: это — дед и бабушка, дальше висят изображения их дальних и близких родственников, а вот фотография его и матери сразу после войны. Видно было, что эта картинка его больше всего заинтересовала. После просмотра всей семейной хроники, Генрих с улыбкой на лице спросил, почему все его родственники темноволосые и невысокие, а он светлый и рослый. Алексей охотно ответил, как говорила мать, его погибший отец имел высокий рост и русые волосы и показал фотографию парня с матерью. Правда, есть их школьное фото, где они были изображены еще в третьем классе, но оно в плохой сохранности, поэтому убрано в альбом. Немец закивал головой в знак согласия, потом задал через переводчицу еще несколько незначительных вопросов и пошел к выходу. Во дворе он поблагодарил Алексея за интересную экскурсию, достал большой бумажник и вытащил из него пять сотен марок. Алексей не хотел брать такую большую сумму денег, но переводчица ему сказала, что нельзя обижать иностранца. Перед уходом немец достал небольшой фотоаппарат и сфотографировался с Алексеем.

ГЛАВА 2

Пожилой баронессе фон Корф не спалось. Она лежала на огромной старинной кровати. Ее взгляд бесцельно бродил по темному пятну потолка, далее спустился вниз по стене в сторону слабого светлого пятна ночника. Его свет выхватывал на стене часть бронзовых фотографических рамок, которые располагались над ее маленьким письменным столом. Большая фотография, где она была изображена с маленькими детьми и мужем, выделялась ярким золотым блеском. Баронесса стала внимательно рассматривать эту картинку. Фотография была сделана в далекие тридцатые годы. Детям, мальчикам, исполнилось: десять — Генриху и Отто — одиннадцать лет. Они стояли в центре, она с мужем немного сзади. Все были счастливы, радостные улыбки украшали их лица. Фотограф изобразил их на фоне старинного дома, около которого были целые заросли роз. Она всегда любила эти цветы, которые в ее саду занимали центральное место. Сейчас на дворе — семидесятые годы, много воды утекло, много произошло изменений. Ее старший сын Отто

погиб на войне с русскими, в сорок третьем году. Лет пять назад — умер муж. Сейчас она живет вместе с младшим сыном в своем огромном старинном доме. Это все, что осталось от их родового замка. А она еще помнит и сам замок: огромные каменные стены, большую башню, рвы снаружи, заполненные тухлой водой, тяжелые толстые ворота и этот старинный красный дом. Рядом была небольшая площадка и несколько хозяйственных построек. Цветов в замке не было, они росли снаружи, вдоль рва, скрывая от глаз болотистый берег. Две прошедшие войны оставили только этот кирпичный дом с небольшим садиком и красивой металлической решеткой. Позади дома высокий деревянный забор скрывал небольшое их предприятие, где ремонтировали автомобили и делали какую-то мелочь по заказам больших заводов. Основал эти мастерские ее муж, большой любитель всякой автомобильной техники. Он и детям привил эту любовь. Сейчас этим предприятием руководит Генрих, младший сын. Семейная жизнь у него не сложилась: два раза был женат; первая жена умерла при родах, погиб и ребенок, а со второй не сошелся характером, поэтому и расстались. А баронессе так хотелось внуков, чтобы этот старинный дом наполнился детскими голосами, а не холодным звоном бронзовых часов. Но Генрих не особенно торопится исполнить ее просьбу, завести третью жену, его больше интересуют машины. Вот Отто был другим человеком, красивым высоким широкоплечим балагуром, около которого всегда было много подружек. Но Господь решил не так, как хочется простым людям — он взял из этой жизни Отто, а Генриху предоставил право выбирать разные действия в жизни. Подумав так, баронесса перекрестилась, отбросила из головы всякие мысли и снова попыталась уснуть, что ей удалось сделать только к утру.

В девять часов баронесса и ее сын всегда завтракали вместе. Этот порядок был заведен так давно, что они и не помнят иного времяпровождения. Их отцы и матери тоже по утрам и вечерам встречались вместе за обеденным столом. Генрих, красивый сухощавый мужчина, подтянутый и энергичный, с аппетитом поглощал свой завтрак, когда в столовую вошла его мать. Поприветствовав ее, он продолжил заниматься своим делом. Баронесса пожаловалась ему на плохой сон, Генрих, как всегда, только кивнул головой; этим жестом говоря, что же вы хотите иметь в свои годы. Тогда она обратилась к своей прислуге — немолодой маленького роста русской женщине, которая уже тридцать лет постоянно проживала в их доме и выполняла роль кухарки, прислуги и просто приятельницы, скрашивая одиночество старой женщины. Они заговорили о погоде, о здоровье, о прошлых годах, когда все было иначе, чем сейчас. Генрих, закончив с завтраком, встал, поблагодарил прислугу и, обратившись к матери, сказал: «Мой старый приятель собирается поехать в Россию на пару недель и приглашает меня посетить места, где мы вместе воевали. Как вы думаете, мне принять его предложение?». Баронесса от удивления и неожиданности застыла на полуслове в разговоре с прислугой, потом внимательно посмотрела на сына и тихо сказала: «Идея эта, конечно, не плохая.

Но это так далеко! С другой стороны, никто из нас никогда не был на могиле Отто. Может она сохранилась, а если нет, то хоть землицы привезешь с места захоронения!».

Через восемь дней Генрих уже был в России в городе Великий Новгород. Пока его друг занимался своими делами, он с группой немцев знакомился с великим наследием старинного города. Через три дня, оформив нужные документы и заказав микроавтобус с экскурсоводом, они поехали в сторону Демянска, маленького городка, где в сорок втором году проходили тяжелые бои с русскими войсками. Там Генрих воевал около года, в этих местах погиб его старший брат. Шофер, веселый молодой парень, оказался жителем этих краев, поэтому он знал, куда надо ехать, предупредив иностранцев, что дорога будет не из легких, часа два придется потрястись, так что удовольствия от путешествия они не получают. Микроавтобус — это не огромная машина для путешествий, в которой есть все удобства и, где можно, откинувшись на спинку кресла, лениво посматривать в окно. Два часа поездки вымотали всех иностранцев до предела: два раза останавливались для отдыха. Эта ужасная дорога, с разбитым полотном, напомнила Генриху годы войны, когда их, молодых солдат, из Новгорода везли на машинах на замену уставшим измотанным в боях немецким войскам, которые закрепились на линии Демянск — Лычково. И не было у тех сил прорываться дальше в глубину России, ближе к Москве. Немецкие войска застряли в болотах, устроились в мелких деревнях, вылавливали партизан и собирались с силами для дальнейшего наступления. Русские особенно не напирали, видимо, имели свои планы на будущие бои.

Наконец, они въехали в нужную деревню. Генрих сразу узнал это место по каменистой дороге. Она удивила его еще тридцать лет назад. Надо было додуматься какому-то помещику, чтобы сделать у себя вечную дорогу. Он заставил своих крестьян, каждого у своего дома, обложить землю камнями, размером в человеческую голову. Сверху ее присыпали песком, и получилась великолепная дорога, похожая на старые дороги Рима. Конечно, при Советской власти она претерпела некоторый урон — из ее полотна на какое-то строительство вытащили камни и там образовались ямы-лужи, которые водитель микроавтобуса, чертыхаясь и кляня все на свете, пытался проскочить или объехать. Шофера попросили остановиться в центре деревни, у какого-то холмика. Генрих вышел первым из машины. Его удивила тишина и какая-то пустота на улице. Ни одной живой души; птиц и тех не было видно. Немцы собрались в кучку и стали переглядываться и высказывать крайнее удивление увиденному. Приятель Генриха увидел в конце улицы, на изгибе, колонку, у которой с бидоном стоял молодой мужчина, и сказал всем: «Наконец-то появился первый абориген. Генрих, иди, познакомься с ним». Генриху самому хотелось побыстрее получить ответы на волнующие его вопросы, и он решительным шагом направился в сторону колонки. Чем ближе он подходил к мужчине, в его душе появлялась какая-то непонятная тревога. В самой фигуре он почувствовал знакомые черты: вот мужчина выпрямился и повел плечом, как бы сбрасывая с тела накопившуюся усталость, потом он машиналь-

но провел рукой по светлым густым волосам. Генрих даже приостановился, ему показалось, что это он сам стоит у колонки и набирает воду. Какой-то детский страх напал на него. Он не понимал, что произошло с ним. Подойдя поближе, Генрих увидел перед собой молодого мужчину, высокого, широкоплечего, русые волнистые волосы и тонкие черты делали его красивым, голубые глаза приветливо смотрели на подошедшего. Внутренний голос подсказал Генриху еще раз: смотри — это же ты в молодости! Генрих молча обошел колонку, как будто изучая ее строение, а сам старался посмотреть на левое ухо мужчины; он был уверен, что увидит там, на шее, родимое темное пятно. Это пятно там присутствовало! И тогда Генриху стало все ясно — перед ним стоял его родной сын! Это родимое пятно было у его отца, брата и у него. Волнение сразу улеглось, спокойствие и теплота охватили его душу. На ломаном русском языке он спросил о церкви. Мужчина его понял и ответил на таком же ломаном языке, что их машина стоит у холма, который и есть основание бывшей церкви. Генрих поблагодарил и направился к своей группе. Его память лихорадочно работала — где, когда он смог допустить в молодости такое действие — зачать ребенка! Постепенно картина стала проясняться: в эту деревню в сорок втором году их подразделение прислали для борьбы с партизанами. Генрих и Отто служили в одном взводе и часто в ночные наряды для охраны деревни братьев посылали вместе.

В один из холодных ноябрьских вечеров они патрулировали деревенские улицы. Чтобы не замерзнуть на промозглом ветру, Отто водил Генриха отогреваться в деревянную баньку, всегда натопленную для этих целей. Там всегда хранились продукты, и была припрятана бутылка самогона для «внутреннего согрева», как шутил старший брат. Выйдя из баньки, они заметили какую-то фигуру, пробирающуюся к ближайшему дому; Генрих пошел за фигурой, а Отто зашел со стороны. Около дома они захватили человека; осветив фонариком лицо, братья увидели, что перед ними стоит трясущаяся от страха девчушка четырнадцати-шестнадцати лет. По правилам того времени они должны были отвести захваченного в комендатуру, для выяснения его личности. Но Отто, разгоряченный выпитым самогоном, поступил иначе: потащил девочку в баньку. Там, обыскав ее и не найдя ничего опасного, он провел обычный допрос: почему в комендантский час она находилась на улице, что ее надо сдать в руки начальства, и ее должны будут направить в концлагерь. Отто довольно сносно говорил по-русски, и девчонка поняла, что попала в неприятную историю. С ней случился истерический припадок. Отто налил в стакан самогон и силой влил ей в рот горячую жидкость, при этом сам не забыл подлить себе и Генриху. Через несколько минут самогон подействовал на девушку, она почти успокоилась и, сжавшись, со страхом ждала решение своей участи. Воспользовавшись своей силой, солдаты ее грубо изнасиловали, потом, сунули ей кое-какие продукты, отправили домой. Позже Генрих несколько раз видел ее на улицах деревни, но никогда не пытался с ней заговорить. Вот и все, что память рассказала Генриху об этом случае.

Генрих попросил экскурсовода поговорить с женщиной у колонки о посещении его дома, так как ему очень захотелось увидеть фотографии той далекой беззащитной девочки. Мужчина охотно пригласил его к себе домой, рассказал о своей семье. От него Генрих вышел с каким-то смешанным чувством — волнения, страха и тихой радости. В далекой холодной России у него есть сын, и хотя он никогда не признается ему, что он является его настоящим отцом, но все же какое-то внутреннее удовлетворение появилось в душе Генриха. Он — отец, пусть тайный, но все же настоящий отец этого русского мужчины!

Вернувшись к автобусу, он узнал, что в этой деревне была одна церковь, и она была разрушена еще в пятидесятые годы, когда русское правительство боролось с религиозными взглядами населения. На месте могилы Отто стоял покосившийся сарай, который принадлежал магазину. Сквозь выбитые доски, внутри были видны стеллажи из ящиков, рулоны бумаги и несколько пустых бочек. Генрих постоял рядом с этим строением, грустные воспоминания прошлого постепенно заполнили его душу. Его брат погиб на этой земле. Случайной его смерть не назовешь. На войне все предопределено! Русские войска прорвали оборону. Их небольшое подразделение пыталось удержаться в этой деревне. Дрались отчаянно, но силы были не равны, и им пришлось отступить. Всех погибших, а там оказался и Отто, похоронили за церковью, в лесу. Прошло тридцать лет — нет церкви, нет могилы! Все исчезло с этой земли. Генрих взял немного глинистой почвы, положил ее в спичечный коробок и убрал в дорожную сумку. Потом прочитал молитву и пошел к автобусу.

В автобусе весь обратный путь он сидел с закрытыми глазами и думал о той несправедливости, которая окружает человека. Одна рука, сверху, все дает, другая рука — все отнимает! Правильно сказано в Библии: «Ни с чем приходишь — ни с чем и уходишь!».

*Александр Мецгер
(Россия, г. Краснодар)*

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЖЁВАННОГО

Пашка, со странной фамилией Жёванный, вновь проснулся на кладбище.

— Скоро пропишусь здесь, — мысленно вздохнул он, озираясь по сторонам.

Начинался новый день, и жаркая ночь сменилась предутренней прохладой. Придерживаясь за надгробие, Пашка приподнялся и стал оглядываться. Превозмогая боль в голове, он попытался вспомнить, что же с ним вчера произошло. И тут страшная мысль вонзилась в его неопохмеленный мозжечок:

— Мы же вчера Ваську Буржуя похоронили! Сколько вёдер водки с ним перепили, сколько корок хлеба перенюхали?

Эта утрата казалась невозполнимой, и мысль требовала алкогольной поддержки. Осматривая местность, Пашка медленно брёл среди могил, в надежде найти хотя бы сто грамм спиртного, чтобы дальше развить мысль.

— Где же мы его похоронили? — искал Жёванный глазами могилу приятеля.

— Кажется, мы припрятали там недопитую бутылку водки? — стал с надеждой вспоминать он. Наконец, показался долгожданный свеженасыпанный холмик. Пашка заглянул в кусты, что росли рядом с могилой, и его сердце наполнилось умиротворением в предвкушении встречи с прекрасным. Присев рядом с холмиком, с бутылкой в одной руке и печеньем доисторической выпечки в другой, Пашка произнёс тост:

— Прости, браток, что не наливаю, но тебе это уже не нужно. Пусть земля тебе будет пухом, — и он сделал большой глоток из бутылки.

В глазах у Пашки потемнело, и он полетел в какой-то колодец. Внизу еле различалось розовое пятно.

— Видно, это и есть та труба, по которой души попадают на небо? — мелькнула у него мысль, но почему тогда он падает вниз и труба эта чёрная? Неужели падаю в ад?

Вдруг кто-то или что-то схватило его за шиворот и потянуло вверх. Пашка открыл глаза. На кусте сирени сидела ворона и подозрительно косилась на его печенье.

— Кыш! — прикрикнул Пашка, — самому мало.

— Ожил? — услышал он знакомый голос.

На холме сидел Васька. Он был в той же одежде, что и в день своих похорон, впрочем, у него другой одежды и не было. У Пашки кровь застыла в жилах. Он хотел что-то сказать, но язык словно парализовало.

— Не дрейфь, всё нормально, — произнёс Васька, — бухай дальше, потом поговорим, а то на тебе лица нет.

Пашка хлебнул из бутылки, и сразу стало легче.

— Ты что, не умер? — с надеждой в голосе спросил он.

— Почему не умер, как раз таки умер, — вздохнул Васька.

— А почему ты здесь, а не там? — задал волнующий его вопрос Пашка.

— Ну, в рай меня не пустили — сказали, чтоб грехи свои отмолил сначала. А в аду сказали, что настоящим грешникам места мало, а вас, алкашей, столько развелось, что на всех сковородок не хватает. Дождись, говорят, очереди, место освободится — позовём. А пока по земле походи. Ну вот, сижу, смотрю — ты идёшь. Я к тебе, а ты меня не видишь и не слышишь. Потом глотнул ты этой гадости и дал дуба. Хорошо, что я успел из ямы тебя вытащить. А то сидели бы здесь сейчас вдвоём.

— А если тебя кто увидит? — спросил Пашка.

— Да никто меня не увидит и не услышит, кроме тебя, — обнадёжил Васька.

— Ну, ладно, я пошёл, — как бы извиняясь, проговорил Паша, — а то дел столько...

— Знаю я твои дела, — ухмыльнулся приятель, — теперь я кругом с тобой ходить буду.

— Это как? — не понял Жёванный.

— А вот так, куда ты — туда и я, — уточнил мёртвый кореш.

— А на фига ты мне нужен? — удивился Пашка.

— Да ты знаешь, какая от меня польза! — разгорячился Васька, — я же могу клады тебе находить. Или, к примеру, станешь экстрасенсом, а я буду тебе подсказывать, что говорить.

— Ну, я не знаю? — задумался Павел, — а где водку взять, тоже можешь подсказать?

— Да скоро у тебя этой водки будет... Сам торговать начнёшь.

Этот аргумент оказался настолько убедительным, что Пашка, отбросив все сомнения, согласился. Хотя, в принципе, у него и выбора-то не было.

Из кустов вышел облезлый огромный чёрный кот. Посмотрев на Ваську, он недовольно зашипел. Васька никогда не любил котов, они, когда он пьяный спал, воровали у него закуску. И сейчас он не мог не пройти мимо, привстав, он хотел пнуть животное ногой, но нога прошла сквозь кота, и Васька, пролетев несколько метров, растянулся на чьей-то могиле. Кот, презрительно фыркнув, поднял хвост и в позе победителя гордо скрылся в кустах.

— Ненавижу котов, — поднимаясь, пробурчал Васька, — будешь за меня их пинать.

Со стороны можно было подумать, что Пашка тронулся головой: он шёл, о чём-то разговаривая сам с собой, энергично при этом жестикулируя.

В комнате было, как обычно: грязный стол с пустыми бутылками и грязная не застеленная кровать. Васька завис под потолком в позе лотоса.

— Ты же говорил, что знаешь, где взять водку? — задал волнующий его вопрос Пашка.

— Ладно, пошли в магазин, — махнул рукой Васька.

— Интересно, у него деньги есть или Клавка мёртвым под запись даёт? — подумал Жёванный, но вслух говорить ничего не стал.

У магазина на ящике сидел Жорка, умерший пару лет назад, с какой-то женщиной. Васька поздоровался.

— Давно умер? — спросил Жорка.

— Вчера, — вздохнул Васька.

— А это вот Мария, — представил Жорик, — умерла у бабки Дарьи в прошлом году, когда в гости приезжала.

Женщина кивнула головой.

Пашка стоял в стороне, растерянно оглядываясь. Он не знал: подойти к ним и влезть в разговор, или лучше подождать?

— Пашка, что с тобой? — кивнул Жорка на Жёванного.

— Помочь надо корешу, — попросил Васька, — мучается. Может, полтергейст устроим?

— Это можно, — улыбнулся Жорик.

Вся загробная компания вошла в магазин, а Пашка остался ждать. Вдруг из магазина послышался визг. Через минуту вышел Васька, неся в каждой руке по бутылке. Следом появился Жорка с куском колбасы и булкой хлеба. На шее у него свисало ожерелье из сосисок. Замыкала шествие Мария. Она придержала двери, пока Пашка с приятелями не скрылись за углом. Не прошли они и десяток метров, как их догнал злобный чёрный кот. Сорвав сосиски с шеи Жорика, он мгновенно исчез за углом.

— Куда ты смотришь? — закричал Васька, посмотрев на Пашку.

Удивительная сцена происходила у Жёванного дома. На столе стояло четыре стакана и непривычная для этого стола закуска. Пашка поднимал стакан, остальные три сами поднимались в воздухе. После того, как они чокались, Пашка выпивал, а три стакана медленно опускались на стол.

— Это какое-то издевательство! — возмущался Васька. — Передо мной полный стакан водки, а я не могу его выпить.

— Считай, что тебя закодировали, — оскалился Жора.

Мария в это время пыталась понюхать колбасу.

Жизнь у Пашки вырисовывалась в розовом цвете. Теперь можно посылать приятелей за водкой в магазин и не думать, где найти на это деньги. Да и еды теперь было в достатке. Мария навела в комнате порядок. Она болезненно следила за чистотой и не позволяла Пашке даже курить в комнате.

— Может, ну её? — как-то пожаловался Павел Ваське, — что она придирается?

— Все они, бабы, такие, — махнул Васька рукой, — даже мёртвые.

— Мёртвые хуже, — уточнил Жорка, — живой хоть по мусалам заехать можно.

— А что тебя не пустили в рай? — как-то спросил Васька у Марии.

— Молодость бурная была, — не стала вдаваться в подробности женщина.

Как-то, после очередного кутежа, Мария заявила:

— Всё, хватит спаивать этого потенциального кандидата в психушку. Нам дали шанс — не забрали в ад, и мы должны этим воспользоваться.

Если станем делать добрые дела, то, возможно, нам это зачтется, и мы попадем в рай. А Пашка — это наш шанс.

Водочные пары, которые не успели ещё выветриться из головы Пашки, не давали ему сосредоточиться.

— Давайте нальём по стаканчику и поговорим об этом чуть позже? — предложил он.

— С этого дня не получишь больше ни капли, — твёрдо заявила Мария. Жора с Васькой с сочувствием посмотрели на друга.

— Ну, тогда и убирайтесь в свой загробный мир, — обиделся Пашка.

— Мы можем и тебя с собой прихватить, — предупредила Мария.

Пашка промолчал, но на лице его было написано всё, что, он хотел сказать.

— Для начала его надо отмыть, побрить и одеть поприличней, — стала распоряжаться Мария.

— Не отдам я вам свои вещи, — запротестовал Пашка, — они мне ещё от родителей достались.

Совершением добрых дел решили заняться немедленно, и начать надо с Пашки. Ни мольба, ни крики не действовали на его загробных друзей. Воду греть было некогда, и его стали купать в холодной. А для большего эффекта просто замочили в корыте.

— Сам отмокнет, — заявил Жорик.

Такой похмелки Пашка не ожидал.

— Я буду жаловаться на ваше нечеловеческое отношение! — орал он.

— Кому? — поинтересовался Васька.

— Всевышнему, — плача, пригрозил Жёванный.

Обмытого Пашку закутали в постельные принадлежности.

— Ему надо поменять имидж, — заявил Жорик, — у него морда уголовника, а мы из него целителя должны сделать. К нему даже собака не подойдёт, чтобы взять у него кусок мяса.

— Точно, — подтвердил Васька, — морда, как кирзовый сапог. У самого такая была.

— У тебя и сейчас не лучше, — огрызнулся из-под тряпок Пашка.

— Если отрастить бородку и длинные волосы, может, сойдёт? — спросил Васька.

— Скорей за бомжа, — вздохнул Жорик.

— Пару недель без выпивки и хорошее питание — вот что ему поможет, — убедительно заявила Мария.

Эти две недели Пашка прожил, словно в аду. С утра Жорик заставлял его обливаться холодной водой и делать пробежку. Потом завтрак и чтение Библии. Дальше шли физические упражнения, обед, лёгкий сон и снова чтение Библии. Снова пробежка и занятие полезным делом. Как-то Пашка хотел сбежать, но вездесущие его друзья пресекли попытку в самом зародыше.

— Мало физической нагрузки, — убедительно заявил Жорик, — если бы устал, так и мыслей таких не пришло бы в голову.

К концу второй недели Пашка почувствовал небывалый прилив сил, который нужно было реализовать. Небольшая бородка делала его похожим на служащего церкви.

— Сходи в церковь, — сказала как-то Мария, — купи себе крестик.
— Заодно и свечки за нас поставишь, — поддержал Васька.
— Да я там сроду не был, — запротестовал Пашка.
— Вот и узнаем, как к тебе Всевышний относится. Если не выбросит из церкви в первые минуты, значит есть у тебя шанс попасть на небо. Там и за нас словечко замолвишь.

Увидев Пашку, сельчане не могли поверить своим глазам.

— Наверное, совсем умом тронулся, — решили они.

Но Пашка стал регулярно посещать церковь. О чём они беседовали с батюшкой, никому не было известно, но его загробные друзья одобряли в этом Пашку и добросовестно ожидали его, не решаясь войти в святую обитель.

С посохом и котомкой Пашка шёл по обочине дороги. Его целью было село, где жила мать Жорика.

— Ты бы машину остановил, — предложил Васька.

— Не остановятся, — убедительно заявил Пашка.

— Посмотрим, — пожал плечами приятель.

Первый же автомобиль затормозил возле путника. Из машины вылез водитель и, ругаясь, стал смотреть под машину.

— Милейший, — обратился к нему Пашка, — не подвезёте божьего странника?

Водитель подозрительно посмотрел на автостопщика. Видно, что-то не понравилось ему в нём.

— Иди своей дорогой, бомжара, — произнёс он.

— Недобрый ты человек, — смиренно проговорил Павел.

— Да козёл он! — выругался Васька и пнул водилу ногой в зад.

— Тебе что, жить надоело? — взревел водитель.

Из рук Пашки посох необъяснимым образом поднялся в воздух и двинул грубияна между глаз. Не так сильно, чтобы он потерял сознание, но достаточно, чтобы из глаз посыпались искры. Конечно, если бы ударил Жорик или Васька, результат был бы другим, а так как ударила Мария...

Видимо, знакомство с посохом оставило неизгладимое впечатление у водителя, так как он произнёс:

— Извините меня. Прошу, садитесь, пожалуйста.

Всю дорогу, пока они ехали, водила молчал, а Васька держал кулак у его носа.

— Брякнет что-нибудь, носопатку разобью, — пообещал он.

Но этого не понадобилось. Пашка вылез из машины и хотел поблагодарить водителя, но не успел. Машина, взревев, рванула вперёд.

— Надолго запомнит, как убогих обижать, — заявила Мария.

— Я, что, убогий? — обиделся Пашка.

— Убогий — это значит, что ты стоишь у порога Бога, — объяснила Мария.

— Тогда вы — убесовые, — психанул Пашка, — или учёртовые.

— Не умничай, — предупредил Васька, — а то устрою тебе сейчас полтергейст.

Они стояли на краю села. Пашка топтался на месте, не зная куда дальше идти. Это было село, из которого много лет назад уехал Жорик. Видно, воспоминания детства захлестнули его. Он стоял и, молча, смотрел вдаль.

— Так куда идти? — прервал его воспоминания Пашка.

Жорик тяжело вздохнул и двинулся в сторону виднеющихся хат.

— Здесь я бегал с пацанами на рыбалку, — показывал Жорик знакомые места, — здесь подрался с Мишкой из-за Верки. А вот и мой домик.

Старенький покосившийся штакет, державшийся благодаря разросшейся сирени, не скрывал унылую картину. Хата нуждалась в срочном ремонте. Одна её сторона покосилась, отчего в окнах лопнули стёкла. Ржавая крыша и рассохшиеся двери совсем расстроили Жорика. Пашка осторожно постучал в окно. Через какое-то время дверь со скрипом отворилась. На пороге показалась маленькая старушка. Она внимательно посмотрела на незнакомца.

— Здравствуйте! — поздоровался Павел, — я от Жорика, вашего сына.

— С того света, что ли? — переспросила она.

— А как вы догадались? — опешил Пашка.

— Вот придурок, — сплюнул Жорик, — столько идиотов видел, а этот сто очков любому даст.

— Да мой сыночек уже три года как помер, — вздохнула старушка.

— Нет, вы меня не поняли, — опомнился Пашка, — я хотел сказать, что хорошо его знал и перед смертью он просил передать, что очень любил вас и попросил за всё прощение.

У женщины на глазах появились слёзы.

— Это я перед ним виновата, — стала объяснять она, — просил он, чтобы я не выходила замуж после смерти мужа. А я побоялась остаться на старости лет одна. Думала: «Сын уедет, с кем останусь?», а получилось: и сын уехал, и с сожителем жизнь не сложилась. Теперь доживаю одна.

В углу рыдал Жорик.

— У тебя деньги есть? — спросила Мария у Пашки.

Павел замотал головой.

— Спроси, как живёт? Может нужно что? — попросил Жорик.

— Как живёте? — спросил старушку Пашка.

— Плохо живу, — вздохнула она, — денег нет, пенсию задерживают, молодёжь вся уехала в город на заработки. Детей почти не осталось. Был летний лагерь, в него летом съезжались дети со всего района отдыхать, так его выкупил местный богатей. Построил там дворец. Теперь на речку ни купаться, ни рыбу ловить не пускают. А ведь раньше он дружил с моим Жориком, вместе в школу ходили.

— Это кто? — напрягся Жора.

— И как его зовут? — переспросил Павел.

— Да ты всё одно его не знаешь. А зовут его теперь — Вадим Петрович Пузанов.

— Вадька Пузо? Вот гадёныш! — вскрикнул Жора.

— Вот у кого деньги возьмём, — убедительно заявил Васька.

— И детишкам лагерь вернём, — подтвердила Мария.

— Может он и неплохой человек, — проговорил Павел, — вот я поговорю с ним, и мне, кажется, он и вам поможет, и лагерь детям вернёт. Старушка посмотрела на Пашку, как на больного.

— Да к нему тебя и на километр не подпустят.

— Посмотрим, — неопределённо пожал плечами Пашка.

Высокий железный забор растянулся километра на полтора вдоль реки. За забором виднелись деревья и крыша дома. Пашка брёл вдоль забора, пытаясь определить, где вход. Мария куда-то исчезла, наверное, шла по другую сторону, а Васька с Жориком то и дело заглядывали сквозь забор.

— Живут же люди, — вздыхал Васька. Жорик молчал.

Наконец, они приблизились к высоким железным воротам. Пашка нажал на кнопку звонка.

— И что я буду говорить? — спросил он у друзей, — я его даже не знаю. К воротам подошёл бритоголовый качок.

— Что нужно? — с неприкрытой угрозой спросил он.

— Мне с Вадимом Петровичем поговорить надо, — смиренно проговорил Павел.

— А ты кто такой, чтобы с тобой разговаривать? Пошёл вон, пока я не вышел, — предупредил бритый.

— А ты выйди, мил человек, может быстрее договоримся, — предложил Павел.

Ворота загрохотали, и качок появился на улице. Невидимая сила тут же сбила его с ног и прижала к земле.

— Полежи, милоч, — промолвил Пашка, — пока я с твоим хозяином пообщаюсь.

Дорожка из розовой плитки привела Пашку к дворцу — иначе не назовёшь то поместье, что открылось его глазам. Вокруг здания был разбит парк с фонтаном и экзотическими растениями. У ступеней стояли две чёрные машины, в марках Пашка не разбирался. Навстречу незваному гостю выскочили два здоровяка, но, как и первый охранник, дружно упали на тротуар. Пашка поднялся по ступенькам и двинулся к открытой двери. На пороге показался полный мужчина в халате.

— Ты как сюда попал? — взревел он, — эй, охрана!

Но на его крик никто не откликнулся. Более того, неведомая сила затщила его в открытые двери. Войдя в зал, Пашка с восхищением стал осматриваться. Создавалось впечатление, что он попал в музей древнего оружия. На стенах висели старинные ружья, сабли, кинжалы, даже мечи и секиры. Посреди зала стоял декоративный столик с фруктами и початой бутылкой коньяка. Вдоль стен стояли диваны и кресла.

— Не возражаете, если я присяду? — спросил Пашка, усаживаясь напротив хозяина.

— Кто ты и что тебе нужно? — прохрипел Пузан.

— Вы — Вадим Петрович Пузанов? — вежливо задал вопрос Павел, но, не дождавшись ответа, продолжил, — разговор есть, милейший.

Со стены слетела сабля и, сделав круг по залу, вернулась на место. Пузан, не скрывая страха, проследил за полётом сабли.

— Не бойтесь, — успокоил его Пашка, — у меня к вам деловое предложение. Вы как человек глубоко порядочный и верующий не сможете отказать мне в маленькой просьбе.

— Деньги нужны? — с надеждой спросил Пузан.

— Что вы! — замахал руками Пашка, — я прошу это поместье передать детям для школы-интерната, а также помочь одиноким старикам в селе. Соберите стариков, спросите: кто в чём нуждается.

— Да ты понимаешь, о чём просишь? — возмущённо прохрипел Пузан, но тут сабля вновь слетела со стены и приблизилась к шее хозяина.

— Я думаю, голубчик, жизнь дороже, — смиренно вздохнул Пашка и направился к выходу.

— Если через три дня вы не выполните мою просьбу...

Сабля выразительно просвистела у шеи Пузана.

Беспрепятственно Пашка покинул поместье, а Жорик остался, чтобы посмотреть: что предпримет его бывший одноклассник, и при необходимости припугнуть его.

— Ну, ты и артист! — смеялся по дороге Васька, — запугал Пузана насмерть.

— Может, и мою дочку проведаем? — нерешительно проговорила Мария.

— А чего не провести? — ответил Васька, — проведаем. А где она живёт?

— В городе, — вздохнула Мария.

Пашка с приятелями уже заходили в село, когда их догнал Жорик с дипломатом.

— Козёл он! — выругался Жорик, — вы только ушли, а эти охранники набежали, стали перед Пузаном стелиться. А он: «Найдите и прибейте мне этого кодуна». Пришлось саблей помахать. Пузо с перепуга стал в город звонить нотариусу, чтобы тот документы на переоформление дома привёз. Я прикинул: забудет, гад, старушкам помочь, ну и прихватил дипломат.

Пашка открыл дипломат, и у него перехватило дыхание. В дипломате лежали стопки долларов, евро и рублей.

Услышав от Пашки новость, что Пузанов передаёт детям свой коттедж под школу-интернат, Васькина мать не поверила ему. Но когда Пашка передал ей несколько стопок тысячерублёвых купюр, схватилась за сердце.

— Я думаю, вы сумеете распорядиться этими деньгами, — на прощание сказал Пашка.

По пути к автобусной остановке, им дорогу перешёл большой, чёрный, облезлый кот. Подойдя к мусорному баку, он сел и стал наблюдать за Пашкой.

— Тьфу, тьфу, тьфу, — трижды сплюнул Васька через левое плечо, — он что, преследует нас, этот ворюга?

— А я дальше не пойду, — заявила Мария, — пока кто-нибудь не перейдёт дорогу.

— Да что с вами ещё хуже может случиться? — возмутился Пашка, — и так уже мёртвые.

— Сейчас я его назад переброшу, — пообещал Жорик, но когда он стал приближаться к коту, тот зафыркал, глаза его налились кровью, а шерсть стала дыбом.

— Он что, видит меня? — удивился Жорик.

Пашка подошёл к коту и стал его гладить по голове. Кот не возражал, но при приближении мёртвых товарищей, начинал проявлять беспокойство. Когда Пашка пошёл, кот двинулся следом.

— Что это он увязался за нами? — возмутился Васька, — брось ему сосиску.

Из сумки, забитой продуктами на случай долгого путешествия, Пашка достал сосиску и бросил коту. Кот на лету поймал её и мгновенно проглотил.

— Дай ещё, — посоветовал Васька.

Следующая сосиска так же бесследно исчезла.

— Он даже не жуёт её, — удивилась Мария.

— Пошли, — скомандовал Жорик, — скоро ночь, а мы ещё не нашли место Пашке для ночлега.

В полутёмном автобусе, отправляющемся в город, Пашка задремал и проснулся от того, что кто-то толкал его ногу. Пашка посмотрел вниз и увидел кота.

— Как ты сюда попал? — удивился он.

Тут он увидел на полу сумку, из которой исчезли все сосиски.

— Ах ты, ворюга! — возмутился Пашка.

Кот не среагировал на Пашкино замечание, а продолжал изучать содержимое сумки. Не найдя больше ничего съедобного, он улёгся и удовлетворённо замурчал.

Ночь Пашке пришлось провести на вокзале. Несколько раз подходили милиционеры проверять документы, подозрительно поглядывая на него и кота.

Поёживаясь от холода, Пашка проснулся от разговора приятелей. Где они провели ночь, для него осталось секретом. Он стал прислушиваться к разговору. Мария рассказывала о своей жизни. О том, как её лишили материнских прав и она долгие годы не знала, где находится её дочь. О том, как однажды дочь разыскала её, спившуюся, и забрала к себе жить. К тому времени она вышла замуж и жила с мужем, и маленьким ребёнком в однокомнатной квартире. Первое время Мария держалась, не пила, но потом сорвалась и стала воровать у дочери деньги и даже вещи на пропой. Дочка, жившая и так бедно, после того, как поселилась Мария, стала еле сводить концы с концами. Да ещё и муж остался без работы. И тогда Мария уехала к тётке в село, в надежде, что там начнёт новую жизнь. Когда через месяц тётка заявила, чтобы она убиралась из дома, Мария, напившись в очередной раз, замёрзла под забором. Теперь она переживает, что её дочка и внучка голодают, или ещё хуже, где-нибудь бомжуют.

— Мы обязательно тебе поможем, — успокаивал Марию Жорик, — вот приоденем Пашку, а то он милицию привлекает своей внешностью.

— Пашка — парень отличный, — заявил Васька, — я его давно знаю. Он не оставит её. Найдёт и внучку, и дочку, не волнуйся.

Пашке стало неловко, что он подслушал этот разговор, и он стал делать вид, будто просыпается.

— Доброе утро, соня! — поприветствовал его Васька.

— Ты смотри, кот влюбился в тебя, — показал Жорик на нового члена их команды.

— Уже сожрал все мои продукты, — возмутился Пашка, — что ему ещё нужно?

— Сосисок, — рассмеялся Васька.

— Давайте его привяжем, — предложил Пашка, — или в мусорный бак закроем.

— Может, на крышу его зашвырнуть? — спросил Жорик и стал подкрадываться к коту.

Вдруг кот вскочил и зафырчал, и в тишине прозвучал его скрипучий голос:

— Вы что, садисты?

От неожиданности Пашка подпрыгнул, а у его друзей округлились глаза и отвисли челюсти.

— Говорящий кот, — наконец проговорил Васька, — такого не бывает.

— А бывает, чтобы мёртвые ходили по земле и разговаривали? — спросил кот.

Ещё несколько минут все дружно молчали, пытаясь осмыслить происходящее.

— Тебе что от нас надо? — прервала молчание Мария.

— Меня прислали наблюдать за вами, — сообщил кот, — после того как вы направили на путь истинный вашего приятеля, а потом помогли старикам и детям. Я буду следить, чтобы вы не наделали глупостей, и при необходимости отправлю вас по назначению. А куда — будет зависеть от вас.

— Я же говорила! — вскрикнула Мария, — что нам дали шанс.

— И как же ваше имя? — поинтересовался Пашка, переходя на «вы».

— Зовите меня Степаном Васильевичем, — гордо ответил кот, почёсывая грязной лапой ободранное ухо.

— И что нам теперь делать? — спросил Жорик.

— Делайте то, что считаете нужным, а я вас буду предостерегать от нежелательных поступков, которые могут вам навредить.

В новом костюме, выбритый и подстриженный, Пашка выглядел очень солидно. Он стоял около старой пятиэтажки. Наконец он вошёл в нужный подъезд и поднялся на второй этаж. На его звонок вышла миловидная девушка, примерно Пашкиных лет, с грустными усталыми глазами.

— Вам кого? — спросила она.

— Мне Анну Петровну, — ответил Пашка, и сердце его учащённо забилося.

Девушка вопросительно посмотрела на незнакомца.

— Я — Анна Петровна.

— Ваша мама, перед смертью, попросила меня передать вам небольшую сумму денег, — сказал Пашка первое, что ему пришло в голову.

На лице у девушки отразилось удивление.

— Вы знали мою маму? — засуетилась она, пропуская Пашку в комнату, — заходите, пожалуйста, только простите — у меня не убрано.

С первого взгляда было видно, что хозяйева этой квартиры испытывают острую нужду. Но, хоть мебель и вещи давно нужно было поменять, в квартире были порядок и чистота. В углу комнаты сидела девочка лет пяти и играла тряпичной куклой.

— Это моя доченька Машенька, — представила Анна девочку.

Пашка видел, как рядом с внучкой присела Мария и разрыдалась в голос. У девочки были такие грустные глаза, что Пашке захотелось прижать к груди этого ребёнка и шептать ей ласковые слова, и никогда её не отпускать. Машенька пыталась спрятать свою ладошку, и Пашка не сразу понял, что у неё повреждена рука. Заметив Пашкин взгляд, Анна, словно оправдываясь, стала объяснять:

— Не уследила я за ней, а она руку в кипяток засунула.

— А где же ваш муж? — спросил Пашка.

— Сбежал от нас, — вздохнула Анна, — богатую нашёл. Правда, она старше его лет на двадцать.

— И не помогает? — удивился Пашка.

— А он условие поставил, если не подам на алименты, то квартиру мне оставит. Вот мне и приходится крутиться: подъезды убираю да пособие на ребёнка получаю.

Никто не заметил, как в комнату вошёл кот.

— Кис, кис! — позвала его Машенька.

Кот подошёл и стал тереться о ноги девочки. Тогда Машенька протянула покалеченную ручку, чтобы погладить его. Кот стал лизать покалеченную руку и на глазах у удивлённой матери и Пашки, красные шрамы стали исчезать, словно они были нарисованы краской. Девочка подняла руку и громко рассмеялась. Рука была совершенно чистой. Анна бросилась к дочке и стала её целовать. Мария, Васька и Жора рыдали в три голоса, а Пашка не мог оторвать влюблённых глаз от Анны. Какая она была сейчас красивая и счастливая.

— Вот оно — настоящее счастье! — думал он.

Его грудь переполняло волнение, хотелось сделать что-нибудь необычное, чтобы подольше задержать этот миг. Не говоря ни слова, он выскочил на улицу и побежал в ближайший магазин. Словно во сне, он скупал продукты и игрушки. Загруженный кулками и пакетами, он с трудом дошёл до квартиры. Когда Пашка стал доставать из пакетов продукты и игрушки, у Машеньки от счастья заблестели глаза.

— Мамочка, а что это такое? — показывала она на очередную красивую упаковку.

Анна в изумлении смотрела то на Пашку, то на продукты. В её взгляде он читал благодарность и что-то ещё, отчего ему становилось не по себе.

— Мамочка, этот дядя хороший, — щебетала Машенька, — пусть он останется с нами жить.

Анна покраснела и торопливо ответила:

— Что ты, Машенька, у дяди своя семья есть.

— Нет у меня никого, — торопливо выпалил Павел.

— Вот видишь, мама, такой хороший дядя и ничейный. Давай его оставим, — настаивала дочка.

— Давай, Пашка, женись! — рассмеялся Васька.

— Ну, это ещё у меня надо спросить, — запротестовала Мария.

— Ты что-нибудь имеешь против моего другана? — психанул Васька.

— Я думаю, что мы здесь лишние, — прервал их ссору Жора.

В это время кот доставал из очередного пакета сосиски, но никто не возражал. Машенька, прижав к груди купленного Пашкой лохматого медведя, наблюдала, как её мама и этот хороший дядя накрывают на стол. Она была уверена, что теперь у них всё будет хорошо.

Когда Машенька уснула, Пашка с Анной, прижавшись друг к другу, долго сидели, рассказывая о своей жизни.

— Теперь всё изменится, — пообещал Павел.

Анна так и уснула на его плече со счастливой улыбкой на лице. Пашка бережно уложил её на кровать и вышел подышать свежим воздухом. Жизнь ему казалась прекрасной. На улице он увидел своих друзей.

— Ну, что, Павел, — проговорил кот, — пришла пора прощаться с друзьями.

— Как прощаться? — не понял Пашка.

— Окончен их срок пребывания на земле, — ответил кот.

С неба опустился луч света.

— Прощай Павел, — стала прощаться Мария, — береги мою дочь. Я рада, что ты останешься с ней.

— Спасибо тебе за всё, — стал благодарить Пашку Жорик, — ты настоящий друг.

— Братан! — проговорил подошедший Васька, — я буду без тебя скучать. И мы с нетерпением будем тебя ждать наверху, — улыбнулся он, — только ты не торопись.

Первой исчезла Мария, помахав Пашке на прощанье, потом Жорик и последним — улыбающийся Васька. Пашка вытер слёзы.

— Я всегда буду помнить о вас, — прошептал он опустевшему небу.

— Ну, пойдём, что ли? — позвал он кота.

София Кузнецова
(Россия, Москва)

СПИРАЛИ. ФАНТАЗИЯ НА ТЕМУ КОСМОСА

Мы познакомились в Интернете. Изредка переписывались. Ты писал стихи. Сейчас многие пишут стихи. Но обсуждение проблем, нас волновавших, сблизило.

Однажды я подумала, а кто ты на самом деле? Кто ты есть? И кто ты для меня? Если пишешь стихи, значит ты поэт. Но поэты разные — как же все-таки относиться к тебе?

Относиться в жизни или во сне, спросил ты? Сон, а что такое сон?

Это вспышка памяти или предвосхищение будущего?

Может быть, у тебя тоже есть своя вселенная. Ты по ночам облетаешь свои звезды, миллиарды вспышек света, написанные стихами.

А может, сидишь на берегу бурной реки, где на поверхности воды написаны обрывки картинок твоего будущего, легкой мозаикой выложенных течением.

Так ли это пока, мой безымянный человек? Ведь чтобы понять, мне надо заглянуть в глубину своего сознания... Может быть, твой разум посылает мне сигналы и надо только суметь их разгадать.

Мы просыпаемся, ходим, дышим, творим, любим. А мне иногда кажется, что эта реальность — продолжение сна. Может быть, где-то ты мелькнул передо мной, может это воспроизведение того, что уже было когда-то?

Может, не может — нет, да, спирали.

Как мне заглянуть в будущее, понять прошлое, исправить настоящее и найти тебя.

Во вселенной все развивается по спирали, жизнь и смерть тоже по спирали, и сон тоже...

Спирали соприкасаются, они переходят из одной планеты к другой. Они сливаются и расходятся. Может, место соприкосновения спиралей и есть то место, где я увижу тебя? Может, это место, где я узнаю тебя, все пойму и мы сольемся воедино?

А возможно, мы встречались в старинном особняке? Я помню тот музыкальный вечер, там один из коридоров был чуть освещен. В старинных зеркалах плавали мутные тени. Когда я стояла перед зеркалом, в его глубине мелькали какие-то пятна, похожие на символы, не имя ли то было твое? Ведь я видела себя в зазеркалье.

Да, надо встать перед зеркалом, углы сгладятся, сознание прояснится, и чувства заиграют — кто-то проводит смычком по струнам. Скрипка, скрипка, я готова тебя слушать...

Ты говорил, что понимаешь скрипку. Стоп, я вспомнила музыку твоих стихов. А если понятна музыка, то... ну конечно, слова, ты пишешь необычные стихи. Их нельзя читать, их надо слушать. Отдельные слова, ноты, ропот дождя — капли, капли-слова, разговор листьев, трепетание исповедующихся тебе листочков. А рядом она, Душа.

Все это время ты посылал мне слова, которые гуляли по коридорам моего подсознания. Вот они, вот — жесткие и нежные, иногда невольно вызывающие слезы, которые текут по щекам, а ты даже не замечаешь. Ты посылаешь мне звуки стихов, как фотоны своего таланта, а они находят мою душу и летят к ней.

Да, да, я только сейчас поняла, что шум волны, шорох деревьев, улыбка, проскользнувшая, но не оформленная мысль во сне — это попытки твоей души пробиться к моей. Значит, ты тоже искал меня.

Твои стихи становятся для меня необходимы, потому что грань твоего таланта позволяет усугублять настоящее, вытаскивая его из прошлого.

Итак, кем ты становишься постепенно для меня — игрой теней, игрой воображения, косыми фотонами рифм?

Лучи слов в твоих стихах — они могут быть родными, теплыми. Они могут сжечь или дать жизнь — так ласково и нежно.

Я вздрогнула, чьи это руки? Я не хочу поворачиваться, я хочу иметь надежду — самое лучшее, что дает господь Бог — да, я хочу иметь надежду. Не поворачиваясь, я уже понимаю, что стою на пересечении наших спиралей.

Я чувствую, как твои — я знаю, что это твои руки — ласкают меня, медленно и нежно, теплое дыхание на губах, силуэт с отброшенными назад волосами, иногда отблеск звезды отражается в твоих зеленовато-карих глазах.

Сердце мое невольно следует за твоими ласками, но оно пока закрыто. Почему? Разве кто-то это может объяснить, откуда вдруг возникают горечь и страх, которые разъедают душу.

Я чувствую, что-то меняется, происходит.

Проблеск упавшей кометы, я вздрагиваю, а ты, прижав меня, еще раз целуешь, но так нежно, будто бабочка коснулась крылом.

И я чувствую, что ты даешь мне крылья, свои крылья, и вот я уже хочу лететь, я хочу в полет, видеть горы, упиваться свежим ночным воздухом, видеть звенящий мириадами звезд бездонный купол неба.

Свобода — вот она долгожданная свобода, наслаждение, понимание, ты рядом.

Знакомство, доверие, уверенность, преданность. Ощущение открытия, сплетения души, радость вдохновения. Я теперь знаю — ты талантливый поэт, я знаю все твои стихи, их музыку, их трепетность и жесткость. Страсть превратилась в букву, слеза — в слово. Люби, люби.

Ты дал мне прозрачность мыслей, поступков, творчества. Мы бежим по теплой летней земле, ощущая недалеко легкий бриз воды, запах свободы, запах жизни, запах рождения нового.

Ты забираешь, и ты даешь. Вдох. Шаг к жизни, к твоим творениям.

Букет цветов в твоих руках, ласки, нежность, новый день, новая жизнь, еще одно новое стихотворение...

Кому это? — Мне?

Лови! Бери! Храни! Живи!

Я открыла глаза. За окном уже было совсем светло. Первые лучи солнца заглядывали в комнату. Я протянула руку и взяла с тумбочки книгу в изящном переплете. Я уже знала, что увижу на обложке: «СПИРАЛИ».

А далее шло мелкими серебристыми буквами имя. Одно только имя. Тебя уже знают сотни читателей во многих странах.

Ты не просто ПОЭТ. Ты помогаешь людям своими произведениями стать лучше, добрее, они учатся у тебя. А главное — ты помогаешь им верить в будущее.

Спасибо, мой милый ПОЭТ, за все, что ты для меня сделал. Я должна покинуть тебя. Но все время я буду мысленно с тобой, и стараться во всем помогать. Ты не останешься одинок, моя звезда всегда будет гореть для тебя.

Лови! Бери! Храни! Живи!

СЧАСТЬЕ СЫНА

Сегодня утром мне позвонил старший брат. Брат был рассержен и огорчен одновременно.

— Тима, ну, хоть ты с ней поговори! — кричал брат в трубку. — Соседи снова ее видели на рынке, с этим ее чертовым луком! Что о нас люди подумают? Сами живут в Москве, имеют большую фирму, разъезжают на крутых машинах, а мать бросили без помощи? Понимаешь, она из-за места еще торговалась! Ты слышишь! Позор какой! Я уже не могу с ней разговаривать. Молчит, в сторону смотрит и ничего не говорит...

Я раскидал дела, сел в машину и уже через три часа был у маминого дома под Ярославлем.

— Мама, — сын сидел перед ней на корточках, коренастый, плотный, и смотрел на нее снизу вверх нежно и ласково, а она на него сверху вниз, — ну, скажи мне... ну, зачем ты это делаешь, родная моя? Правда, что о нас люди подумают? Что бросили тебя твои сыновья, и не заботятся о тебе... Зачем тебе нужен этот рынок, этот лук? На что тебе не хватает? Может, ты что-то особенное хочешь, копишь? Поехали сейчас купим, чего душа твоя пожелает...

Она молчала и смотрела на него своими темно-кариыми глазами, точь-в-точь, как у него, и глаза ее немного смеялись, хотя и были печальными... Потом она подняла руку и медленно опустила на его уже седеющую голову, и погладила по голове, как когда-то в детстве, и он вдруг почувствовал себя маленьким мальчиком, беззащитным перед этой тихой материнской лаской...

— Мама, — он взял ее теплую ладонь, и спрятался в ней левой щекой... потом поднес к губам и поцеловал, — мама... — повторил он.

— Тимоша, ничего не надо мне, ни на что я не коплю, — улыбнувшись, сказала она, помолчала и тихо добавила, — скучно мне, сынок, одна я все

время... Пока отец был, и времени не было ни о чем думать. То по дому убратся, то обед приготовить, то за ним присмотреть, то постирать... А сейчас... одной-то что надо?... А лук... люди вокруг, сынок... Разговариваю я с ними. Где посмеюсь, где поругаюсь, вот и день прошел...

— Мама... дурак я... прости меня... Хочешь, я тебя к себе заберу? Будешь со мной рядом каждый день, и скучать не станешь...

— Куда к себе? В город? Что ты, сынок, — она засмеялась, — я же тебе мешать там буду!

— Мама, ну что ты такое говоришь? Как ты мне можешь помешать? Будем с тобой разговаривать, чай пить вечерами, — греясь о ее ладони, он смотрел на нее, и сердце его сжималось от тоски, — я буду книги тебе вслух читать... Помнишь, как ты мне в детстве?

— Нет, сынок... Куда я отсюда? Я из этого дома только туда, к отцу... Здесь же вся жизнь моя, сынок... Запахи... голоса ваши, когда вы маленькими еще были, а я была молода, и папа твой был молод и здоров... И силен. Вся наша жизнь здесь... Каждый половичок скрипучий напоминает о чем-то... каждое дерево в саду... Ты уж не обижайся, родной...

— Нет, мама, ну что ты... Пусть будет лук...

Ночь прошла почти без сна... В каких-то сумбурных воспоминаниях о прошлом, о детстве... О настоящем... Разговор с матерью растрогал его, и вызвал бурю чувств, половина из которых перемешивалась с его сегодняшней жизнью, изначально, казалось бы, не имеющих отношения к разговору что было такое в разговоре?

«Бережность, — вдруг подумал он... И от этой бережности хотелось плакать... А сам могу ли я всегда так? Ведь иногда то, что на поверхности, носит в себе следы того, что лежит в глубине, и на самом деле важно увидеть именно то невидимое, а видимое, всего лишь действие, как следствие невидимого...».

Потом он сбился с мысли и уснул... Ему редко снились сны, но если снились, всегда сбывались... Снился отец, молодой и здоровый, он смеялся, стоя на берегу реки, чьи воды были чистыми и быстрыми... И еще ему снилось солнце... Оно выглядывало из-за туч, и чуть выпустив свои лучи, тут же их убирало обратно. Как-будто светило, но боялось греть... И ему вдруг показалось, что солнце боится обжечься об него. «Разве я так холоден, — изумился он, — что солнце стало меня избегать? Или может, оно думает, что мне больше не нужно его тепло?» Он сдернул с себя рубашку, и подставил солнцу свою открытую грудь. Но солнце почему-то теперь стеснялось его, хотя и появлялось на небе круглым желтым шаром, и казалось, что иногда оно улыбается ему своей озорной улыбкой. Но солнце тут же убегало за тучи, потому что его тепло могло быть назойливым, и людям становилось слишком жарко, и тогда они начинали не любить зноя... Потом ему снились пучки лука, и он смотрел, как мать бережно укладывала их один к одному, ласково касаясь зеленых перьев, поглаживая каждое, как живое существо. Собранный пучок она перетягивала резинкой, но так, чтобы перья лука не поранились... Он проснулся, удивившись странному сну. Лежал и вслушивался в ночной перестук часов, но тишина дома снова окутала его, и он уснул и спал уже до утра без сновидений.

— Береги себя, сынок, — провожая его, она еще раз, как маленького, погладила его по щеке.

— И ты, мама, — он поцеловал ее в щеку, уже пошел к машине и она следом за ним. Откуда-то у нее появилась плетеная корзина с зеленым луком, и она, открыв двери, положила его на сиденье рядом с ним и сказала чуть виновато:

— Возьми, сынок, сама растила. Своими руками... — и отошла, захлопнув двери, и махала ему вслед, и ему почему-то показалось, что она плачет...

Он ехал и все время взгляд падал на корзину. Протянув руку, он взял зеленое перо, и начал его есть.

Оно не было горьким, наоборот, сочным и даже сладковатым, но ему почему-то стало горько, что-то внутри щелкнуло и стало трудно дышать: «Мама... Живи тысячу лет... Как же мне не хватает тебя, папа...» Он ел и ел этот лук, и ему казалось, что вкуснее еды в его жизни еще не было...

— Ну что, ты поговорил с матерью? — кричал в трубку брат — Ты поговорил с ней?

— Поговорил... и знаешь, пусть будет и этот рынок, и этот лук... Он, кстати, такой вкусный...

— Тимоша, ты с ума сошел? А что люди скажут?

— А мне наплевать, что люди скажут... Лишь бы ей было хорошо... Лишь бы она жила счастливой.

ГОРОД — ХРАМ ДУШИ НАШЕЙ

Вы знаете — сколько городов на нашем земном шарике? Свыше 2.5 миллионов! Вот это цифра!

А задавались вы вопросом, что такое город, город для вас лично, для близких или просто прохожих и приезжих? Ведь из 2,5 миллионов городов мы можем посетить за всю жизнь несколько десятков.

Что первично — город или человек, в нем живущий? Ведь город рождается сначала не в географическом месте... Я рассматриваю город, как храм души. «Если рассматривать город как храм, либо как пристанище, то город — это отражение человеческой культуры», — считают исследователи.

Даже по фотографиям видно — город является культурной идеей, и все остальное подчинено ей. Она кладется в качестве идеала для города. Город может быть Вратами Бога, например. Может быть раем или утерянным раем....

Нет города на западе или востоке. Город должен рождаться «в муках культуры как идея Соборности человека» (В. Розанов), но можно сказать о городе как о мимолетных, невидимых движениях души, паутинок бытия человека.

В России 19 века такой Соборностью стала русская литература. Вспомним хотя бы образ Фирса из «Вишневого сада». Город — живой организм, он преломляется в зеркале художественной формы, и в каждой форме он разный.

Городам России по понятию соответствовали русские храмы и русские усадьбы! Именно по понятию! Поскольку именно в этих местах происходило соединение в одном городе двух храмов — Града Небесного и Града Земного. И в них происходила синергия единения души и тела, Бога и Человека. Граница города не лежит в том или ином месте обитания, которое привыкли называть городом... Граница эта, идея города, пролегает через сердце поэта и философа, которым нет места в эмпирическом городе. «Мы ходим по улицам среди домов, топчем асфальт, и думаем, что ходим по городу. Не правы мы, не задумывается никто, а ведь город — образование идеальное, то есть это форма идеи, определяющая в дальнейшем способ и образ жизни человека».

Интересно, что в 19 веке быть горожанином — значило «городить», строить «нерукотворный Храм» души своей, заботиться о себе (в духе древнегреческом). Огораживать себя от всякой нечисти, идти на казнь, на площадь ради фундаментальных принципов бытия, как Джордано Бруно, поскольку без них ему — не жить.

Горожан в этом смысле было не так много. Столько, сколько людей культуры. Иисус Христос, например. Или Сократ. То есть сугубо частные лица, не занятые в политических делах интенсивной городской жизни. Или, например, Чаадаев, проживший затворником во флигеле половину жизни. Пушкин, не любивший город, но обожавший Болдино и Михайловское.

Но вместе с тем, у каждого есть свой любимый город, где родился, или сейчас живут родители, или... Да мало ли почему, мы любим свои города.

Что такое мой любимый город?

Это парк, качели, детский сад, а с годами просто повод киноленту жизни открутить назад. Мой любимый город — это школа, одноклассники, мои учителя. Поцелуи, расставания у вокзала под шумящие от ветра тополя.

И дай нам Бог, чтобы они стояли, даже самые маленькие. Процветали, хорошели. Появлялись в них очаги культуры, рождались дети и дети их детей.

Города наши! Вы прекрасны, несем мы вас в сердце, и будем нести вечно. Посмотрите на небо, на купола храмов, соборно объединяющих города. Я смотрела. Я смотрела на звёздное небо, которое видно над любым городом. Близкое и дальнее. Прошое и настоящее, и будущее на 200 лет вперёд. И что-то со мной случилось. Если смотреть на звёзды над одним городом, то это не то, что над другим — я говорю о самоощущении, появляющихся ритмах и эмоциях внутри тебя. Вот где к месту вспоминается Кантовский императив: когда я смотрю на ночное небо над головой, я думаю о нравственном законе внутри меня, — вот две вещи, которые всегда волновали человечество...

Нью-Йорк: здесь из Москвы по этой кодовой, определенной Создателем все вечной шифровке вдруг начинаешь ощущать резкие взрывные толчки, синкопированные паузы, самые короткие, если они выпадают

из строя, могут показаться вечностью. Начинаешь понимать: это особый рэг-тайм города.

Стиль индейцев и ковбоев: игра в паузы и внутренний взрыв на опережение. Ушли одни, оставили на небе свою музыку над бескрайними прериями другим, повторившим её на уровне небоскрёбов, впитавшими в себя тот же темперамент, который записан на данном участке неба над определённым местом.

И вдруг — тягучая аморфная патока! Другое небо. Как из огромной бадьи растекается по сторонам тридцатимиллионная патока, состоящая из хаотического броуновского движения вроде бы куда-то спешащих, но вечно опаздывающих и не придающих этому значения людей: Мехико. Его резкое музыкальное стаккато, и главенствующая над ритмом затягивающая мелодия...

Ба-бах! Мадрид: что в сочетаниях звёзд кодирует напускной холод надменных лиц, за которым спрятаны взрывные котлы самолюбивого и упорного темперамента?

Израиль. Иерусалим. Библейское небо над ним, где по преданию стояли и предсказывали ангелы-провозвестники.

И вот с замиранием сердца, как молитва, включаешь небо над Москвой. Раменки. Удивительно — приходит ощущение покоя. Полного самоощущения в его ясности и в ясности мысли. Казалось бы — такая событийная земля, да и рядом самолёт за самолётом взлетают, садятся. И ритм и музыка разве что сравнимы с задумчивой, иногда слегка бравурной и замысловатой игрой фортепиано...

А что там в Буэнос-Айресе? Город небоскрёбов и неиссякаемый родник циркуляции кислорода в невидимой небесной крови. Медленное каменное течение Кордильер вносит в каменные глыбы, в души путешественников, в звуки гитар, в романтическое томление на рыболовных баркасах, в подземелья, где специальные бочки с вином, ярчайшую своеобразность каждой выпуклой детали, будь то идея, женский наряд, часть фасада, фрагмент горы...

Городов и городков миллионы, но исследование показывает, что тайны их и судьбы предопределены. Город — храм души нашей. Из храмов образуется мировая соборность. Их можно обрушить, но они восстанавливаются. И страны — такие же соборы. И надо просто слышать звучание своих храмов и жить в них с миром. Вот как были страны, так они и есть. Хотя им и меняли названия. Но закон Божий и его замысел не поменяешь, характеры и свойства мест не изменишь и не переделаешь. И нечего, ничтоже сумняшеся, завоёвывать соседа. Тем более, если ещё язык Божий не прочитан со словами на небе...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я много путешествую, бываю в разных городах. Моя работа с этим связана.

Я приглядываюсь к городам, как и к людям, которые там живут.

У нас у каждого свой любимый город. Может нравиться Лондон, но сердцем ты любишь родной Екатеринбург. Ты часто бываешь в Париже, но никогда он не займет место Пскова, где ты родился.

В сердце каждого его родной город, приезжаешь туда, и сердце сжимается от непередаваемых словами ощущений: вот здесь мама тебя водила в детский сад, а здесь, держась за ее руку, ты пошел в школу. Мама... мама, наши мамы незримо связаны с нашими городами.

И первый поцелуй, и первое прощай, я еще вернусь сюда — все это наши города.

Мы много посвящаем стихов любви, природе, встречам и расставаниям.

Я хочу оставить вам на память стихотворение, посвященное городам. Городам как живым существам, городам, которым нелегко живется, но которые живут в сердцах каждого из нас.

ГОРОДАМ, ГДЕ МЫ РОДИЛИСЬ...

Города не умеют прощаться.
Они умываются летом дождями.
И загорают от солнца.
Когда....
Ночью дома закрывают глазницы.
Зазывают редких прохожих.
Когда.....
Города не хотят прощаться.
Никогда, и ни с кем навсегда.
Города своё не упустят.
Города, города, города....
Вступают в них люди.
И птицы режут простор.
Когда....
Улицы шлют вереницы прохожих.
Завлекают зевак.
Когда.....
Города не хотят прощаться.
Никогда, и ни с кем навсегда.
Своё города не упустят
Города, города, города..
Бредут по настилам из камня.
Мнут небеса
Когда...

ЭДУАРД ДЭЛЮЖ

Россия, г. Тверь

Я прикасаюсь к губам твоим руками,
Я прижимаюсь к рукам твоим губами...
Когда тобой совсем я стану,
Я перестану оставлять следы.
Я пил огонь из губ твоих, Любовь...
Два сумасшествия — Поэзия и Ты.

И мир падёт багрянцем на стихи,
И мир падёт стихами на стихи,
Боясь потери Повелителя Любви,
Боясь потери Повелительницы Тайны...
Любовь, что делает из нас Вино,
Любовь, что делает из нас Стихи,
Любовь, что делает Поэзию из тел,
Из душ, из музыки случайной.

Не вовремя... непрошенный... иду
Снимать свою телесную повязку,
Где белой родинкой над тишиной в саду,
Над аркою из рёбер непричастных;
Луна в бреду... в молчании... в плену
Бессмертных Сил Веленьем полновластных.

Иду... неназванный иду...
Искать твою смертельную отраву,
Твою не умолкающую Красоту —
Мою незаживающую рану!
Как бестелесно — полновесна глубь!
К престолу пламени склоняю я колени
Целуя эти Вечные Сады...
Как это выговорить, милая?
Самосожжение...

И будет горек привкус жизни
И будет сладок алый её вкус...
Я не боюсь... я боле не боюсь,
Ни тишины твоей, ни памяти, ни пыток...
Я на колени пред тобой склонюсь,
Любовь, ты не заклятие ли жизни?
Любовь, ты не стихи ли наизусть?
Скажи, сыта ли ты, Любовь моя?
Где каждый день тобой я умираю,

И посягающий на близость Присягаю
Небесной Инквизиции Огня...
О, Госпожа моя, я умер сотни раз,
В одном касании к тебе, в твоём изгнании.
Всё остановится, а я в твоём дыхании
Проснусь испепелённым до конца.

Проснусь... поить тебя ночными звездами,
Будить тебя рассветом певчих птиц...
Я выдохну последний белый стих
На нежность этой ярко алой розы.

Ты дышишь, и пока ты дышишь я пишу...
Да будет всё! А Бог придет последним.
Он нам пока готовит тишину,
И Тишину готовит к нам весенним...
О нет, о больше! — Ало-роковым,
Бессмертно сильным, невесомо жарким...
Нам музыкой взлетать из темноты
На пять октав безудержной Октавы...

Вы знаете, что пишет Бог Стихи?
Он пишет нами их...
Он пишет Небо нами

И полыхает мёд

Так нежно целовать способен только шёлк,
Шёлк трепета безудержно влюбленных.
Прижмись к рукам ты птицей золотой,
В себе самой пронзительно прощенной.

Той птицей, что запела у груди,
Оставив на губах моих себя...
Себя, в свечах бессонницы любви,
Где всюду только ты, где всюду я.

Где с твоих пальцев — трепетных величеств
Мой демон мёда пьёт священный воск.
Кто не утратил утра, не умрёт...
Смерть — это маленький земной обычай
Для тех, кто научил цветенью лёд.

И, раздевая нашу кровь,
Октавы рук безудержны и вечны!
О, донна Нежность... о любви ли мы?...
о ней!
В той лодке, где мы — лунность, трепет,
встречность,
Рассказанные мной наоборот.

Дай мне глаза, и не закроюсь я лицом.
Дай мне уста, я не закроюсь поцелуем...
Мы упадем в роскошно-золотой,
В тот алый звук, где мы любовью будем.

Где над гербом из розы и пера
Распустятся и годы и столетья...
Вновь веер ночи подчеркнет твои глаза,
О, донна Млечность... Руки, губы, плечи.

Ликуют пчелы в голубой крови,
За нас с тобой, целуемых впотьмах...
За ладан откровения любви...
Глаза любви моей, я весь в твоих глазах

Когда нам ночь кладет на плечи тьму
Шипами оживающих наречий
На черном шёлке, шёлке подвенечном,
Натягивает нежность тетиву.
Я обнимаю твои плечи и молюсь,
Я поцелуями вымаливаю плечи.

Губами в губы... перевод без слов...
Губами невозможно надышаться...
И чем темнее ночь, тем ярче кровь
В той близости безудержного танца.

Шёпот свечи стихами по плечам...
И россыпь диких нот играет пламя,
И мы идем над бездной за цветами
По узкой досточке качающихся вод.

Я задыхаюсь... в пальцах дань огня,
Дарить тебе смертельную тебя...
Смертельно-яркое в смертельно ярком...
Растрать меня... распей, разлей меня
Как близость в изложении огня.

О сумасшедшая... моя... строка...
Я глаз твоих целую откровенья
И бережно перевожу тебя
На свой язык сердцебиенья...
На наш язык... на твой язык... на мой.

И там, где срез огня, где сам огонь,
Где сердцевина легкости и веса,
Там кровь цветет твоею наготой,
Лишая нас и легкости и веса.

И ты, как беженка... Как девочка... дитя...
Как женщина, скользящая сквозь сон,
Отпущенная к нежности идешь
Навстречу учащенному дыханью
В бессилье, что осыпано цветами.

Я колыбельной становлюсь твоей,
И кровь моя цветет, тебя качая...
Как дочь мою, как женщину мою...
Как бесконечность этого признанья.

И я пою тебя от головы до пят...
Всё, что называли мы, то стало нами...
И длится нота слабостью высот...
Руками смертными тебя я обнимаю...
Руками смертными... и полыхает мёд.

Цвет веры

*Вода, движущаяся в реке или призыва-
ема, или гонима, или движется сама.
Если гонима, кто тот, кто гонит ее?
Если призываема, или требуема,
кто требующий?*

Леонардо да Винчи

Если встать на колени и молиться тому,
кого не знаешь,
То молитва будет пустой.
Если ты не знаешь, кто такой Бог,
то, идя к нему,
Ты никуда не придёшь.
Ты идешь в пустоту, если не знаешь
имени дороги.

Говорящий о смерти закликает жизнь,
Говорящий о жизни призывает Вечность.
Сказанное громко призывает сказанных...
Слово не видит и не слышит того,
кто не слово.
Не называй имен все!

Рисунок исчезновения, Третья Сюита,
Ре-мажор... на струне «соль».
Ветры приносят ноты...
Не разбей пронзительность алого, там,
Где чередуется шелк и сталь.
Поэзия — Рассудок Алый...

Замерли листья, слышат — идет
кто-то Званный...
Горловым звуком срывающий седину
с небес,
Октавами капающий...
Этюды поднимает ветром
И раскидывает, роняя наземь отпевших.
Отпоет
Страстью будущих новорожденных...
Содомом грязи... Сожжением теней.
В этой книге не останется ни одного
имени,
Ни одной тоски...

И кричат корабли их земле:
Милые певчие, не падайте все!
Бог не спасает того, кто не ищет спасе-
ния.
Мир любит всех, кто себя убил,
Но что же любил в них Бог?

Кормящий жизнь Жизнью...
Падают имена на воду, как скорбные круги.
В желтом волхвы, в красном волы, в бе-
лом звезда.
И приходит зима, как жрец сна,
Создавая судьбу, превращает всех в жертву.
Создавая судьбу, мы превращаем себя
в жертву...

Кому о жизни говорить, как ни тем,
кто пишет?
Ветер у губ... О сострадание обрезалась
строка,
И эти слезы ударяются о воду.
Воды их рта!
Мой сад, ты весь от страха стар...
Бог повелевал дереву: убей... и оно уби-
ло листву свою.
Бог сказал им: идите и падите... и они
падают.
Бог повелевал мне: иди и слушай...
И я шел и слушал, как сад убивает листву.
Здесь достаточно одного шага...
Как покорно мы шли.

Цвет атеизма — равнодушие.
Цвет Веры — вот он, в них...
Эта яркость...
Что до нас и после нас уже созрела
Всеми возрастами, подобранными нам...
Всеми желаниями от рождения и до...
Все правды тут тебе уже сказали!
Слышал ли ты?

Не понимающие, не помнящие, утомлен-
ные солнцем
Рубят бездны, разрезая воздух, летят...
Божья Риторика, Божья Поэтическая
Тонкость,
Харизма, рассказывающая Вечность.
Лодки слёз у золотых колен...
Нам всем придется выйти к Смерти,
Выйти к её глазам.
Стоять с рассветною звездой
И сердцем, исписанным рифмой, слы-
шать... всех.

Я шепотом пишу:
«Выпей меня, золотая, я тысячный пут-
ник, переносимый тобою во Свет».

Призываемые, гонимые, требуемые, тре-
бующие...
Но что же любит в нас кормящий жизнь
Жизнью Бог?

Иди и не погибни...
Иди и, погибая, не погибни...

Вечера

Войди и выйди, гость мой золотой...
Под лампой кружит мотылек Огня —
Принц крови кровообращения
Запомнивший, задумавший тебя.
И снова роза гибнет и растёт,
Откуда к ней приходит вдохновенье?
День дней её, ночь у ночей её —
Всё обертон ранимости мгновенья.

Мне или ей воск каплей в тишине,
По тишине, где бел не только саван;
Какие белые стихи во тьме,
Как хрупки паузы у переправы.
Всё — перевозбуждение для глаз...
Я мог бы выйти, но я остаюсь!
И длится чей-то голос в тех стихах,
Которыми я плачу и смеюсь.

Тридцать три буквы
Тридцати и трёх крестов,
Сквозь списки снов
Читать пришли последний.
Имеющий ключи от всех смертей,
Ты есмь живой...
Сумеешь если, то воскресни!
Но не пришла ещё Мария,

Чтоб родить Христа.
Ушли герои, но никто не умер;
И призывают мотыльков уста,
И присягают розам поцелуи.

В словах и контурах имён
Кем доводился ты теням?
Где было каждому имён без меры,
Где каждым именем ты безымянным стал.
Где ночь в груди листала словари
И не просилась быть за всё в ответе!
День слов твоих, ночь у ночей твоих,
Где ты проснешься откровеньем на рассвете.

Колыбельная любви

Вспоминаю слова моей колыбельной...
Она ль листьями падает
Нам, живущим лишь раз?
Как молчат эти всполохи,
Как бездомны иконы,
Как темнеют окраины,
Спать ложившие нас.

Тише, тише... я помню,
Вот, всплывает в молчании:
Положи под подушку
Ты ладошки свои,
Ножки вытяни, кроха.
Эта жизнь — завещание...
Спи скорее, малыш мой,
Спи скорее, усни.

Я шептал их молитву
В страшные полночи,
Я носил ту молитву,
Как иконку свою.
Мне любовью Любовь
Колыбель застелила:
Спи, мой маленький странник,
Баю, баю, баю.

Эта жизнь — ожидания,
Эта жизнь — расставания,
Эта жизнь — колыбельная,
Сочиненная нам.
Эта жизнь — расстояния,
Эта жизнь — обещание,
Той Любви, что положена
В колыбельную к снам.

Я пою слова моей колыбельной.
Она вечностью падает
Нам, вернувшимся жить...
Как молчит ожидание,
Как светлеют иконы,
Как бездонны окраины,
Спать ложившие нас.

И поёт в Темноте,
Светлый голос единственный:
Положи под подушку
Ты ладошки свои,
Ножки вытяни, кроха,
Эта жизнь — обещание,
Эта жизнь — бесконечность
Колыбельной Любви.

Лунное

И лягут бездны на крыльцо,
Луна повесится
На небе древних, черных мук
Без божьей лестницы.
Подует, звездочки зажжет
Водой умоется,
И в мир потерянных войдет,
Сонник откроется.
Целует руки ей фонарь —
Влюблен, наверное...
В улыбки тысячи огней —
Нить сокровенная.
Он тень поможет ей одеть,
Пойдут по улицам
Где смотрят стены им в лицо,
В поклоне щурятся.
И ищет белая княжна
Того, кто глянется,
Строку нальет ему в бокал
И ждет, что скажется.
И свита свеч и мотыльков
К строке подтянется
Играть в бездонные слова
На пальцы пялится.
И лягут строки в тишину,
Стены раздвинутся
На теле белой наготы
Чернила сдвинутся,
И теплым отблеском пера,
Скользя по древности,
Напишет белая рука
О белой бледности.

Имя твоих молитв

По твоим ли теням тебя назовут?
По имени ли?
По крещению ли?
По словам ли, что ступали тобой,
Твоим сердцем
По раскаленной земле, по качающимся
небесам?

Не пиши, если не чувствуешь силу быть
сильным...
Быть предельным...
быть невесомым... быть.

Свечи рукою твоею погашены или
чьей-то?
Смолкнет ли во тьме твоя сияющая кровь,
Там, где ты останешься наедине с самим
собой,
В полной темноте и тишине.
Вот там и проверяется твоя сила, твоя
вера,
Твоя строка, вставшая между тьмой
и светом,
Между тенью и образом, между тенью
и тобой.
Кто ты?
Образ ли, тень ли, строка ли, тишина ли,
свет ли?

Могучие строки ждут своих детей... там.

Расписавший мне сердце,
Стоя между этой водой и этим огнем,
Между этим трудом и отдыхом,
Неся на руках её жизни и смерти,
Целуя руки самой жизни и самой
смерти...

Целуя сердце Любви...
Держа в руках тишину, как лист,
Прикасаюсь ко всему своей песней...

Жизнь споеет тебя всего,
До единой ноты... целиком... тихо
и громко...
Исповедовавшись ей, воскреснешь сам
в себе.

Кто-то спрятал тебя в сердце жизни...
Передел в красное...
В белое... в черное...
В шелковое... железное...
Но не время еще деревянному.

Вот она, кровь твоя рассветная, в бокалах
маков...
В этой жизни, где ты на «ты» со временем
и с Богом.
Не говори Богу слов,
На которые он может ответить лишь
молчанием.
Он создал каждое из них,
Он знает их радость и боль в Подлиннике.
Стой лицом к Вечности,
Лицом к праведникам Красоты.

О, Красота, преодолевающая меня,
Мои руки полны цветами всех твоих
дней.
Всех моих дней, всех наших оттенков.
Никто не отнимет у нас эту близость,
Лишь унаследует это расстояние,
Эту недостижимость, унаследовавшую
нас.
В расстоянии от слова к слову имя твоих
молитв...
По перстам таинств,
По губам Божьим...
Там, где нежность спала в сердце твоём,
Там, где нежностью спал ты
в чьем-то сердце...

Госпожа Бедность...
Жизнь играет с нашим равновесием.
Никто не танцует изящней тех,
кто умирает...
Умирает в самом себе каждый день...
Чтобы родиться новым каждым
мгновением себя.
Не бояться смерти — это не значит
остаться в живых.

Пережди уход первозванных, первозвуч-
ных...
В тишине послезвучного льда.
Решай: стоит ли розе вздыхать,
Стоит ли открывать слово снова и сно-
ва...
Светоносные проверяют тебя...
Но ничто не случится само и без тебя,
Каждый делает то, что напроорочил себе.

Слишком мягкое небо и слишком твердая
земля в тебе...
Ты ищешь путь, в котором ты увидел бы
путь...
В сердце древа времени и вечности
Промолви тишину,
Промолви так, чтобы тишина заговорила!

Вполголоса

Вполголоса читали в бледной комнате,
 ВполЛогоса читали, как молитву,
 У линии судьбы немой, не мой
 Открыт словарь, но буквы в нем забыты.
 Руки простор над ветошью имён...
 Мой друг уставший, вдох ты или выдох?
 Жизнь утверждений днесь, ты в ней
несешь
 Ритм, яркий запах, сердцем не забытый.
 Блажен сезон сошествия во цвет,
 И двери мечены... и Моисей вернулся.
 И в сумерки переделась тень,
 И весть вошла, и кто-то обернулся.
 О, посмотри как он похож на нас!
 Он молвит жизнь уверенно бессмертный...
 Находит вдохновенье среди трав,
 И среди ран осознает рассветы.
 Вновь оставляет ссадины рука
 На белой бесконечности бумаги.
 И одевают буквы голоса,
 И слышится, как Бог роняет знаки.
 И гнется между пальцев поворот
 Той мысли, что найти тупик не может...

Тот, кто искал, тот всё это поймёт.
 Тот, кто нашел, уже нам не поможет.
 И тверже шаг и снегопад белей,
 И тени также жмутся страхом боли...
 О, поздний штрих сквозь явь
карандашей...
 О, пастырь стертости, вновь заостряющий
дороги.
 И трогая заговоренный лик
 Твоих молчаний и твоих причастий...
 Сакральных зрелищ обнаженный стих
 Пал белой бабочкой в рождественские
дали.
 Над культом круга, созданным людьми,
 Где Бог устал и нам всё чаще повторяет:
 Не сотвори себе...
 Люби!
 Не заколдуй себя бесправьем лживых
правил!
 Вполголоса... и громче и сильнее,
 Над бледной комнатой свеча молитву
прячет
 И мотылек садится на плечо,
 И слушает, как карандаш мой плачет.

БАХ АХМЕДОВ

Узбекистан, г. Ташкент

...И ничего не изменить.
И с этим надо как-то жить.
Смиряться или не смиряться.
Грустить, надеяться, смеяться...
Пытаться, зная, что напрасно...
И каждый раз себе внушать,
что даже в боли жизнь прекрасна,
что только так растет душа...
...А ей, душе, уже быть может,
совсем не хочется расти.
Она устала жить без кожи,
устала в пустоте идти.

Ей, может, хочется покоя...
Свернуться тихо и уснуть.
И пусть плывет над ней рекою
непостижимый Млечный путь.

Полуночный джаз №3875

Целую твоё прошлое.
И если это возможно,
твое будущее целую тоже...

Целую твои мысли и душу,
и дневника твоего несуществующего
каждую строчку...
Каждую точку!
Тем более, многоточия....
Особенно, те, что ночью...

Целую твои надежды,
победы и поражения,
каждое твоё отчаяние,
все твои отражения
в невидимых зеркалах высоких...
Целую твоё молчание,
в котором так много всего
скрыто...

Целую все твои звезды,
что хранят тебе вечную верность.

Целую твои слова,
и все твои незримые слезы...
И все, все остальное,
что поцеловать невозможно,
Но не поцеловать — невозможно
вдвойне!

Грустно ли мне?
Сошел ли уже я с ума?
Или все еще впереди?
А если так,
то ты тоже, пожалуйста,
вместе со мною
с ума сойди.

Не отпускай меня туда одного.
Без тебя мне там будет пусто
и одиноко...
Впрочем, не более, чем сейчас....

Разминулись на две минуты...
Или может, на двадцать лет?
Как обманчивы наши маршруты
и надежд ускользающий свет.

Разминулись смешно и грустно.
Рядом с нами судьба прошла.
Где ты, где ты шестое чувство?
Где летает твоя игла?...

Так случается...
Мы с тобою
на развилке тоски живем.
То ли стены забвенья строим,
то ли вновь исчезаем в нем...

Пустота...
Лишь морозный воздух
за окном наших снов звенит.
Разминулись....
Молчите, звезды!
И без вас в небесах болит.

Пахло сдобным и чем-то подробным...
Обещающим свежую жизнь.
Словно взяли у вечности пробу
и сказали: «А дальше — держись!»

И от запаха этого снова
опьянела как будто судьба.
Пахло тихим несказанным словом,
и вела в бесконечность тропа.

Нам казалось, что нужно всего лишь
для свободы подставить ладонь.
И не будет ни грусти, ни боли,
и спокойным наш станет огонь.

И казалось, что запах целебный
нас спасет от иллюзий пустых.
Пахло снегом, надеждою, небом.
Или тем, что мерцало на них...

Холодная правда...

До дрожи.
Как трудно свой день сочинить!
Любить — это больно, но все же
намного больней не любить.

И ходишь кругами, и снова
цепляешься за пустоту.
За взгляд, за случайное слово,
скользящее тенью по льду...

За тонкую нить вероятий...
Такую непрочную нить.
За то, что нам жизни не хватит,
чтоб новую жизнь сочинить...

В конце сумасшедшего года
я встретил однажды тебя.
И бредила мартом погода,
чужую весну торопя...

О чем-то совсем постороннем...
О чем-то неважном совсем...
Но кто-то случайно вдруг тронет
уснувшее слово «зачем?».

И мир распадется на части.
И пауза вдруг заискрит.

Зачем это грустное счастье,
как листик осенний, горит?

Зачем нас влечет неизбежность?
Зачем вырастает стена?
Зачем мы простили надежду
за то, что надежда она?

Сегодня я до чертиков напьюсь
и, может, наконец, собою стану.
С луной станцую, с ветерком сольюсь
и пообщаюсь с утренним туманом..

Так хочется хоть раз сойти с ума!
На все плевать!.. Я жить хочу, поймите...
Качаются уснувшие дома,
а я иду, своих падений зритель.

Какая же бездарная судьба
меня на эту роль определила???
Молчи, молчи, проклятая труба —
я так хочу забыть про все, что было!..

Я так хочу напиться, стать собой!..
Я жить хочу... Я ненавижу трезвость.
Не уходи, последняя любовь —
ведь даже в сорок вены можно резать.

2007 г.

Вечерний экспромт

Я сел в маршрутку и уехал
в страну надежд и пустоты.
За мною в ночь летело эхо.....
За мною в сон летела ты.

А мир болел открытой раной...
И небо таяло в руке.
И было так смешно и странно
прочесть всю жизнь в одной строке.

2015 г.

*«Тебе нужно чувство,
просто как топливо для стихов...»
(из разговора)*

Радуйся, я сгорел.
Топлива больше нет!
В пальцах крошится мел,
гаснет ненужный свет.

Черный квадрат доски.
Прямоугольник, круг.
Жизнь на краю строки
и уходящий звук.

Я не бегу за ним.
Можно прожить и без.
Мелом рисую дым...
Все потеряло вес.

Все потеряло свет.
Все потеряло суть.
Топлива больше нет.
Можно теперь уснуть?

Никаких сумасшедших истерик.
Никаких обесточенных «бы».
Просто время выходит на берег,
называвшийся «Берег судьбы».

Безупречное вечное слово....
Мало смысла и много песка.
Только сердце к безумью готово,
но его не пускает строка.

Все двоится, судьба биполярна,
словно нежность о двух зеркалах.
Лишь усталость всегда лапидарна,
что навек затаилась в глазах.

И опять остается лишь имя,
как последний спасательный звук.
Вот и мы с тобой стали чужими...
Безопасно чужими, мой друг.

Все, что сыграно по нотам...
По давно забытым дням...
Для чего-то... Для кого-то...
Для каких-то пошлых драм.

Как смешна пустая участь
уходить в пустые сны.
Жить и верить в глупый случай,
ждать подачек от весны.

А весна — такая дама,
ей бы только утешать.
Ей бы только наши драмы
бесконечно обсуждать.

Ей бы только все в банальность
поскорее превратить.
Разве что-нибудь печальней
в этом мире может быть?

НАТАЛИЯ РЯБУХИНА

Россия, г. Липецк

Ставление

Опять декабрь наставил меток,
но я не вспомню переход,
я напрямик, я против ветра,
который год...

который год
я чем-то черпаю и зиждусь
и наступаю на подол
и спотыкаясь, или движусь,
или коленками об пол...

уже держусь, а в пальцах — крохи,
всё до меня снесли воры...
не так горяч конец дороги,
как сам горячечный порыв,

как это ставление на карты,
как выбор между нет и нет
ну что ж ты... как ты...
что ж ты... как ты...
как без меня остаток лет...

Палец изо рта не вынимай,
если положил,
да не-е-ет,
не бойся —
будут перевариваться кости,
даже если ты ещё не жил...

и там, где нас нет — нехорошо
или хорошо...
не в этом дело,
на воре и тлело и горело,
а он воровал ещё, ещё...

что-то там не ладится в системе
крепких предприимчивых менял,
слишком переполненные немые,
слишком пустотелые звенят...

Тройки

Стой... стой! Кто идёт?
Ты за немцев, нет? За русских?
Замуровываю вход,
маскирую кнопку пуска.
Подойди ко мне, но... стой!
Брось кусок в просвет решётки,
дай любви, нет — жёсткой щётки...
Кто я... кто я... кто ты... кто...
Ме-е-е-едленно, до макросъёмки,
капли бухают в ведро,
образуя в нём воронку,
извлекая жуткий гром.
А потом быстрее, быстрее —
лица, запахи, слова..
Выворачивает креном,
то, что зиждется без свай.
День за днём замена ленты...
треск!..
...смотрю на мягкий снег —
сколько внутреннего света,
и пушистый человек
чистит, чистит
тропки к лету...

Клей

То, что истинно болит
не положишь на закланье...

Потрошишь тряпье на вид —
симулируешь послание,
а оно, корявым ртом,
неестественно слащаво...
Нарвало до дыр в простом,
до задержки вдоха,
правом.
Сложным слогом,
впрыснув клей,
ювелирю на потребу...

...пожалей меня, не требуй
гуттаперчевых ролей.

Космонавты

На бойцах экипировка —
тёплый стёганный скафандр,
можем падать — остановка,
и шагать — и р-р-раз и два...
Космос всякий, нуууу, держись,
покоряться не мешайся,
и у монстров нету шансов
на космическую жизнь...
Палку в руку,
хмурим бровку —
бум! по лесенке стальной,
применяй экипировку,
пока мама рядом...
Но —
мама лучшим оберегом
от космических атак,
раз песочница под снегом...
Нееет, мы мирные,
мы — так...

Пожитки

С собой — всё что ценно.
Смешные пожитки,
а лепят и лепят сегодняшний день —
«В саду ботаническом» — пачка открыток,
набор календариков..
И в пустоте
как будто и не было статусов, баллов,
дешёвых свершений и кукольных чувств,
«В саду ботаническом» осень настала,
а я без всего
и на месте топчусь..
Так плохо работает «Почта России»
и очередь гуще и лица темней,
достать бы открыток
красивых-красивых
для может быть жизни,
для может — поздней...

Нецке

«По улице моей который год...»
Белла Ахмадулина

...нету дорог тех,
и дети «которые...»
буднями гиблыми с корнем оторваны,
нету друзей,
все друзья стали детскими...
сны нахлобучены белыми нецками,
падают нецке из снежного облака,
мажут пути и дальнейшее побоку..

новые лица на старых зазубринах
мраморной пудрой надолго припудрены,
не разглядеть, не присвоить...
разглядятся
складки на каменных мантиях платицах,
в комнате тёмной с дверями закрытыми
не узнаются от давности рытвины...

Снег

Поднимаю —
дождём счастье сходит с рук,
останавливаюсь — взлетаю...
мне соврать, лучше верить,
а я всё вру,
завираюсь...
а жизнь простая —
или паяны,
так, чтоб стоять, устав,
или порваны, соль под кожей...
свежий снег привезли —
открывай уста,
кто давно уже обезвожен.

собираю,
опять не хватает рук,
останавливаюсь — взлетаю..
если верить — светлее
всегда к утру,
если чайник...
пойду поставлю.

Мчался инопланетянин...

...Мчался инопланетянин
по балконному стеклу
(на открытие не тянет,
может блик?)
и на полу
расчертил огни и трассу
и как будто космопорт...

— Друг небесный, здравствуй!

— Здравствуй...

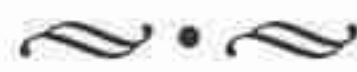
(отвечает? странно)
вооот,
если глаз один зажмурить,
(лучше даже все глаза)
можно прямо на ммм... Меркурий...

— Что моргаешь?
Залезай!

АНДРЕЙ-VICTORIA-АНДРЕЕВ

Россия, Санкт-Петербург

Бабочка огня

Вопросы все к нему: чертёнок на плече.
Как новые вожди — без родины, без флага.
За мной спустился он... На солнечном
луче

Сошла на Землю я... по донышку оврага

Скатилась на реку... девицы нагишом
Купаются, визжат... я, подобрав одежду,
Оделась и пошла... тропинка камышом
В Ваш Город привела... да, здесь жила
я прежде.

Другими были мы... как воздух был
другим...

Как чудеса сейчас — парад кривых
подделок...

И Вы, увы, и Вы... считаете шаги
До поцелуя, до... как жертва
до придела*...

Заныло сердце: где размах былых гусар?
Художества речей и шик лихих
мазурок...

Горнило погасил железный комиссар
И на Любовь запрет, и на Мечты цензура.

Нет, это не по мне... мой ангел на плече
Свои вручил крыла и в небесах дорогу...
А «бабочка огня» всё пляшет на свече —
Надеется и ждёт... прозрения... убого...

07.01.2017 г. A-V-A

* Придел — в православном храме особый алтарь, отдельный от главного, содержащий в себе все, что составляет принадлежность всякого алтаря, т.е. престол и жертвенник с принадлежностями и пр. (словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона).

На лету...

Снежинки тают на лету,
Играет с ними ветер южный,
И в свете фонарей жемчужных
Рябит дождинками... Мечту

Со скрипки выпустит скрипач:
Взлетает над открытой сценой,
Рыдает юной Мельпоменой
И разрывает сердце... Плач

Услышит девушка... фату
Отложит, спустится по звуку
И скрипачу протянет руку...
А снег всё тает на лету...

09.01.2017 г. A-V-A

В её ладонях снег

В её ладонях снег, как пух... вот дунут
губы,

И полетят, кружа нежнейшие стихи:
К твоим ногам весь Мир —
несовершенный, грубый,
Уложен второпях руками всех стихий

С любовью и теплом Она подарит...
в красках...
Под поцелуи... Свет... от радуги-свечи...
И Сердце дрогнет — Снег... Из Детства...
Мама... Ласка...
И воздух сладковат от угольков в печи...

В Её ладонях снег, как воздух... дуют
губы,
Взлетят и закружат волшебные штрихи...
Задержится Поэт... не замарают шубы
Горячей кровью... в снег... не упадут
Стихи...

14.01.2017 г. A-V-A

Шлю привет

На заливке скачущего дня
В Дальний Запад шлю тебе привет.
На рассвете встанешь — нет меня,
В занавесках тихий, тёплый свет,

Как почти забытый поцелуй,
Как ладонь ласкающая грудь...
Улыбнись, родная, не тоскуй!
Дни разлуки — это только путь,

Пусть и в состоянье полусна.
А когда вокруг скулит метель,
Просто помни: где-то спит Весна,
И в твою холодную постель

Лучик ляжет... и шепнёт: до дна
В омут, в бездну... вместе...
с головой...

Шлю тебе привет... лизнёт волна...
И подаст цветочек луговой...

21.01.2017 г. А-V-A

Встретимся. Верую

Взгляд вдруг почувствовал нервом
звериным

И обернулся... десятки... толпа...
Невский умытый, сияют витрины,
А ведь когда-то лежала тропа...

Взгляд из той дали подчёркнуто
острый.

Завуалирован робостью плеч.
Стайкою держатся божии сёстры,
Робки шаги, целомудрена речь.

Вот он... метнула осколком сестрица
И опустила под ноги глаза.
Мне красотою такой не напиться,
Пусть мы обеими правыми «за».

Общность разделена обществом...
губки

Вам поцелую я издалека...
Бросьте молитвы в заздравные кубки!
Встретимся, верую, в добрых веках...

28.01.2017 г. А-V-A

На акварели

Музыку любви на акварели
С губ твоих шершавых разнесу:
В красках Питер, чудеса Растрелли,
Чувства, пусть без солнца — на весу —

В фонарях огни, улыбки в окнах,
Смотрят горожане — пара — бис!
В поцелуе кружатся, не мокнут,
Под с небес крошащийся каприз:

И снежинки, и дождейки мимо...
В вальсе пара, в музыке любви...
В акварелях музыка незрима,
Но душа находит тон... лови...

31.01.2017 г. А-V-A

И... душа...

Долгим взглядом изучаю фото,
В памяти проспект, гроза и май.
Солнце вышло, брызнув позолотой
На дома, на лужи, через край

Глаз твоих влюблённых в Город-Чудо,
В музыку, в стихи, в картину дня...
На постели нежного этюда
Целовала в губы и меня

С радости свидания... и в вечер,
В тайны двух сердец ушли, спеша...
Тихо плыли музыка и свечи,
И одна спасённая душа...

05.02.2017 г. А-V-A

Перед тенью

Солнце спустится к закату
по отрогам ржавых крыш,
Календарь изменит дату —
автоматика... не спишь...

С полок памяти слетают
фото, ноты, чувства, сны
И как луч последний тают
в осознании вины

Перед тенью... перед мыслью:
не доделал... не добрал.

На ступеньках перед высью
сам себе нещадно врал.

В дрожь бросало только Эго
в те далёкие года —
«Я есть Альфа и Омега»
и, казалось, навсегда

Вывел формулу успеха,
но споткнулся, рухнул вниз...
Вышло солнышко... нет, эхо...
прошлой жизни дунул бриз...

07.02.2017 г. А-V-A

Dandy

Она фотомоделка и dandy* её стиль.
Ни капельки снобизма: улыбка, доброта.
Был бал, и Губернатор поставил нас
в кадрили,
Причём без задней мысли, а вышло...
только стан

*Денди — 1) щёголь (англ. *dandy*) — социально-культурный тип XIX века: мужчина, подчеркнуто следящий за эстетикой внешнего вида и поведения, изысканностью речи; 2) денди — это не просто модница-модник, умеющий красиво одеваться, это нечто таинственное, непонятное, неразгаданное.

Обнял рукой, как сердце остано-
лось...

шаг,
Улыбка, поворот и воздуха ни грамма.
Она плотней прижалась... бедром...
и вспыхнул шар
Земной, и потекли слова её бальзамом...

Забилось сердце так, что музыки
ни звука...
Мы сбились... невпопад... и отошли
к окну.

Она... представьте вы: Она меня за руку
Держала и в глаза... я тихо шёл ко дну...

Давно за пятьдесят... проблемы,
дети, внуки...
Высокими словами Она мне о любви...
Со всех сторон на нас глаза и пальцы,
муки...
И как ума хватило девчонке не съязвить?

Год пролетел, второй подходит
к перевалу.
За что, зачем, когда — не поднимал
вопрос.
И я любил... до грёз... довольствуясь
лишь малым,
Давным-давно... когда сторал
под солнцем нос...

28.02.2017 г. А-V-A

НИНА БЕЛАНОВА

Украина, г. Днепропетровск

Живёт надежда

Настольной лампы скудное тепло —
Подарок дорогой рукам озябшим...
Живёт надежда, всем смертям назло,
Хоть с каждою весною на год старше...

Когда в моё окно стучится град,
Я пью горячий чай, как водку, залпом
И верю — не проиграна игра,
Не выветрит зиме цветочный запах!

Ведь с каждым Божиим летом слаще мёд,
И зеленей трава, и небо глубже,
И где-то счастье милое бредёт,
Как в детстве, босиком, по тёплым
лужам...

12 января 2017 г.

А снег идёт

Отряхиваю снова снег в передней я.
Соседский сын играет на трубе...
Покоя не даёт мыслишка вредная:
«Зачем живу? Нужна ли я тебе?»

Надежда распадается на атомы
И сердце обволакивает боль.
Ты помнишь, как искрилась водопадами
Твоя любовь от весточки любой?

Цвела сирень и радовались ангелы,
Никто не ждал горчайшей из потерь...
Пора спросить у Господа: «А надо ли
Обвешивать замками счастья дверь?»

В полёте опасаемся разбиться мы,
На крыльях у мечты — рассудка лёд.
Ждут фонари с оттаявшими лицами,
А снег идёт... уже который год...

13 января 2016 г.

Крещенский сочельник

Сахарной пудрою двор запорошенный...
Стол украшает кутья.
На подоконнике — слёзы-горошины —
След покаянья дождя...

Носится ветер умелым келейником,
Снег рассыпает горстями...
Пахнет в округе Крещенским
сочельником:
Выпечкой, ёлкой, детьми...

Храмы зовут на всенощное бдение,
Господи, благослови!
Жаждет душа чистоты, возрождения,
Веры и Божьей Любви!

18 января 2012 г.

*Пробилось утро
из-за штор оконных*

Пробилось утро из-за штор оконных,
Влетело в спальню, свечкой обожглось,
Метнулось вверх — на стену, всю
в иконах,
И на постели мирно улеглось...

По потолку разгуливают блики...
А я, колени преклонив, стою...
Мне прямо в душу зрят Святые лики —
Не скрыть от Неба грусть и боль свою!

Кому неведомы любви мытарства?
Огонь переполняет кровь и плоть!
Но, каждый день по капле, как лекарства,
Любви всё подбавляет мне Господь!

19 января 2012 г.

Ночь

Мошки снега в окна бьются.
Ночь — на пике тишины.
К фонарю примёрзло блюдце
Обесцвеченной луны.

Ветви тополя колышут
Опустевшее гнездо.
Плед пушистый греет крышу.
Спит нахохлившийся дом.

Только мне никак не спится —
Убегает сна уют.
Разлетелись мысли-птицы,
Не щебечут, не поют...

Что-то скрылось дорогое,
В ночь ушло, мечты круша.
Ждёт рассвета и покоя
Опустевшая душа...

30 января 2017 г.

Февраль

Вступил хозяином Февраль,
Велел дорожкам серебриться,
Надел морозную вуаль
На окон заспанные лица,

Подкрасил синим в лужах лёд,
Проверил, скользки ли ступени...
Он так приходит каждый год,
Неся сиреневые тени...

Трещат сучки в глуби аллей —
Зима знобит с лихим азартом!
Осталось двадцать восемь дней,
Морозных дней, до встречи с Мартом...

Ещё остался блеск зрачков,
Осталось время, что не лечит,
И километры облаков
До нашей выстраданной встречи...

1 февраля 2017 г.

*По-весеннему
всё нестабильно*

Стаял зимний серебряный панцирь,
Облегчённо вздыхает земля
И дерев согреваются пальцы...
Ясным солнцем обласкана я!

Пряный запах дороги непыльной —
След коротких вчерашних дождей.
По-весеннему всё нестабильно
В ожидании добрых вестей.

По-весеннему строчки капризны,
Пробиваются поросли слов.
Зарождаются новые жизни.
Просыпаются души цветов.

Благодать... Руки тёплые Марта
Гладят пряди пшеничных волос...
Долог путь от сегодня до завтра,
Шаг один — от улыбки до слёз...

6 марта 2017 г.

АННА РТИЩЕВА

Россия, Ростовская область, г. Волгодонск

Искренность

Медовым солнцем наполняется Душа,
когда она во искренность облачена.
Притягивает радость и улыбку...
А это лучшая и верная прививка.

15.11.2016

Сердце

сердце всегда понимает,
когда нанесены обида и боль,
а когда — ситуация.
Оно тонко — чувствительно,
на удивление.

15.11.2016

Уникальным

И уникальностям нет счёта...
И все — в ряды...
И мы — за ними
И выделяется средь —
имя...
Одно...
Без правил и расчёта.
Оно вне списка.
И в обнимку.
Душа взлетела...
Нет ни снимка, ни киноленты... —
ни-че-го...
.....
Записано в Душе оно.

03.08.2016

По-гусарски...

Нет в слове «прощай» —
истощности воя.
Прощанье тихо... —
принимай его стоя...
Прощай по-гусарски... —
юнец или дева...

Прощанье глухо.
И всегда не у дела.
Дорога оборвана.
Колья забиты.
Истрёпан кушак.
Слетаешь с орбиты.
Когда уже нет —
тех открытых дверей —
во кои, как в омут,
ступал
в сладость дней.
Нет в слове «прощай» —
истощности воя.
Прощанье тихо —
принимай его стоя...
Подняв подбородок,
хлебнув горесть залпом,
напалмом обжегши,
себя и кто рядом.
Размётаны власа...
Ковыль воет ветром...
Свистит оголтело —
наводчик, что светом
пробил беззащитную Душу... —
раздетую...
Доверье — на вылет...
Но в памяти вето,
что мёдом сковало —
дыханье и губы...
Достигнешь рассветов...
Но будут ли любви?!...
Другие....

17.03.2015

Новогодне-радостное...

Пушистая нега...
И снегом... — поля...
И в нём утопает город...
— Спасибо, ты рядом!
Ты есть у меня...
И мир так сегодня молод...
Пробили куранты...

Шампанское плещет...
 Бокалов трепещущий звон...
 Распахнуто небо...
 Тосты за рождение...
 И года шаги... Он Рождён!!
 Мальчишкой улыбчивым,
 резвым и милым,
 врывается в каждый дом...
 За Счастье, за Дружбу,
 За самых Любимых —
 и каждый сейчас эталон.
 Блестящие бусы
 на праздничной ёлке.
 И пестр, и красив наряд.
 Но разве сравнится она сегодня
 со взглядами, что горят...
 Они говорящи, сверкают салютно.
 И нежностью — вожжат.
 И сказочный вечер
 зажжёт в домах свечи.
 И речи, что птицы летят...
 Звонки, интернет,
 и скайп... — чудо-штучка —
 ожили... И пик сладострастья...
 Когда бы ещё... — мир ошалел,
 от дружбы всемирной и счастья...
 Пушистая нега...
 И снегом... — поля...
 И в нём утопает город...
 Спасибо, Любимые и Друзья...
 что я с вами рядом и молод...!!!

03.01.2016

Собственница-тишина

Гамак... Клубочком... И в себе...
 Где тишине отведено пространство...

04.11.2016

Человек

Человек не меняется,
 что бы ни было.
 Лишь маски скрывают лицо,
 но однажды —
 мы явно видим его нутро.

.....

Человек не меняется...

13.10.2016

Закат

Красив закат... —
 холмы, что груди...
 И бархатом покрытый стан...
 Река,
 извечных дум — прелюдия...
 И пляшут волны в ночь канкан.
 Затихло небо.
 Солнце дышит,
 разбрасывая, стихший жар...
 И никаких вам... — мерехлюндий.
 Мир полон прелести — хоть стар.

13.11.2016

Сияние света...

И будь мы все сияньем света —
 что яркой чистотой струится...
 Не надо было бы в веках... —
 нам раболепствуя ютиться...

22.09.2016

Силуэт тишины...

Я на цыпочках Времени —
 загляну в твои окна...
 — Где ты — радость моя?..
 Без тебя в мире плохо...
 Без тебя тишина —
 силуэтом вещает...
 Тишина — хороша... —
 та, что мне обещает —
 тебя.

13.09.2016

С добрым утром — снежковым!

В царство снега, тишины —
 Ты — иди...
 Заполняй просторы — счастьем...
 Всё в твоей всеильной власти!..
 Божия частица света!..
 Ты и новь, но ты и ретро...
 Сколько скоплено веков —
 в каждом взгляде,
 в звуках слов...
 Мудрости и ярких красок...
 И Вселенческих замашек...
 Всё в тебе...
 Твоё всё... — наше...
 Потому поём и пляшем...

Потому... —
нам в радость дни...
в коих столько красоты...
.....
Сказочного настроения!!!!
Солнечного ощущения...
Радостных событий!!!
И безусловно всем —
открытий!!!
С днём вторым — зимы
и снега... —
Всем — Любви
И всем — Успехов!!!!
С Добрым утром снежковым —
друзья!!!

02.12.2016

Улыбчивое: цветы...

А у меня цветы — поют и плачут,
протягивая к солнцу лепестки...
Надеются — на светлую удачу...
Иначе, как им радостью цвести?

10.11.2016

Ранены... или... убиты...

Боль потери —
ни с чем несравнимая боль.
Поле в ранах —
залито кровью...
И в физической,
и в духовной смерти,
поверь,
все мы — все мы — пропитаны... —
солью... —
солью слёз...

Ты — здесь...

Ты пришла с кольцом.
Ты вошла в мой миг...
Песней и творцом.
Мудростью — индиго...
Соломонов путь одолев
и выпив,
из бокала снов
истину в веригах...

Что смиреньем дышат —
помыслы взрывая,
менестреля дух... —
мятежом в день мая...
.....
.....
— Родная. Я слышу.
То поступь столетий...
Где мы старики и малые дети.
Где сердце — ладонью...
Где сердце — глазами.
Тебя я узнал...
Ты здесь... Между нами...

2014-2016

Предновогоднее-2016

Тихими нотами робких снежинок
кружится зимняя сказка...
Занавес, нежно-ажурных картинок.
Ласка... Небесная ласка...
И в опереньи загадочны ёлки:
белыми птицами — лапы..
Будто во сне...
Будто мне снится...
Музыка... И ароматы...
Цитрусомания:..
шлейф апельсиновый...
Блеск разноцветных гирлянд.
Что у тебя там...
Да... Там в кармане?..
Шарики?..
Ах, как летят...
Мы отпустили в воздушные дали
все неурядицы дней.
Помнишь?..
С тобой мы однажды мечтали
выпустить ввысь журавлей...
Наша синица в руках приютилась —
в тёплых ладонях живёт...
И новогодняя сказка свершилась.
Боже! Какой в ней полёт...

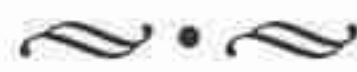
.....
Тихими нотами робких снежинок
кружится зимняя песня...
грудой летят лепестки валентинок...
Дай, Боже, знак благовестия...

07.11.2016

ИРИНА УРАЛЬСКАЯ

Казахстан, г. Уральск

Рождество

Не остывающей печалью,
Засыплет заспанные скверы,
Закрашивает кисть эмалью,
Белейший праздник нашей веры.

Свеченье мягких очертаний,
Углов отточенные грани.
Так хочется опять свиданья,
На вечно, снежном поле брани.

Цветов в морозном целлофане,
Распах улыбки мне навстречу,
Кота, что в сапогах, в кафтане,
Катается по мерзлой речке.

Народное в лесу гулянье.
Весёлых ангелочков в избах.
Ликующее салютованье.
Похмелье щей казачьих, кислых.

Закрашивает кисть эмалью,
Никольской церкви скромный остов,
Снег пахнет ладаном и валит
На город, человеческий остров...

Молитвы светлой покаянье,
Взметнётся под кресты и своды...
А рождество — это страданье
Людской христовой непогоды....

Вечно гореть в аду.
Вечно лежать во льду.
Там на островах.
Там на остриях.

В этом удел слепых.
В этом удел глухих.

Вечно гореть во льду.
Вечно лежать в аду.

Сказкой баюкать сны.
Мы как один, вруны.
В этом удел глухих.
В этом удел слепых.

За окаёмом слов
Маленький часослов,
Кликни на клавишу «жить»
В снежной мякоти Ты!...

Там на островах.
Там на остриях,
На высоте ветров
Маленький часослов.

Молчаливый снег

Снег, зверски хлоден и липуч.
Ветх путь мой до дому и извилист,
Я вспоминать тебя боюсь.
Я полагаюсь на божью милость.

Градом слова. Пугает ложь.
Вечная правда скрыта.
Ты мне дороже, и только дрожь...
Выдаст, что чувства не убиты....

Снег, белым полотнищем дорог,
Лёг на перепутье, у светофора,
Бог, как он печален и как строг,
Хлеб, его — грешникам просфора.

Дай мне любви, дай мне тепла.
На сотню лет мерзлоты постылой.
Дай мне прижаться и кулак,
Пусть разгорается от пыла...

Снег, он у ворот уже целый век,
Копит свои колдовские силы.
Белый шаман, вечный ацтек,
Снег величавый, как могила...

Колотит мороз и признак — знак,
Перст указующий налево,
Корявое дерево черный рак,
Нянчит клешню, и, молчит неверно...

Снег... снег, снег... снег он молчит
о нас неверных...

Нагнетание истины

Больны древесные стволы,
и так больны, что одревенело
молчат об этом на ветру.

Дворы, как голые столы,
уныло кинув в землю тело,
лежат квадратом по ковру.

Да и не тело, у двора... не тело,
Не то, не то сказать хотела.
А то, что мы больны с тобой.

Я от тебя, ты от меня болеешь,
По звездам, по туманам бредишь,
А вместе мы страдаем ерундой.

А вокруг уже ложатся тени,
И сторож бродит у ворот,
То он ружьишко хватать, то веник..

Он страшного немой предвестник,
Улыбчив, как чеширский кот,
И мудр, как еретик Коперник.

6.02.2017

Наталья Менендес
(Россия, г. Кинешма)

НАСЛЕДСТВО КАИНА

РОМАН

Часть 2. ОТЕЦ

Утро вечера мудренее...

Родительский дом был построен основательно и надёжно на высоком фундаменте, но кроме чердака всё помещение дома было затоплено. Помещение чердака было очень просторным и высоким. Родители в начале девяностых, ремонтируя крышу, полностью её реконструировали, подняв на уровень второго этажа. Хотели сделать здесь дополнительные комнаты для дочери и внука. После гибели зятя на скудные пенсии они не смогли закончить это строительство, а потом оно отпало само собой за ненадобностью. Недостроенный второй этаж по привычке называли чердаком, стащив туда ненужные вещи.

За чердачным окном, с гулом и грохотом, в мутном бурлящем потоке проносились брёвна, доски, куски каких-то обломков; странные свистящие и шелестящие звуки издавали целлофановые обрывки. Весь этот летящий с огромной скоростью мусор поднимался всё выше и выше. Казалось, вот-вот он ворвётся в широкое чердачное окно. Край крыши начал загибаться и отрываться.

На самом чердаке тоже появилась вода. Голос её был не таким громким, как на улице, она только шипела, и подкрадывалась, поднимаясь всё выше по никелированным ножкам кровати, как змея.

В комнате было темно, лишь изредка вспыхивала неширокая и не очень яркая полоса света, оглядывающая уровень, на который поднялась вода.

Двое мужчин сидели на кровати, поджав под себя ноги.

— Давайте знакомиться, — предложил мужчина помоложе.

От уверенного голоса пожилой словно очнулся, вынырнул из забытья и первый протянул руку.

— Дмитрий Павлович.

— Забавно! А я Павел, ну а если по батюшке, то Дмитриевич. Почти что тёзка, только в обратную сторону.

— И, правда, интересно. Как вы нашли нас? Вы знакомый Марины?

— Вот тут я очень сомневаюсь. Мы встречались как-то раз, и я её хорошо запомнил, а вот она меня видимо нет. Так что, скорей, она моя знакомая.

Сейчас было не самое подходящее время уточнять подробности, и отец Марины спросил о том, что в эту минуту его волновало больше.

— Как думаете, вода ещё намного прибудет?

— Надеюсь, что к утру начнёт спадать.

— Что ж, подождём до утра. Там будет видно. Да, и «утро вечера мудренее».

— Нет, скоро приплывёт Серёга. Упорный парень, я его с детства знаю, весь в отца, с которым мы вместе служили.

— Я почему-то так и подумал, что вы военный, из тех, кому пришлось и повоевать.

— Пришлось, отец.

Павел почему-то назвал Дмитрия Павловича не по имени, но от этого ему стало как-то теплей и спокойнее.

— Только бы бревно не проломило крышу, за стены я не переживаю, они крепкие, — забеспокоился снова Дмитрий Павлович.

— Тут уж, отец, только на Бога полагаться. Брёвна, как торпеды, ни одна стена не выдержит.

— Бог-то мне вряд ли помощник, всю жизнь без него прожил.

— Как, отец, без него проживёшь? Я вот в Чечне и молиться научился.

— Вам-то разрешили молиться. Мы ведь привыкли всё только по разрешению. Хотя, правда, отец говаривал, что и в Отечественную, перед боем многие Господа вспоминали. И даже сам Сталин разрешил крестный ход вокруг Москвы.

— Вот, вот. «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится».

Они замолчали. Время тянулось медленно. Периодически Павел зажигал фонарик и снова осматривал уровень. Кажется, прошёл не один час. Сергей не приплывал. За окном стали ясней различаться макушки деревьев и крыши домов. Светало. Всё отчётливей слышались крики: «Есть кто?». Павел высунулся из окна и помахал рукой. Подплыли на лодке два человека, но Сергея среди них не было.

— Перелезаем, наверное, он не нашёл, — сказал Павел, помогая перебраться Дмитрию Павловичу.

Вскоре они были почти на том же месте, где высаживал Марину с матерью из лодки Сергей. Всех, кто попадался на пути, Павел спрашивал про Сергея и его лодку, но его друга никто не встречал.

— Пойдёмте к нам, хоть обсушитесь, — позвал Дмитрий Павлович. Тот отрицательно покачал головой.

— Приду позднее, я знаю, где живёт Марина. Пойду, поищу Сергея, да может ещё кого вытащу из воды. Что-то тревожно.

Дмитрий Павлович поплёлся к дому дочери. Утро высвечивало незатопленные благополучные улицы со спящими жителями. «Ведь страшное несчастье у нас, а они спят!» — возмущённо подумал он.

Квартира дочери оказалась не запертой. Войдя, он увидел жену, свернувшуюся клубочком на диване и дремлющую в кресле дочь.

Услышав посторонние звуки замяукала кошка. Марина открыла глаза:

- Папа, это ты.
- Спи, спи, доченька.
- А где тот парень?
- Павел?
- Его зовут Павел?
- Его зовут Павел Дмитриевич. Ладно, спи, потом всё расскажу.
- Папа надень мой банный халат, он тёплый.
- Не вставай, сам всё найду.

Прихватив с собой свечку, Дмитрий Павлович зашёл в ванную комнату. Умылся, наощупь взял полотенце. Под руку попало что-то острое. Он поднёс ближе к огню свечи. На его ладони лежал маленький потёртый значок с надписью «Орлёнок».

Дмитрий Павлович вздрогнул. Острая боль кольнула где-то за грудной и ушла под лопатку. Он прикрыл грудь ладонью, присел на краешек ванны, держась рукой за раковину. Боль потихоньку уходила. Стало светло, но совсем другой день стоял перед его глазами.

Отпуск на пороге

Утренняя прохлада панически отступала под горячим обжигающим солнцем. Дмитрий торопливо двигался по направлению к центру города. Вызов на работу, в выходные дни перед предстоящим отпуском, совершенно не входил в его планы, которые были связаны с расслабленным пляжным отдыхом, прогулками по вечерним морским набережным и другими удовольствиями ежегодного ухода от дел насущных. Отпуск был уже на пороге. С вечера упакованная сумка, стоявшая у самых дверей, невольно притормозила его спешный уход, задавая ему укоризненный вопрос: «Ну куда же ты?» «И действительно, куда?» — думал он. Но задавай, не задавай себе вопросы, а если понадобится, значит нужно настраивать себя на пионерский лозунг — «Будь готов»! И для него вполне естественным был пламенный отклик его детства — «Всегда готов!». Но всё-таки, не без досады он подумал: «Вот и отдохнул на море: расслабился, позагорал, поплавал». И тут же выскочила из глубины сознания другая, совершенно неожиданная мысль: «С другой стороны, если пошлют куда-то на несколько дней, это даже хорошо, можно будет хорошенько подумать, стоит ли делать этот шаг, который навсегда отнимет у меня свободную холостяцкую жизнь».

Время на раздумье само шло в руки. А подумать было над чем. Их затянувшаяся дружба с Ириной, в конце концов, должна была чем-то завершиться. Нет, он был вполне согласен на дружбу, и совсем не готов к другим отношениям, а вот Ирина как раз наоборот. Что-то изнутри шептало ему, что та грань, которую они перешли после злосчастной вечеринки, ночь,

которая не оставила в его памяти ни трепета, ни приятного воспоминания, а вызывала только досаду, обязательно испортят ему всю жизнь. «Ну, Ирка, затащила всё-таки меня в постель!» — шептал ему, оправдывающий себя, негодующий внутренний голос, но другой, совестливый, укорял: — «Сам-то хорош, нечего сказать!». Так и жил он последнее время в этой разноголосице, раздвоенности, то злился, то опускал глаза от стыда. А стыдиться было чего: не женишься, значит сволочь по отношению к Ирине, а женишься, большинство друзей подумают, что по расчёту, ведь они прекрасно знали, что любовью к Ирине он не пылал. Ну а не близкие ему люди, просто горожане, будут в этом абсолютно уверены. Ирина была, конечно, завидной невестой, родители очень влиятельные люди в их городе. Отец — первый секретарь райкома, мать — преподаватель. Знакомые парни, которые хотели сделать карьеру, мечтали о её благосклонности, но Ирина, как любой избалованный ребёнок, всегда добивалась своего, ей нужна была именно та игрушка, которая ей не принадлежала. Милой дочурке никогда ни в чём не отказывали, и сопротивление Димы встречало только ещё большую настойчивость.

Сделав вывод о целесообразности своего отъезда, а в том, что его куда-то посылают, он был уверен, молодой человек зашагал решительней к месту своей работы.

Ещё в школьные годы Дмитрий твёрдо знал, чего он хочет и был уверен в достижении своих жизненных целей. Он не очень умел пойти на компромисс и быть гибким, но горячо верил в коммунистическую идею осчастливить всё человечество. Его отец, будучи в Гражданскую молодым пареньком, тоже с верой в светлые идеалы перешёл, не раздумывая, на сторону красных, хоть и рассорился при этом со своим родным отцом — казаком, носящим на широкой груди три георгиевских креста, которые заслужил своей кровью, воюя за царя и Отечество. Великую Отечественную войну отец, начавший её сержантом одной из армий Юго-Западного фронта, закончил воевать в чине капитана в октябре 1943 года, получив тяжелейшее ранение в Запорожской операции и оставшись на долгие послевоенные годы инвалидом на одной ноге. Анкета, благодаря отцу — героическому красногвардейцу и инвалиду ВОВ, у внука георгиевского кавалера вполне подходила для идеологической работы с молодёжью, да и сам он с детства любил пионерские лагеря с их кострами, походами, затеями. Как лучшего ученика, его наградили путёвкой в Артек через два года после войны, в только что восстановленный и отстроенный лагерь. Здесь он окончательно влюбился во всё, что было связано с пионерским движением. После окончания института, где также с увлечением отдался комсомольской работе, был направлен вожатым на несколько очередей подряд в свой любимый пионерский лагерь. Парень очень гордился своим артековским прошлым, и здесь в своем родном небольшом городке Краснодарского края с удовольствием возглавил в райкоме комсомола отдел, связанный с пионерской работой.

Сейчас, торопясь на работу и отложив свой отъезд в отпуск на определённое время, он размышлял: «Наверное, что-то не сложилось в подшефном пионерском лагере, хоть, вроде, всё было и предусмотрено». Переступая порог кабинета первого секретаря, он подумал: «Всё предусмотреть на все случаи жизни, видимо, нельзя».

— Как хорошо, Дима, что ты не успел уехать! — протягивая руку, проговорил тот.

— Чего ж хорошего? Сейчас бы лежал на тёплом песочке, — усмехнулся подчинённый, вопреки строгим правилам субординации, надлежащим относиться с вышестоящему с трепетным почтением.

Но, во-первых, Дмитрий с Костей, который недавно стал первым секретарём райкома комсомола, были давними друзьями, а во-вторых, и сама атмосфера отношений в их организации отличалась от многих подобных простотой и открытостью, без идолопоклонничества. А значит, в рот глядеть первому секретарю было не нужно. Жили весело, с огоньком, да и присутствием у них явных сволочей, доносчиков и другой мрази, Бог миловал.

— А вот и не угадал! Тёплым-то песочком тебя твой друг не обидит! «Куба — любовь моя, остров зари багровой...», — пафосно продекламировал Константин.

— Неужто мне приготовлена столь почётная миссия — лететь за океан!

— Нет, дорогой друг, Куба сама тебе идёт в руки. Мы тебя, как бывшего артековца, направляем в «Орлёнок». Ты ведь в этом лагере не был?

— Нет, но уже слышан о нём, да и ребята знакомые ездили туда поработать по комсомольской путёвке. Так что это для меня очень интересное предложение.

— Вот и ладненько. А вернёшься, и свадьбу отгуляем. Наверное, к осени?

— Ну, Костя, и ты туда же! Да ничего я ещё не решил!

— А чего решать-то? Дело ясное.

Последними словами друга Дмитрий был особенно раздосадован. «Чего лезут, чего за него все решают», — снова разозлился он. На душе свербило, ведь нужно было как-то объясниться с Ириной, которая уже строила планы о совместном отдыхе. Пока об отдыхе. Но он прекрасно понимал, что за этим стоит.

Предстоящая поездка его очень обрадовала, этим он убивал сразу двух зайцев: оттягивал нежелательный совместный отдых и исполнял свою мечту, воочию посмотреть на новый пионерский лагерь, строительство которого стало для России необходимостью.

В пятьдесят четвёртом году Никита Сергеевич Хрущёв неожиданно для всей большой страны, а тем более для крымчан, решает передать полуостров Крым Украине, под внешнее согласие своего партийного аппарата и под внутреннее несогласие советского народа, и в первую очередь жителей Крыма. Вместе с Крымом Украине отошёл и Артек — пионерский

лагерь, известный далеко за пределами страны и имевший огромное значение как воспитательный центр своей молодёжи, да и тех ребят, кто приезжал сюда из других стран. Орлёнок должен был, если не заметить Артек, то, по крайней мере, встать с ним вровень.

Дмитрий, ускоряя шаг, зашагал к Ирине. Ужасно не хотелось с ней объясняться, но избежать этой возможности не было. Она тоже сидела на чемоданах. Разговор с Ириной прошёл на удивление просто. Она легко согласилась на его будущий сентябрьский отпуск, сославшись на свою нелюбовь валяться в жару на пляже. Южный сентябрь был ей гораздо милее. Прощаясь, Дмитрий вздохнул с облегчением, тем более, что Ирина не стала ворковать ему на ухо, как после той злополучной ночи, о свадебном путешествии и других глупостях. Всё складывалось для него в этот июньский день как нельзя лучше.

Самое синее в мире...

Добраться до села Ново-Михайловское Туапсинского района, вблизи которого располагался новый пионерский лагерь, не составило труда. Июньское солнце только показалось, и прохлада южной ночи пока не отступила в морскую глубину, чтобы терпеливо ждать наступления вечера.

Дмитрий с наслаждением вдыхал знакомые с детства запахи Чёрного моря. Он остановился на берегу и, прикрыв ладонью глаза, стал пристально всматриваться вдаль, туда где море и небо становились единым и неразделимым целым. Как будто в далёком артековском прошлом, он ждал какого-то неведомого чуда из любимой книги о пиратах и храбрых капитанах. И он невольно улыбнулся своим мыслям, подумав: «Не чуди, парень, тебе не тринадцать, а двадцать семь». Он ещё постоял бы здесь у самой кромки воды, если бы не голос, снова напомнивший ему далёкое прошлое.

— Товарищ, вы ищете не пионерский лагерь?

Обращение звучало с характерным знакомым ему акцентом, где вместо звука «щ» произносился «с». Дмитрий резко обернулся на голос и почти натолкнулся на его обладателя. Перед ним стояла молодая девушка. Копна пушистых волос с каштановым отливом, большие тёмные глаза, открытая улыбка. Смуглость загорелой кожи ещё больше подчёркивала белая кофточка. На груди у девушки был пионерский галстук. Парень не слышал, как она подошла, и не сразу оправившись от неожиданности, ответил:

— Да, я иду в пионерский лагерь. Дорогу мне показали.

Внешность девушки показалось ему неувовимо знакомой.

— А я думала, что вы заблудились.

И девушка весело засмеялась. А потом, протянув руку, представилась:

— Кончита.

— Дмитрий, — ответил он, и внезапно в голове всплыл образ его подружки из лагерного, пионерского детства.

— Кончи — это ты?

Девушка удивлённо разглядывала парня.

— Ай, Дима. Вот так встреча! — она задорно рассмеялась. — Ты не первый артековец, которого я здесь встретила. Помнишь Мишу из Москвы, Валечку из Куйбышева.

— Конечно.

— Они тоже здесь. Теперь, как и я, вожатые, — проговорила она с гордостью.

Ох уж эта Кончита! Задорная девчонка — его ровесница, с которой он познакомился в сорок седьмом, когда первый раз отдыхал в Артеке. Она была из тех испанских детей, которых в тридцать седьмом привезли в Союз от гражданской войны. Мало что помнила о своей родине, ведь была совсем малышкой, когда вместе с сестрой её отправлял в далёкую страну Россию их отец. Она знала, что её мать погибла, а судьба отца была ей неизвестна. Старшая сестра, заменившая ей мать, была в Артеке ещё до войны, и много ей рассказывала про этот город счастливого детства. И вот после эвакуации, ей тоже посчастливилось приехать сюда. В детском доме её выбрали из-за слабого здоровья и потому что она была всегда заводилой и активисткой. Отличник Дима может и не попал бы в знаменитый лагерь, он не был единственным хорошим и активным учеником в их школе, но заслуги его отца сыграли решающую роль. Память о войне ещё пылала незаживающей раной. Но сам Дмитрий был уверен, что попал туда исключительно за свои собственные успехи, поэтому очень гордился своей путёвкой как заслуженной наградой. Наверное, именно тот приезд в Артек навсегда повлиял на выбор его профессии. Если бы ему опять пришлось его делать, он, не раздумывая, пошёл бы работать с ребятами. Снова придумывал бы увлекательные конкурсы и викторины, сидел вечером у костра и пел «Взвейтесь кострами, синие ночи, мы пионеры — дети рабочих...». Ему всегда было приятно вспоминать о своём пионерском детстве, и сегодня, идя рядом с такой повзрослевшей и очень красивой подружкой из того времени, он с теплом говорил и о тех днях, проведённых вместе, и об общих друзьях, о совместных шалостях и приключениях. И он видел, что Кончита тоже помнила всё до мельчайших подробностей. А значит, это ей также дорого, как и ему.

— Дима, а ты в курсе, что к нам кубинские ребята приехали?

— В них-то всё и дело. Мой второй язык на инязые был испанский.

— Испанский?

— Да знаешь, в пионерском лагере была одна девчонка, которая так меня заинтересовала этим языком. Помнишь, как её звали? Вроде, Кончита.

— Ха-ха, Дима, а может, ты ошибаешься? И это была не Кончита.

— Нет, я хорошо помню. И как её дразнили «Чита».

— Точно! И один мальчишка, кажется, его звали Дима, всё время дрался и защищал эту самую Кончиту, или Читу.

— Да он и сейчас готов подраться из-за этой девочки. Только где она?

Дима внимательно поглядел в глаза своей старой подружке. Что-то током пробежало у него внутри. Он почувствовал, что это, пока неведомое

им обоим, коснулось и сердца девушки. Хорошо, что они подошли к административному корпусу. Оба были рады, что вдруг наступившая неловкость сменилась хлопотами о его устройстве, в которых Кончита ему помогла.

И понеслись дни головокружительные, наполненные любимым делом, дружеским общением и непреодолимым желанием быть рядом с этой молодой испанкой, с которой был, вроде, знаком давно, с раннего детства, но каждый день открывал ему эту, уже взрослую девушку, по-новому. Он не хотел расставаться с ней ни на минуту, а расставание уже стояло на пороге.

Свадьба

Командировка закончилась так же стремительно, как и началась. Уезжать домой Дмитрию не хотелось, а необходимого повода остаться вместе с Кончитой не находил. Он чувствовал, что притяжение их друг другу взаимно, и, несмотря на то, что девушка вела себя с ним, как со старым хорошим другом, оно не ограничивается просто дружбой. Чувства их были более глубокие и интимные, но пока ещё скрываемые от себя и от других.

В «Орлёнке» они познакомились с близкими им по общим интересам, да и по жизненной позиции, ребятами. Все они приехали сюда по комсомольским путёвкам и по зову сердца, что, в общем, совершенно не противоречило в то далёкое время друг другу. Среди этих молодых людей, одержимых пионерским движением, особенно выделялись Сергей и Марина, которые стали их лучшими друзьями. После окончания работы в пионерском лагере они должны были пожениться. Это событие и оказалось тем, что помогло продлить дни, которые они смогли бы провести вместе с Кончитой. Новые друзья пригласили их на свадьбу. С чистой совестью он дозвонился до Кости и получил: «Добро..!». Да собственно, до командировки отпуск уже был у него в кармане. Ирина, конечно, вслух не выражала недовольствия о его задержке, но за короткой фразой: «Нам нужно поговорить», он его почувствовал. Да и сам он понимал, что расставить «все точки над и...» просто необходимо.

— Обязательно поговорим, когда приеду, действительно нужно, — сказал он, стараясь не выдать раздражения.

Феодосия встретила друзей ярким солнцем и прохладным ветром, который унёс прогретые тёплые воды моря. До свадьбы была целая неделя, и, побегав по прохладной воде, они пригорюнились.

Сергей их утешил:

— Это всего на несколько дней. Такое у нас бывает. В море вы купались достаточно, а Феодосии есть чем вас удивить. Музей Айвазовского посмотрите, да и в Крепость стоит заглянуть. Гуляйте, пока мы готовимся к свадьбе.

— Гулять, так гулять, — констатировал Дмитрий, встав рано утром и заглянув в комнату к Кончите. Он протянул ей руку, и мягкая ладонь девушки слегка вздрогнула под его пальцами. Волна неведомой раньше нежности захлестнула Дмитрия. Он подумал, что ничего нет в мире дороже этой доверчивой ладони, которую он держал в своих руках.

— Кончи, пойдём погуляем? Времени уйма.

— А куда мы пойдём?

— Экскурсовод я никудышный, но программа действий у меня в кармане. Маршрут Серёжка набросал. Начнём с крепости, она рядом, а потом — картинная галерея, если успеем. Согласна?

Конечно, девушка была согласна. Она из всех сил старалась не выдавать своих истинных чувств, придерживаясь с Димой спокойных и ровных отношений, потому что до конца не понимала и его отношения к ней, оно всегда скрывалось за шутиливой непринуждённостью.

Сейчас у них была уйма времени. Они неторопливо прогуливались по незнакомым улицам, глаза по сторонам. Живя на южной окраине города, в непосредственной близости от одной из главных достопримечательностей — Генуэзской крепости, они решили сначала сходить туда.

Величие и загадочность средневековой крепости удивили. Кончита, не скрывая удовольствия, расхаживала по стене, изображая то древнего рыцаря, то даму его сердца, то соблазнительную куртизанку. Дима, притворно сердясь, заставлял её слезть, чтобы не волновать его.

— Здесь очень интересно, Дима. Наверное, эта крепость играла важную роль, раз была построена генуэзскими купцами так далеко от родины.

— Конечно, Кончи, само расположение полуострова имеет огромное значение для страны. Не зря за Крым пролито столько русской крови. И последняя война тоже этому подтверждение. А вот Европе эта крепость принесла однажды настоящую трагедию.

— Правда, а почему?

— Этот средневековый город, который назывался Кафа, был очень богатым и процветающим. В нём проживало, по-моему, семьдесят тысяч человек разных национальностей. Жили здесь и русские люди. В порту Кафы всегда стояли загруженные товаром корабли. Но как ты понимаешь, к войне всегда толкает алчность и зависть. Вот хан Джанибек и решил напасть на Кафу. Было это в середине четырнадцатого века. Осада крепости ничего не дала. Тогда воины хана стали забрасывать в город трупы людей, умерших от чумы. Началась эпидемия. Спасаясь от смертельной опасности, купцы на кораблях поплыли в Европу и принесли туда страшную болезнь. Представляешь, какое огромное количество людей умерло в эту эпидемию. Восемьдесят миллионов европейцев! А это, наверное, в два, а может и в три раза больше, чем потери Европы в последней войне. Помнишь у Пушкина «Пир во время чумы», не города, а пепелища. Причём, не кто-то сжигал, а сжигали эти города они сами.

— Это, Дима, страшно.

— Конечно, страшно. Пойдём отсюда. Тут, возможно, бродят ещё привидения.

После полудня солнце припекало всё жарче. Друзья зашли в небольшое кафе и съели по мороженому, запив его прохладной газировкой. Только к вечеру добрались они до картинной галереи.

— Может, сегодня уже не пойдём? — спросил девушку Дима.

— Ну, давай заскочим хоть на часок, — ответила, не поворачиваясь к нему Кончита, задрав голову и разглядывая ажурный балкон здания галереи.

— Как красиво! Наверное, и в Испании так же.

— Ты помнишь?

— Нет, я не помню.

Слева от памятника Айвазовскому, под балконом, у узкой колонны, сидел подвыпивший моряк, в изрядно потёртой тельняшке, и хриплым прокуренным голосом не пел, а проговаривал: «Легендарный Севастополь — неприступный для врагов, Севастополь, Севастополь — гордость русских моряков...».

Кончита потянула Диму за руку в его сторону.

— Товарищ, идите домой, что вы так кричите? Милиционер отправит вас в вытрезвитель.

— Меня, в вытрезвитель, героя-моряка, я этот город с десантом в сорок втором освобождал, здесь мой друг Федька в сорок четвертом погиб. Здесь...!

— Товарищ, — снова спокойно, но настойчиво проговорила Кончита, — пойдёте, мы вас домой проводим. Да, Дима?

— Конечно, проводим, — вздохнул тот.

Моряк поглядел на девушку и как-то сразу помягчел.

— Да, я что, дочка, я ничего. Обидно!

— А что вам товарищ обидно? — удивилась Кончита.

— Хм, дочка, а то не понимаешь, «...гордость русских моряков...». Мы кровь здесь проливали, а хватать, и не наш Крым-то. А песню-то какую недавно сделали «...гордость русских моряков...» Ты, дочка, слышала?

— Слышала, товарищ, конечно, слышала. Песня замечательная. Пойдёмте, пойдёмте, товарищ, — недоумённо пожав плечами и поглядев на Диму, снова сказала девушка.

— Вы далеко живёте?

— Да тут, дочка, рядом. Чего уж. Моряк врагу не сдаётся, а тебе сдаюсь. Вот бы и у меня такая доченька была, ан, нет.

Моряк и действительно жил недалеко. Всплеснув руками, у калитки их встретила дородная женщина.

— Опять! Ох ты, окаянный!

Она повела моряка к дому. Тот пошёл, не сопротивляясь. Лишь у дверей обернулся и проговорил:

— Вот так, дочка, геройский моряк сдаётся врагу.

Затолкав подвыпившего мужа в дом, женщина вышла к провожатым.

— Спасибо вам, ребята, что привели. Просто не знаю, что с ним делать. Дочка у нас в войну умерла, а больше Бог не даёт детей. И всё бы ничего, жили после войны ладно. Племянник у него есть — сирота, мы взяли, за родного поднимали. Сейчас в Симферополе учится. Да вот после передачи Крыма как белены объелся. Видишь ли, его героя-моряка никто не спросил. Эх!

Женщина раздосадовано махнула рукой.

— А вы, ребята, отдыхать приехали? Приходите в гости. Трезвый-то он хороший.

Немного обескураженные, они двинулись снова к центру города, понимая, что в картинную галерею уже опоздали.

— Ну что же, Кончи, пойдём посмотреть на настоящее, а не рисованное море.

На набережной присели на скамейку.

— Дима, скажи, а почему моряк говорит, что Крым не наш?

— Ой, Кончита, да слушай ты больше эти пьяные бредни. В одной стране живём, которая называется СССР.

— Но ведь здесь теперь Украина?

— Ну а что такое Украина? Что Украина, что Россия, что украинец, что русский. У нас разве разберёшь? Муж украинец — жена русская, жена украинка — муж русский.

— Но всё-таки, Дима, зачем? Я тоже не совсем понимаю.

— Просто так удобней, по географическому расположению.

— Дима, но я не вижу здесь украинцев. Все разговаривают на русском. И мне кажется, что не только этот моряк не хотел, но и все другие, только они молчат. Помнишь, в тридцать шестом году баски создали свою республику Эускади в составе Испании, правда, в тридцать седьмом она перестала существовать, и сейчас Франко хотел бы, чтобы басков вообще не было. Но это не важно, коммунизм всё равно победит во всём мире и баски снова создадут свою республику. Вот и представь, что к этой республике присоединят Астурию. Она ведь рядом. Я думаю, что астуры были бы недовольны. Это точно!

— Кончи, не морочь мне голову. Если бы, да кабы. Ты просто фантазёрка. Пойдём сейчас посмотреть на закат, а революцию в Испании отложим. Ладно?

— Я согласна отложить, только ненадолго, Дима.

Вдали — там, где море упирается в край неба, облака уже подрумянили кудрявые бока.

Облокотившись о парапет, они долго любовались закатом. Словно случайно парень прикрыл своей ладонью руку девушки, ощутил, как она вздрогнула, но не отодвинулась. Он придвинулся плотнее, аромат волос пьянил, непреодолимым было желание прикоснуться к этой, облегающей летним сарафанчиком, плотной девичьей груди. Внутри его что-то стучало в бешеном темпе, он плохо соображал. Не то испуганные, не то удивлён-

ные глаза Кончиты были совсем рядом. Их губы соединились. Одна и та же мысль: «Неужели это может быть так?», — пронеслась в их головах, и тут же куда-то уплыла. И больше ничто и никто другой не существовал.

Все оставшиеся дни промелькнули, как одно мгновение. Пышная южная свадьба закружила их словно вихрь. Кончита с наслаждением слушала протяжные русские, задорные казацкие, нежные украинские песни, которые постоянно, вперемешку, звучали за столом. Она с удовольствием отплясывала под разудалые переливы баяна. Очень удивлялась изобилию разносолов и вина на праздничном столе. Девушке впервые довелось гулять на такой свадьбе. Конечно, у неё были подружки, которые выходили замуж, но скромные комсомольские вечеринки на фоне этого празднества выглядели очень бледно.

— Слушай, Дима, неужели всё это можно съесть и выпить, — шептала она ему.

— У нас с тобой будет ещё лучше, — улыбался он ей в ответ.

Кончита смущённо опускала голову вниз.

— Ну, Дима, мы же ещё ничего не решили.

— А чего решать, тут и решать не нужно. Съезжу домой, договорюсь по поводу работы и приеду к тебе в Москву. Думаю, что у меня такая возможность будет. В крайнем случае, ты приедешь ко мне. Подождёшь один месяц?

— Конечно, подожду.

— Пошли молодых провожать.

— Куда?

— Ну как куда?

От этого вопроса на вопрос, девушке стало не по себе: «Вот дура!», — выругала она себя мысленно. Они встали из-за стола. У калитки толкалась куча народа: галдели, давали напутствия. Мать невесты украдкой перекрестила уходивших на ночлег молодых.

Диме и Кончите захотелось побыть немного наедине, и как только молодые ушли, они тоже вышли за калитку. Ночь была тёплой, а, может, идя рядом, они просто не ощущали ночной прохлады. Они шли наугад, не разбирая дороги, но интуитивно чувствуя, что обязательно придут к морю. Петляющая улица вывела их на южную окраину города. Они снова оказались у мрачно возвышающихся развалин крепости. Ночью подниматься к стенам совершенно не хотелось, и они спустились к самой кромке воды. Кончита и Дима сбросили обувь и босиком пошли по воде. Наконец-то прогретое море тёплым пенистым языком лизало им ноги. Парень притянул к себе девушку и снова ощутил этот трепет сладкой неизвестности, такой неповторимый в юности, когда чувства так обострены и ещё не затёрты обыденностью. Его губы искали скрытое и неприкосновенное. Она хотела сказать: «Нет», но ничего не смогла произнести. Она будто растворялась в его нежных и одновременно уверенных руках.

Всё смешалось: песок, солёная вода, волосы, пахнувшие земляникой, руки, плотно притянувшие хрупкое девичье тело, невесомая тяжесть плеч, нависших над этим телом, и переплетённые ноги. Они не смогли больше сопротивляться этому и стали единым целым.

Совсем ненадолго

Молодожёнам было не до влюблённой пары, у них были свои сладкие денёчки, в которых они принадлежали друг другу, а за всем этим трудно было замечать других. Через два дня Дмитрий и Кончита заторопились по домам. Девушка снова в Москву, а её любимый в Крымск. И у того, и другого закончились сроки командировок. Кончита уезжала первая. Перед тем как помахать с перрона рукой, Дмитрий шепнул на ухо заходящей в вагон девушке:

— Совсем недолго, любимая, и мы будем вместе.

Поезд вздрогнул. Дмитрий шёл сначала медленно, потом всё ускоряя шаги. Кончита смотрела, прильнув к окну, и ей казалось, что перрон уплывает, а Дмитрия, бегущего по нему, какая-то странная сила тащит назад. И вдруг, в одно мгновение, его силуэт исчез. А она всё смотрела в окно, за которым мелькали сначала дома, потом какие-то полустанки и холмы, обожжённые солнцем. И только проводница, которая принесла бельё, оторвала её от этого бессмысленного созерцания.

На другой день, к вечеру, Дмитрий был около своего дома. Он не входил, а влетал на родной порог. Мать возилась на кухне. Пахло сдобным горячим тестом. Он подошёл и обнял её сзади.

— Мам, чего сказать хочу.

— Так, говори.

— Я, кажется, влюбился.

— Это я уже поняла, вон Ирина зачастила как, да ласковая такая.

Настроение сразу испортилось.

— Мам, ну при чём тут Ирина. Дело совсем не в ней.

— Как не в ней? А в ком же?

— Ой, мам, я такую девушку встретил! Готовься к свадьбе.

— К свадьбе это хорошо. А Ирке-то что скажешь?

— Да так и скажу, — не скрывая раздражения, почти выкрикнул он.

— Тогда не тяни, она ведь, по-моему, сама к свадьбе готовится.

— Тогда и не буду тянуть. Пошёл я, — откинув дорожную сумку, развернулся к двери Дмитрий.

— Так хоть пирожка поешь, шальной, — крикнула ему вдогонку мать, но он был уже у калитки.

Выскочив из дома, он сначала пошёл очень быстро. Хотелось поскорей отрезать и выкинуть эту досадную помеху на пути к его счастью. У дома Ирины он притормозил. Задумался, как выйти помягче из этой ситуации. Обижать Ирину не хотелось, столько лет были хорошие друзья. В голове мелькали мысли и о влиятельном отце девушки, который мог его стереть

при желании в порошок, но эти мысли он откидывал. Трусом себя считать не хотелось. Постояв несколько минут в нерешительности перед дверью, сказал себе: «Ну, была не была!» — и нажал кнопку звонка. Дверь распахнулась почти мгновенно, как будто там за ней уже поджидали. Дмитрий не успел перешагнуть через порог, как Ирина буквально повисла у него на шее. В дверях показался улыбающийся отец:

— Ну,ходи,ходи,путешественник.

— Здравствуйте, — поприветствовал одновременно всех переминающийся с ноги на ногу и разом поникший парень.

— Пойдём, — увлекла его за собой Ирина.

Она взяла его за руку и потащила в свою комнату. Усадила на диван, и с таинственным видом произнесла:

— Слушай,чего скажу.

— Давай я первый, — стараясь не растерять решительность, выдавил из себя Дмитрий.

— Ну,давай ты, — в голосе девушки были неожиданно мягкие и кокетливые нотки.

— Ирка,я женюсь.

— О...! Конечно, женишься, это я и без тебя знаю.

Его, словно ошпарили. «Откуда она знает»!

— Откуда ты знаешь?

— Ха,ха,ха. Отец ребёнка должен жениться на матери своего ребёнка, не правда ли?

Он ошарашенно посмотрел на неё, почти догадываясь, но всё ещё не желая верить спросил:

— А мать кто?

Она тоже начала понимать, что он не очень разделяет её радостное настроение по поводу ребёнка.

— Да я, конечно. А ты про кого подумал?

— Ни про кого я не думал.

— Нет, я вижу, что думал. Видимо жениться ты думал не на мне? А на ком?

— Не важно. Это уже не важно.

— Конечно, не важно, и я так думаю. Ребёнок, наш ребёнок, — она специально подчеркнула это, — гораздо важней.

Последнюю фразу она произнесла сухим, надтреснутым голосом.

— И ты выйдешь из моей комнаты очень счастливый, и попросишь мою руку у моих родителей.

— А то что?

— А то, то...

— Но ведь ты не забудешь то, что произошло, Ирка, я ведь тебя знаю. Лучше отпусти меня, а о ребёнке я заботиться буду.

— Я забуду всё, что ты сейчас сказал. И мы будем с нашим ребёнком очень счастливы.

— А если нет?

— А если нет, не может быть.

Они сидели молча на диване. Рядом, но совсем далеко друг от друга. Каждый со своими мыслями.

«Сиди, не сиди, а выходить нужно». Подумал он.

— Выходить к отцу всё равно придётся, — тихо сказала она.

— Придётся.

— Если хочешь, я скажу сама.

— Хочу.

Они вошли в другую комнату, где за письменным столом сидел отец Ирины.

— Пап...

Отец ждал, он видимо был в курсе.

— Подожди, дочка, я позову мать с кухни. Мать, иди быстрее, дети зовут.

Дмитрий вздрогнул. Отец Ирины назвал их детьми. «Ничего изменить нельзя», — в тупой безысходности думал он.

Через две недели они отпраздновали свадьбу, которая по настоянию Дмитрия была достаточно скромной, на удивление всего города. А потом они уехали на весь сентябрь в пансионат на море.

Накануне свадьбы он написал письмо Кончите, в котором, как сумел, объяснял сложившуюся ситуацию, ответа на это письмо он не получил. «Наверное, это даже лучше, что она не ответила», — размышлял он, но молчание девушки его всё-таки задело.

Отношения с женой не заладились с самого начала, но оба старались не показывать это при родителях Иры, а вот при матери Дмитрия Ирина не стеснялась и поносила его, упрекая во всех смертных грехах. Дмитрию было очень жаль мать, которая терпела все выходки снохи ради любимого сына, и ради будущего внука или внучки, которая должна была вот-вот появиться на свет.

Приближались новогодние праздники, всегда наполненные огромным количеством «Ёлок», «Праздничных балов» и других важных и хлопотных для Дмитрия дел. Самое ответственное дело — это конечно общегородской Новогодний бал. Дмитрий был рад, что в это суетное время дома приходилось бывать мало, тем более, что к концу беременности Ирина стала просто невыносимой, а давать ей отпор в таком состоянии он не хотел. Накануне Нового года решили устроить и небольшой праздник для себя в городском Комитете. Поскольку и тут пришлось многое взять на себя, не пойти совсем он не мог, но пообещал Ирине, что придёт буквально через пару часов. Избалованная дочка своих высокопоставленных родителей и слушать ничего не хотела. Закатила истерику и заявила, что пойдёт вместе с ним. Он отступился, сказав:

— Собирайся.

На вечеринке она сначала сидела и, нахмурившись, наблюдала за тем, как её муж, стараясь быть весёлым, изображает счастливого будущего отца.

Потом, подражая его весёлости, предложила выпить бокал шампанского, провозгласив:

— За новое счастье новой советской семьи в Новом году! — и с размаху залпом выпила полный бокал.

Дмитрий не выдержал.

— Ирка, ты сдурела! Думай о ребёнке.

— Только о нём и думаю, дорогой муж, — сказала она, наливая себе ещё. Он постарался вырвать у неё бокал. На них поглядывали. Было неудобно.

— Прекрати, — сказал он ей. — Разговаривать будем дома.

Ирина резко встала, стараясь перейти через стул. Подол широкого платья был прижат ножкой, и Ирина упала со всего маха на живот. Те, кто был рядом и видели эту сцену, ахнули. Дмитрий подхватил Ирину. Она была бледной и тихо стонала. Он крикнул:

— Вызывайте скорую.

Скорая приехала очень быстро. Медиков поставили в известность, с кем произошло несчастье. Примчался и отец Ирины. Срок родов был близок, но травма была очень серьёзной. Медики не были уверены, смогут ли спасти мать и ребёнка. Отец принял решение отправить Ирину санитарной авиацией в Краснодар. Дмитрий улетел с женой. Ребёнка спасти не удалось и в областном центре. К тому же врачи сказали, что детей теперь у Ирины, по всей вероятности, не будет. Дима не отходил от жены, видимо перенося на себя всю вину за случившееся. У Ирины началась депрессия. Она никого не хотела видеть и ни с кем разговаривать. Два месяца Дмитрий не отходил от жены. Ему страшно было видеть Ирину в таком безучастном состоянии. Он чувствовал бы себя гораздо лучше, если бы она злилась и изливала на него свой яд. Его нежность и участие производили обратный эффект — депрессия углублялась. Дмитрий с нетерпением ждал весны, надеясь, что обилие солнца и бурное южное цветение хоть немного изменят настроение Ирины.

Весна порадовала Дмитрия ранним для середины марта цветением абрикосов. Он шёл в привычном направлении в сторону больницы, теребя в руках ветку, густо облепленную бело-розовыми цветами. Перед входом в здание хотел откинуть цветущий прутик в сторону, но раздумал, и вошёл в помещение, держа его перед собой в руке. Входя в палату, тут же натолкнулся на взгляд Ирины. «Ждала», — отметил он про себя. Что-то живое мимолётно промелькнуло в этом взгляде и снова потухло.

— Ирка, кончай дурить! Смотри, весна пришла — жизнь продолжается. Отец предлагает нам взять ребёнка-отказника. Будем воспитывать, как своего. А если тебе и действительно ничего не нужно: ни ребёнок, ни я — отпусти меня, не держи!

— Захотел быть счастливым без меня? Этого удовольствия я тебе не доставлю. А про ребёнка подумаю.

В этот же день в Феодосии в палате родильного дома лежала Кончита. Ночью она родила дочку. Она не хотела сообщать об этом Дми-

трию, но когда ей под грудь положили маленький тёплый комочек, что-то перевернулось в её душе. И она попросила своих друзей, у которых жила все последние месяцы беременности, открыть Дмитрию тайну его отцовства.

Марина и Сергей послали Дмитрию телеграмму: «Приезжай в Феодосию, Кончита родила девочку». И теперь она ждала. Она смотрела в окно, за которым цветущие абрикосы розовыми облаками, спустившимися с неба, начинали упоительную южную весну.

Снаружи, словно издалека, до неё доносились голоса: «Светочка, а на кого она похожа? Ритуля, тебе что принести? Валюх, ну ты даёшь, четыре двести! Ты мне богатыря родила, умница!». Среди этой разногласицы она ждала родной незабываемый голос, который произнесёт и её имя. Она ждала, вслушиваясь и пристально разглядывая черты маленького личика, туго запеленутого в сероватые больничные пелёнки. Пухлые губки смешно топырились, крепко держась за материнскую грудь. Было приятно и больно одновременно. Кончита не понимала, что именно болит, грудь или там внутри в области сердца. Откуда-то из глубины вылезало тяжёлое предчувствие чего-то плохого, но она всё ещё ждала.

Телеграмму от Марины и Сергея получил отец Ирины. Он приехал в больницу, чтобы поговорить с зятем. Ирина слышала, как в соседней комнате отец с мужем долго и на повышенных тонах о чём-то говорит. «Отец винит во всём Дмитрия», — подумала она. С трудом встала и подошла к двери соседней палаты.

— Я тоже мужик, и могу свернуть налево при случае, но всегда без последствий! Но чтобы детей делать на стороне! А ты? Так может из-за этого всё и случилось?

Ирина с трудом приоткрыла дверь.

— Папа, а в Крымске знают, что у меня ребёнок умер?

— Дочка, ты зачем встала.

— Ответь, папа.

— Пока, нет. Ты ведь знаешь наше предложение насчёт ребёнка. Ждали твоего согласия.

— Привези мне ребёнка Димы. Этот ребёнок должен быть моим.

— Вы с ума сошли! — не выдержал Дмитрий.

— Молчать! — заорал его тесть, хватаясь за левый бок.

Дмитрий, не выдержав и вспыхнув, крикнув: «Вы оба сумасшедшие: и дочка и папочка», — почти бегом вышел из больницы.

Через пять дней отец Ирины приехал в больницу с девочкой на руках. «Это ваша с Ириной дочь, — сказал он Дмитрию. — Ты понял? Ваша с Ириной. Её называли Мариной, я пообещал, что имя менять не будем».

Кончита назвала так ребёнка в честь своей подруги, которая поддержала её в трудную минуту, пригласив к себе. А как отец Ирины уговорил мать отдать своего ребёнка, для Дмитрия осталось тайной. На его письма, отправленные в Москву, приходил ответ: «Адресат выбыл». Он очень

хотел встретиться с Кончитой, и через месяц всё-таки нашёл предлог уехать из дома на несколько дней.

Он поехал в Феодосию. Узнать про судьбу его любимой он мог только у друзей, поэтому пошёл сразу к ним. К нему вышла Марина, но в дом не пригласила. Подошла к калитке, а когда он начал говорить, развернулась и молча дала ему пощечину. А потом так же молча ушла. Он постоял, поджидая, что выйдет Сергей, но тот так и не появился.

Дмитрий побрёл к морю, ноги сами привели его к развалинам старой крепости, туда, где он был так счастлив со своей любимой, с которой он расставался совсем ненадолго, а оказалось, что навсегда. С моря дул прохладный апрельский ветер. Ему показалось, что волны, отливающие ртутным блеском, злобно оскалили белые зубы, растекающиеся у его ног шипящей пеной. «Как будто тоже хотят съесть меня, — ухмыльнулся он. — Ну что ж, сожрите. Я буду только рад». Он стоял долго, не снимая туфель, с сырыми ногами. Вода поднималась к коленям, но он не обращал внимания, не замечал времени, не замечал холода. Наверное, он всё-таки очень замёрз, дрожь пробежала по его телу и внезапно, как вспышка молнии, перед ним возникло маленькое личико плачущего ребёнка, закутанного в байковое одеяльце. И он вспомнил, что когда отец Ирины передавал ей девочку, она даже не взглянула на неё. Он восторженно воскликнул: «У меня наша дочь, — подумал он, — я должен позаботиться о ней. Я должен сделать её счастливой».

Эти мысли вдруг придали ему силы. Он понимал, что не имеет права раскисать, ведь есть маленький человечек, которому он нужен.

Доченька

Мрачные мысли не покидали Дмитрия, но он, стараясь их откинуть, бросился к вокзалу, чтобы уехать побыстрее домой. В квартире он застал свою мать, которая нянчилась с его малышкой.

— Мама, а где Ирина?

— Лучше не спрашивай, дома почти не бывает, всё к родителям уходит. Или ещё куда, кто знает?

— Вот, стерва. Как собака на сене, ни себе, ни людям.

— Это ты о чём сынок?

— О дочке, конечно. Отняла ребёнка у матери и довольна. А ведь Мариночка ей не нужна.

— Так ведь если бы не отняла, ты бы, наверное, от неё ушёл, Димочка?

— Конечно ушёл, мама. Ты ведь прекрасно это понимаешь.

— Так ведь и она это понимает, вот и будет тебя таким образом держать около себя.

— Мам, да по большому счёту, и я ей не нужен уже. Весь год только ругаемся, а ведь были хорошие друзья. Что она за меня уцепилась, у неё бы женихов море было.

— Так ведь таким баловням, как она, всегда нужно то, чего у неё нет. А теперь как же тебя отпустить, что люди скажут? Что ты её бросил?

— Так пусть сама меня бросит, я не возражаю.

Мать подошла к сыну, который сидел возле кровати и смотрел на свою большеглазую и темноволосую дочку, смешно топырившую губки. Маленькими пухлыми ручками с пережабинками она хваталась за игрушку, висевшую над кроватью, и улыбалась

— Мам, правда, красивая у меня дочка?

— Красивая, горе ты моё.

— Она на Кончиту похожа.

— Это-то и плохо, сынок.

— А мне хорошо.

— Тебе, а дочке-то каково будет? Ты уж не давай обижать мачехе.

— Мама, о чём ты говоришь, конечно, не дам. Да я всё равно от Ирки уйду.

— Да, куда ты уйдёшь. Партия твоя тебя никуда не отпустит из семьи. Смирись, уж. Конечно, будь жив твой отец, он бы может другое посоветовал. А я по-матерински, жалеючи тебя, ведь Иркин-то отец не даст тебе житья. Да чувствую, что и заботиться о Мариночке ни Ирина, ни её родители особенно не будут. Разве что другим пыль в глаза пускать. А я вот, всё Бога молю, чтобы дал мне пожить, помочь тебе поднять девочку на ноги. Может, и не отступится от меня, как после смерти твоего отца. Ты ведь подросток тогда был.

— Да помню и понимаю я всё, мама. На тебя только и надеюсь. Ты уж давай держи хвост пистолетом. Сама-то не раскисай. А главное, вовремя лечись. Знаю я, как тебя в больницу затащить.

Дмитрий обнял мать, прижал к своей груди. Только сейчас он обратил внимание, что мать постарела, за своей суетой и её всегдашними хлопотами он этого не замечал раньше. Ему показалось, что его статная и дородная, не потерявшая привлекательности и в зрелом возрасте мать, кубанская казачка, как-то сжалась и даже стала меньше ростом. И какая-то трепетная жалость охватила его.

Слова матери оказались пророческими, почти все заботы о маленьком ребёнке Дмитрию пришлось взять на себя, хоть с работы уходи и сиди вместо няньки. Хорошо, что мать не бросила его в беде, много помогала, несмотря на болезни, которые обрушились на неё после смерти мужа.

Ирина ни в какую не хотела оставаться одна с маленьким ребёнком, брезгливо отвёртывалась от грязного детского белья. Отказывалась подмывать и купать девочку. Пока Дмитрий не придёт с работы, у них в доме всегда была его мать.

Однажды произошёл дикий случай, который немного изменил их жизнь. Придя с работы, он застал Ирину, сидящую около подъезда на лавочке.

— Дома мама? — спросил он.

— Нет её. Не пришла сегодня. Позвонила, сказала, что у неё температура, не хочет ребёнка заражать.

— А с кем же Мариночка?

— Одна.

— Ты что, сдурела!? — Дмитрий кинулся в дом.

Малышка была в забытии, уже устав от надрывного крика. Дмитрий взял девочку на руки, прижал к себе маленькое тельце. Почувствовал, что она вся сырая, быстрее перепеленал. Рядом стояла безучастная Ирина.

— Ты изверг. Разве тебе можно доверять детей! — стараясь не напугать малышку, еле сдерживаясь, чтобы не перейти на крик, жёстко сказал он.

— А у меня их и нет.

— А это кто? Кукла? Зачем ты тогда её брала? Если ещё раз такое случится, то я, Ирка, подниму скандал. Я уйду от тебя и Мариночку заберу.

После этого случая в Ирине как будто что-то переломилось. Она стала, хоть изредка, но брать девочку на руки. И даже улыбнулась, когда увидела её первые неумелые шаги. Сама стала ходить с ней на приём к врачу, считать первые прорезавшиеся зубки, и очень ждала, когда Мариночка скажет «мама». Но первое слово у неё было «тата», видимо, это обозначало «папа». К счастью, у Дмитрия были тёмные волосы, а у отца Ирины тёмные глаза, и все, кто видел маленькую девочку, хором говорили, что похожа она на папу и деда. Ирина согласно кивала головой.

Как бы то ни было, а дочка потихоньку подрастала.

Дмитрия не покидало желание объясниться с Кончитой. Но, наверное, он врал сам себе, просто хотел облегчить ту невыносимую тяжесть, которая висела камнем у него в душе. Это объяснение, считал он, хоть частично, но снимет с его души этот грех, после того, как он объяснит Кончите, что не имел возможности противостоять своему влиятельному свёкру.

Он снова написал письмо на прежний адрес девушки и отправил его через Краснодар, указав обратный адрес до востребования на Главпочтамте краевого центра. Через пару месяцев, приехав туда в командировку, первым делом отправился на почту, и обнаружил своё письмо со знакомой надписью «Адресат выбыл».

Он понимал, что обращаться к их общим друзьям бесполезно, они и теперь не скажут ему ничего, считая его предателем и трусом. Он и сам себя считал таковым, так что на них не обижался. Когда Мариночке исполнился годик, он послал им её фотографию. И стал так делать ежегодно. На последней фотографии, посланной Марине с Сергеем, его дочка была сфотографирована в школьной форме, с белым фартуком, с огромными бантами, в виде белых роз на голове, а перед ней на парте лежал букварь.

Мариночка пошла в первый класс.

Погоня

Семейная жизнь Дмитрия и Ирины так и не наладилась. Оба супруга с головой ушли в работу.

Дмитрий двигался довольно быстро по карьерной лестнице, и раньше других был переведён с комсомольской работы на партийную. Вне всякого

сомнения, что влиятельный свёкор приложил к этому руку, но нельзя отрицать, что и сам Дмитрий как один из тех, кто служил делу партии по совести, был заметным человеком в их небольшом городе. Он, не кривя душой и свято веря в большинство идей, которые провозглашались коммунистами, служил своему делу всегда с полной отдачей.

Ирина увлечённо работала в филиале НИИ, успешно защитила кандидатскую диссертацию и очень часто отсутствовала, уезжая на бесконечные совещания, конференции, симпозиумы, чему всегда очень радовались и муж и дочь.

Дмитрий старался не ссориться при дочери с женой, но это, как правило, не удавалось, поэтому Марину очень часто отправляли с ночлегом к бабушке. Ирина не возражала, в предвкушении очередного скандала. Она будто получала удовольствие, мучая Дмитрия и мучаясь сама рядом с ним. Объяснить своё отношение к растущей дочери ей тоже было трудно. Вроде, привыкла к ней и по-своему любила: хотела дать ей хорошее образование, не жалела денег на наряды. А иногда, взглянув на экзотическую красоту девочки, просто ненавидела её, ведь как ни искала, ничего своего в её лице, фигуре, жестах она найти не могла. Всё, что она видела в ней, было чужим, хоть другие этого и не замечали. «Что ж, — иногда думала она, — вот подрастёт, будет, как и я, химиком, хоть в этом будет моё продолжение. Не на партийную же работу ей идти, как дед и отец? Нет, туда не пущу. Отец хоть не такой идейный, а муж совсем меня достал со своим “светлым будущим”, не хватало ещё идейной дочери».

Чтобы выполнить свою мечту, она отправила Марину учиться не в ближнюю школу, а в более престижную, которая находилась в центре города. Её нисколько не волновало, что девочке приходится ездить так далеко с битком набитым портфелем. Все её подружки учились в соседней школе, а там она так и не нашла себе близких друзей, поэтому, как и в дошкольном возрасте, приглашала к себе на День рождения девочек из двора и с бабушкиной улицы. Почему она не сблизилась с ребятами из своей школы, для матери было загадкой, там учились многие дети их партийной элиты, а Марина была как будто из другого теста.

Марина старалась не огорчать мать, но тянулась больше к отцу, который при матери никогда не показывал своей любви к дочери. Марину удивляло, что когда они оставались с отцом вдвоём, его будто подменяли. Даже называл он её по-разному, при матери по имени, а без неё всегда ласковыми эпитетами: «рыбка моя», «солнышко», «дочурка». Чем взрослей она становилась, тем всё больше её это удивляло. Единственное время в году, когда мать становилась немного другой, и они меньше ссорились, это летние отпуска, которые они любили проводить в Крыму.

Чаще всего они ездили туда на машине. За детство Марина побывала почти во всех местах южного берега. В семидесятом году, после второго класса, мать решила поехать в Феодосию. Отец не очень хотел, ища

какие-то поводы к изменению маршрута, но мать, как правило, в таких случаях становилась ещё упрямей. Возражать было бесполезно.

Отдых в Феодосии оставил в душе Марины противоречивые воспоминания и заронил в неё смутную тревогу. Поездку эту Марина вспоминала часто, но держала это в секрете, как будто боясь расстроить своих родителей. Вечером, лёжа в постели, она снова представляла приключения, которые произошли в этом городе. И как они поехали на Золотой пляж по морю, и как ходили в гости с отцом к его другу, и как кто-то гнался за ними, когда они уезжали.

Первое приключение было весёлым и забавным и только чуть-чуть тревожным. По дороге на пляж они встретили стаю дельфинов, очень долго плывущих за их кораблём. Все: и взрослые, и дети очень радовались, и Марина тоже. Она громко кричала и размахивала руками. А когда увидели пляж, он оказался длинный-длинный, и Марина даже потерялась на нём. Они пошли пообедать, а на обратном пути, когда остановились у своего зонтика, Марина не заметила свернувших родителей, хоть и шла рядом, и пошла дальше. Она шла, шла, а пляж всё не кончался. Родители оглянулись, а её нет. Побежали в разные стороны, постоянно спрашивая: «Не видели ли девочку в голубом с белыми горошками купальнике и белой панаме?». Догнал её отец. Он выбрал правильное направление, догадался, что она пошла дальше. Вернув её под зонтик и попросив соседей присмотреть, бросился догонять Ирину. Марина думала, что родители опять будут ругаться, но они вернулись тихие, и у матери были красные от слёз глаза. Марине стало её очень жаль. Она села рядом и обняла свою мать, которая очень долго гладила её по голове. И девочка подумала: «Как хорошо, когда ты теряешься, тебя сразу начинают очень любить», а сказала другие слова:

— Мама, не плачь, я же нашлась!

Второе приключение было, когда они поехали с папой в гости к другу. Мама тоже с ними поехала и сказала: «Посижу в машине». Друг с женой вышли к папе, но в дом его не пустили. А когда они сели в машину, из дома вышла ещё женщина. Мать не осталась сидеть в машине и вышла за отцом. Они заперли Марину в машине и наказали не выходить. Но отец ей шепнул, чтобы она посмотрела на женщину. «Это испанка, — сказал он, настоящая испанка, которая приехала к нам маленькой девочкой. Запомни эту женщину». Незнакомка Марине понравилась: темноглазая, с густыми вьющимися волосами с каштановым оттенком, с очень стройной, будто точёной, фигурой. Она что-то долго говорила отцу. Он стоял, опустив голову, и мать тоже говорила, размахивая руками. Потом женщина пошла к машине, а мать хотела загородить ей дорогу, но отец отодвинул мать и дал знакомке подойти. Эта испанка стала глядеть через стекло на Марину. И девочка подумала: «Я же не рыбка в аквариуме. Почему она на меня так смотрит?». Ей даже стало как-то не по себе. Когда мать садилась в машину, женщина протянула к Марине руку с каким-то ма-

леньким предметом и, просяще сказала: «Я только подарю». Но мать не разрешала брать. И тогда, наверное, первый раз в жизни Марина увидела, как отец не послушал жены и, взяв у женщины, сунул в руку своей дочери маленький железный прямоугольник с надписью «Орлёнок».

Но самым захватывающим для неё оказалось последнее приключение на другой день утром. Её разбудили очень рано. Она не выспалась и не хотела вставать, но мать была хмурая и сердитая, и Марина поняла, что сопротивляться бесполезно. Плеснув в лицо водой и даже не почистив зубы, видя, что матери и отцу не до контроля за утренней гигиеной дочери, она уселась на заднее сиденье машины. Завтракать не стала, и родители, странное дело, не настаивали, только велели прихватить со стола печенье. Проехав несколько кварталов, отец резко затормозил на перекрёстке, так как почти наперерез машине выбежала та самая незнакомка. Резко развернувшись, отец помчался в противоположную сторону. За ними почти по пятам ехала машина. Марина успела заметить, что в ней сидела всё та же женщина. Отец мчался на бешеной скорости и притормозил только у поста ГАИ. Мать вышла из машины и подошла к постовому. Они о чём-то разговаривали. Отец просил мать: «Не нужно вмешивать милицию». Потом подъехала догоняющая их машина. Отец подошёл к женщине, но она отвернулась от него, снова села в машину, и уехала в противоположном направлении. Марина спросила у родителей про женщину. Отец промолчал, а мать объяснила, что это бывшая сослуживица отца, из-за которой у него были проблемы. Марина подумала, что, может, ей лучше выбросить значок, но почему-то этого не сделала, а убрала его в свою заветную коробочку.

С годами всё, что случилось, стало стираться в памяти, но, даже повзрослев, Марина в глубине души считала, что там, в Феодосии случилось что-то важное, связанное не столько с родителями, сколько с ней самой. Но всё происшедшее по-прежнему было для неё тайной за семью печатями.

Не откладывай на завтра...

После поездки в Феодосию Дмитрий не находил себе места. Дома установилось тягостное молчание, которое Дмитрий и его маленькая дочь не любили больше, чем скандалы, поэтому в этот раз, когда Ирина поехала в командировку, а дочь отправили к бабушке, он вздохнул с облегчением. Судьба подкидывала ему время на раздумье. А подумать было над чем.

Он снова и снова прокручивал в голове свою встречу с Кончитой, и снова ругал себя за проявленное малодушие. За девять прошедших лет боль в его сердце стала понемногу успокаиваться, во всяком случае перестала быть такой острой, а тут он как будто снова разбередил старую рану. Несколько минут их встречи, в которые он почти не вымолвил ни слова, стали для него настоящим испытанием. Он еле сдерживался, чтобы не при-

тянуть к себе любимую, с которой, ему показалось, они расстались только вчера. Её глаза, затенённые длинными ресницами и казавшиеся почти чёрными, копна пушистых волос, обрамлявшая смуглое лицо, тонкие пальцы, скрещенные, словно в молитве, всё, всё — каждая клеточка была родной, его и для него. «Почему, Господи, почему, мы не вместе? Неужели лучше от того, что мы разделены? Если ты есть, Господи, то как ты мог допустить такое?», — взывал атеист к небесам, то умоляя, то проклиная. Ирина что-то доказывала, приводила какие-то аргументы, а Кончита ждала, что Дмитрий встанет на её сторону, и тогда она сможет вернуть свою дочь. Она ждала, а он молчал и только смотрел на неё. И она решила, что он опять струсил, как струсил в тот раз, когда отнимали у неё дочь.

Он молчал. Он знал, что не сможет забрать у своей упрямой жены девочку, как бы того ни хотела Кончита. Он и не пытался сопротивляться, он искал себе оправдания: «Она сама отказалась от дочери. Как — это другой вопрос, но отказалась. А значит, ничего сделать нельзя». И в это же время он ненавидел сам себя: «Я мог и сейчас всё изменить. Прервать этот порочный круг, круг нелюбви, злобы, в котором находится и моя дочь. Я мог уйти к Кончите и на этот раз. И, в конце концов, когда бы Марина узнала правду, она была бы с нами. А я снова ничего не смог ни объяснить, ни сказать Кончите, а теперь не знаю, как объяснить дочери».

Потом он спохватился: «А ведь она сказала, что уезжает в Испанию. Неужели мне не суждено даже проститься с ней? Нет, я успею, она сказала, что улетает через месяц». И Дмитрий рванул в Москву.

На этот раз ему повезло, он встретил общих знакомых, которые помогли найти Кончиту. Провидение было к нему благосклонно, до её отъезда оставался один день. Он успел. Девушка не ожидала этой встречи, и не смогла скрыть своего удивления. Первый её порыв был уйти, но и тут Дмитрию удалось удержать Кончиту.

— Если мы не поговорим с тобой сегодня, не поговорим уже никогда.

— А говорить уже не о чем.

— Мне кажется, есть, хотя бы о том, как могло случиться, что два любящих друг друга человека в этой жизни могли оказаться не вместе.

— По-моему, выбор сделал ты.

— Кончита, я не отрицаю своей вины. Но ведь я написал тебе, что так сложились обстоятельства, выбора у меня не было. Я был уверен, что это временно. А ты даже не ответила. Я не оправдываюсь, но в тот момент мне казалось, что я должен так поступить. Но как ты могла отдать нашу дочь?

— У тебя были обстоятельства, а у меня? Я ждала тебя, я очень тебя ждала. Ты мог приехать, хоть на несколько часов, поговорить со мной. А вместо тебя приехал этот страшный человек и сказал, что ты не приедешь, потому что у тебя любимая жена, которая очень больна. Если жена любимая, то второй любимой места уже нет.

— И ты поверила ему?

— Если бы ты приехал, не поверила бы. Но ты не приехал.

— Но дочь, наша дочь, как ты могла её отдать?

— Этот человек сказал, что меня выдворят из страны, а дочь в любом случае не отдадут, так как ты не дашь разрешение на выезд. Я имела глупость указать в свидетельстве о рождении, что ты отец.

— Что за ерунда! Как тебя могли выдворить, по какой причине?

— Из-за сестры.

— Но твоя сестра давно не живёт в нашей стране.

— В том-то и дело. Она уехала в пятьдесят шестом, ты знаешь. Я отказалась уезжать, и она тогда здорово на меня разозлилась. А мне всё здесь нравится, да и вообще я считаю СССР своей настоящей родиной. Что для меня была Испания? И кто меня там ждёт? Родителей давно нет, они погибли. Мне было всего два годика, когда меня привезли сюда. А сестра — другое дело, ей было двенадцать, она помнила о своих корнях.

— Ну, уехала и уехала. Сколько тогда уезжало.

— Когда сестра приехала в Испанию, её просили выступить с интервью на радио и в газетах. Она говорила не очень хорошие вещи про СССР. В то время на мне это не отразилось. Но твой тесть сказал, что этот факт будет использован против меня. Я испугалась. Ведь тогда я точно не смогла бы вернуть мою дочку.

— Конечно, он умелый шантажист, но вряд ли в реальности всё бы так произошло. А у нас с тобой мог быть шанс.

— Он был недавно, но ты его снова не стал использовать.

— Какой, Кончи? Она мать, а не ты. И теперь она точно её не отдаст, хоть иногда я думаю, что по большому счёту ни я, ни Марина ей уже не нужны. Просто она упрямо держится за меня через девочку, зная, что я у неё, как на верёвочке, и никуда не денусь. Я не могу оставить нашу дочь. Знаешь, как я её люблю! Она ведь так на тебя похожа.

— Дима, скажи ей про меня.

— Как ты это себе представляешь? Только не сейчас, а когда она станет побольше, и сможет решить сама. Не уезжай, дай девочке подрасти, может ещё всё исправим?

— Дима, ты опоздал. Я выхожу замуж в Испании. Там меня ждёт жених, мы познакомились, когда я ездила к сестре в гости. После нашей встречи в Феодосии, я, наконец, дала согласие. Дима, я не могу больше ждать тебя. Мне тридцать пять. Я хочу семью, я хочу ребёнка. Прости.

Всё. Теперь он точно понимал, что всё. Не то что быть вместе, а даже увидеться они не смогут никогда. Чужая далёкая страна под властью диктатуры националистов, которых в СССР полностью отождествляли с фашистами. И во главе этого дутого королевства объявивший себя регентом, пусть дряхлый, старый, давший возможность увезённым из Испании детям приезжать в гости и даже возвращаться на родину, но всё ещё диктатор, который ненавидит всё наше советское. Дмитрий не мог предположить тогда, что буквально через пять лет Франко умрёт, а вместе с ним и его режим.

Сейчас он понимал, что был последний раз рядом с любимой, он забыл о тех годах, когда они были не вместе. Казалось, что он прежний молодой парень, а она всё та же наивная и влюблённая девочка. Он обхватил её плечи, зарылся головой в ароматную пушистую копну её волос и крепко притянул к себе, но она отстранилась.

— Дима, не нужно. Я невеста другого человека. Я не могу так.

— О чём ты говоришь? О чём?

— Нет, Дима, нет. Нет, потому что потом я не смогу уехать, и быть здесь я тоже не смогу. И я прошу тебя, уезжай первый и не провожай меня. Мы расстаёмся с тобой сейчас. И, главное, береги нашу дочь и расскажи ей правду, когда она подрастёт. Может я смогу её прижать к себе, хоть тогда.

Она уходила первой. Шла вдоль длинной липовой аллеи. Немного поджаренные на августовском солнце кроны смыкались у неё над головой, а по бокам полосатой изгородью выстроились деревья, облачённые в чёрные траурные одежды, словно молчаливые часовые.

Она шла с поднятой головой, стремительной походкой, и он неожиданно с некоторой горечью вспомнил слова услышанного как-то романса: «Гордая поступь испанки...».

А он всё стоял и смотрел ей вслед. Может быть, если бы он побежал за ней, догнал, схватил и, несмотря на сопротивление, не отпустил её, может быть всё закончилось бы по-другому?

Он всё стоял и смотрел ей вслед...

И поползли, пошагали, покатались дни, месяцы, годы. Его любимая дочка — студентка, преобразившаяся из щебетуньи и непоседы в серьёзную и молчаливую взрослую девушку. И в глазах у неё затаилась какая-то печаль, тайну которой она ему не открывала. Она стала не такой откровенной с отцом, в свои студенческие годы отстранилась от него. Иногда Дмитрия терзали странные мысли: «А не знает ли она о тайне, которую он с Ириной так тщательно от неё скрывали? — он терялся в догадках. — Кто, мог ей сказать, разве что мать?».

В очередное отсутствие жены он пошёл к матери всё разузнать. Когда Ирина была дома, поговорить с матерью не было возможности, жена не отпускала его одного навещать старую и уже очень больную женщину, словно боялась, что они о чём-то договорятся. А когда уезжала, как правило, последнее время ненадолго, ему не один раз напоминала: «Мы ей всего купили, один не ходи, нужно будет, она позвонит». Постоянные скандалы выматывали Дмитрия, и он старался отмалчиваться. В этот раз не успел скрыться из глаз силуэт жены, видимый в узкую щель чуть раздвинутых тяжёлых штор, висевших на окне, как Дмитрий стоял у выхода из квартиры. От порога пришлось вернуться к телефону, в котором щебетал давно не бывший таким весёлым голос дочери:

— Пап, я на эти выходные приеду, и не одна. Ждите с мамой гостей.

— Жениха, что ли привезёшь, — решил пошутить Дмитрий.

— А как ты, папочка, угадал?

Ошарашенный отец даже притормозил с ответом.

— Ты что, не рад, папа?

Он спохватился:

— Конечно рад, дочка. Приезжайте.

Придя к матери, сначала сообщил ей новость.

— Mam, а Мариночка приедет с каким-то парнем. Видать там серьёзно.

— Ну и, слава Богу, сынок, дочка уже взрослая. Да и я спокойно уйду на тот свет к отцу, зная, что внучка определённая. А то я уж волноваться за неё начала.

— А что за неё волноваться. Вон какая красавица выросла у нас.

— «Не родись красивой, а родись счастливой». Не зря умные люди так говорят, сынок.

— Mam, а я вообще-то пришёл с тобой поговорить, — переминаясь, нерешительно промямлил Дмитрий.

— Да уж вижу. Ты и с матерью стал, как со своей мигерой. Совсем она тебя сломала. Как только ты на своей работе и командуешь с таким-то характером.

— Только там, мам, я и человек, который и думает сам, и делает всё, что думает.

— Ну, дай-то Бог. Так о чём ты говорить хотел?

— Не хочу, мам, тебя обидеть, но стало мне казаться, что Марина что-то знает. Ты ей ничего не говорила?

— Ты что, сынок! Помнишь, как после вашей Феодосии Марина ко мне пристала, всё спрашивала про твою испанку, почему, мол, из-за неё проблемы. А я возьми и скажи: «Не поделили с твоей мамой что-то». Ох, как Ирина взбеленилась. Два месяца ко мне Мариночку не пускала. И я тогда ей поклялась, что никогда не скажу. Богом клялась! Так что можешь не сомневаться.

— Но Марина очень изменилась, вот мне и чудится.

— Но ведь могут быть у неё свои женские проблемы, как ты думаешь? Вспомни себя молодого. Может, она и чувствует что-то, но не знает. Но если хочешь моё материнское мнение, сказать-то ей давно пора. Вы не скажете, я перед смертью скажу. Запомни, сынок, «всё тайное когда-то становится явным», главное, не было бы поздно.

— Да, наверное, ты мама права. Я поговорю с Ириной.

Дмитрий действительно перед приездом Марины попытался убедить жену, что пришло время открыть Марине их тайну, но и на этот раз жена смогла убедить его, что пока не время.

Время. Время — странный маг, который у каждого человека крутит своё колесо. В те же самые дни, когда у одной молоденькой девчонки или юноши оно тянется приторной тягучей патокой, у другого взрослого умудрённого жизнью мужчины или женщины преклонного возраста, время это мгновенно пролетает сверкающей яркой молнией, или того хуже, проглоченной пилюлей, оставляя лишь горечь и тошноту. Всему своё время. Не случайно

какой-то мудрец сказал: «Не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня». Завтра может быть поздно.

Но Дмитрий опять всё отложил до завтра.

Где нас нет...

Завтра на самом деле было очень туманным, хоть «Прожектор перестройки» и возвещал прекрасные перспективы, если мы будем следовать гласности и демократизации. Страну болтало, как в хороший шторм, то резко направо, то резко налево. Партийцы среднего городского масштаба растерянно мотали головой, часто не улавливая смысл за сказанным говорливым первым в истории СССР президентом, который в год семидесятилетия Октября клялся в верности его идеалам.

Не прошло и года, как бывший тракторист и вкупе с ним уважаемые маститые профессора запели странную песню о вреде государственной собственности, из-за которой «человек был поставлен в полную материальную зависимость от государства»..., и даже объявляли её монопольным экономическим монстром. Правда, многие признавали, что приватизация может вызвать и безработицу, понятие совершенно забытое в Советском Союзе. Лидер страны и те, кто его поддерживал, убаюкивали народ тем, что нам это не грозит, мол, всегда будут необозримые общественные работы. Плохим советским прошлым объявлялись и колхозы, которые должно заменить такое новое явление, как кооперативы. На уровне района и области секретари горкомов и обкомов привыкли рапортовать партийному руководству о «поддержке генеральной линии партии», а сейчас здесь, где люди находились в непосредственной близости от этих предприятий и этих колхозов, руководители не знали, что делать и как разъяснять народу позицию руководства, если само руководство тащило страну в разные стороны, порой совершенно несоотносимые. От всего этого у партийных руководителей, которые действительно верили в коммунизм как справедливую идеологию, голова шла кругом. К числу таких, прямо сказать, не очень многочисленных людей, выживших в мясорубке репрессий и войны, и их последователей, относился и Дмитрий. В местном горкоме кто-то гнул одну линию, кто-то явно противоположную, тем более, что и в верхнем эшелоне власти наметился явный разрыв на два противоположных лагеря, если не больше.

Дмитрий не то чтобы не хотел перемен, многое в системе, считал он, и действительно нужно менять, но он подспудно чувствовал какую-то угрозу от замудрёной, явно пахнущей чем-то чуждым, трескотни, заполнившей всё информационное пространство страны.

Он мысленно выступал оппонентом, слушая политические выступления или читая их в газетах и журналах. Иногда он делился своими соображениями с женой.

— Ирина, ты только погляди, что говорит наш дражайший Михаил Сергеевич, государство — это «монопольный экономический монстр». Он

что, не видит западные экономические корпорации, которые по всему миру расплозились? А они не монстры? Значит, на госпредприятии человека угнетают, а капиталист по головке гладит.

— Дима, не нагнетай, вы же сопротивляться не будете, что прикажут, то и сделаете.

— Ну, это мы ещё посмотрим. Рабочие тоже просто так себя не дадут съест, если поймут, что окажутся за воротами, да и профсоюзы есть, встанут на сторону народа.

— Не носи чушь собачью, профсоюзы должны быть независимыми, а вы всё под себя подмяли. Нет, милый, профсоюзы ничего не скажут, и тем более народ. К тому же всех сладко убаюкивают, что безработица нам не грозит. Люди в это верят, они привыкли к тому, что работы полно, сразу никто не поймёт.

— Нет, ты посмотри, что уважаемый журнал «Коммунист» публикует: «За десятилетия безудержной бесхозяйственности в стране образовались необозримые зоны “общественных работ”». Мы — бесхозяйственные, всего за семьдесят лет преобразили страну: настроили заводов и домов, полетели в космос, да ещё две войны выстояли. А что такое «общественные работы» они понимают? Это когда при массовой безработице отправляют работать за гроши. Значит госпредприятие с хорошей зарплатой, с домами, в которых дают рабочим квартиры, с профилакторием, где их лечат, с пионерскими лагерями, где отдыхают их дети — это всё плохо, а «общественные работы» — хорошо.

— Не переживай, Димочка, в нашем государстве и «общественных работ» не будет. Хапнут «реформаторы», что плохо лежит, и мотанут за границу. Дороги здесь никто строить не будет, мы — не Европа и не Америка.

— Да, кстати, Ира, еду в командировку за границу. Мы теперь у них опыт перенимаем.

— В Китай что ли поедешь? У них есть чему поучиться.

— Кабы нет, во Францию.

— Свобода, равенство, братство. У кого учиться будете?

— Договорённость с коммунистами и некоторыми крупными профсоюзами.

— Что ж, это неплохо.

— А чего хорошего?

— Мне «Шанель № 5» привезёшь. Вот что хорошо. У Марины сам спросишь, чего ей хочется.

— Хотел её взять с собой, но не получается. Слишком много желающих.

— На загнивающий капитализм всегда было много желающих посмотреть.

— Ирина, ты как всегда!

— Да и ты, милый.

Такая перепалка была для Дмитрия словно объявленное перемирие, на язвительность жены он с годами стал обращать внимания всё меньше.

Сборы были недолгими. Это было время под закат Советской власти, и Заграница к нам явно благоволила, а заласканная либеральная оппозиция считала, что не любят СССР исключительно за то, что мы выпадаем из их буржуазного мировоззрения, а поэтому изо всех сил тянули нас уже в другое «светлое будущее», которое будет связано с «европейскими ценностями».

Через несколько дней Дмитрий уже разгуливал по Парижу. Он понимал, что опыт, который нам передавали, мы взять не могли, поэтому опыт этот зависал, не долетев из заморских стран до нашей многострадальной земли. Мы были другими, и не важно советские или не советские. Европейская система управления чем бы то ни было нам совершенно не подходила. Наверное, абсолютно не подошёл бы и китайский опыт. Об этом предупреждали многие русские философы, и пророчески изрекали поэты.

Русская культура, естественно, впитала в себя как азиатское, так и европейское, не будучи ни тем, ни другим в полной мере. Она, а это была культура большинства населения СССР, была евро-азиатская. Либералы же провозгласили нас европейцами, забыв про все особенности нашей духовной составляющей: общинность, соборность. Европейский дух индивидуализма и законопослушания был чужд нам. Для нас: «на миру и смерть красна», а «закон, что дышло, куда повернёшь, туда и вышло». А поэтому, слушать мы привыкли лишь батюшку-царя, и живот положим за землю нашу, конечно, если царь тот сам впереди на белом коне поскачет. Эти особенности были свойственны нам, как до революции, так и в советское время. Возможно «реформаторам» и удалось бы создать из русского человека европейца. Но остался бы он при этом русским? Вот в чём вопрос.

Дмитрий отчётливо понимал это, хоть и не мог тогда, буквально за год до падения СССР, предвидеть все ужасные последствия содеянного, но чувствовал, что перемены, происходящие в стране, до добра не доведут.

Сейчас, в этом городе, который так магнетически действует на всех русских людей несколько веков подряд, он пристально вглядывался в окружающее, которое своей иллюминацией, сверканием витрин, расслабленностью многочисленных кафе, монументальностью архитектуры пьянили и вызывали эйфорию. «Ах, неужели я в Париже!», — щебетала около его уха Лерочка из отдела пропаганды. «Пропагандист хренов», — с некоторой долей раздражения подумал Дмитрий. Мужчины, перешёптываясь, собирались посетить Мулен-Руж и прилегающие секс-шопы. Дмитрий ханжой, конечно, не был, но сейчас ему очень хотелось оторваться от приятелей.

— Я хочу подняться к Сакре-Кер и сходить в музей.

— Ты чего, музеев и у нас полно, а вот секса, как ты знаешь в нашей стране нет, — хихикнул один хорошо знакомый ему секретарь, довольно преклонного возраста.

Это особенно покорило Дмитрия, он еле скрыл брезгливость на своём лице. Но видимо какая-то гримаса всё же отразилась.

— Дмитрий, ты чего, как чумной. Посмотри, как здесь хорошо, — упрекнул его сосед по комнате, добродушный мужчина, с которым они вообще-то хорошо ладили.

— Везде хорошо, где нас нет. Как жить здесь, мы не знаем, а вот посмотреть есть что. Так что я по своей программе.

— Ну, как знаешь.

Дмитрий пошёл вверх по нешироким улочкам Монмартра. День перед отлётом был свободен от всех встреч, а заказы дочери и жены он постарался выполнить заранее, чтобы в последний день не суетиться. Он брёл неторопливо, созерцая средневековый колорит, мысленно переносясь в эту эпоху, чувствуя себя здесь д'Артаньяном на его пегой лошади в первый парижский день, отличающимся от других и немножко инопланетянином. Сравнив себя с героем своих юношеских дней, убелённый сединами мужчина подумал: «Только теперь прити мне этого гасконца не хватает. Да и раньше не очень хватало». Он и действительно отличался от людей с интересом разглядывающих многочисленные магазинчики, то и дело заходящих и выходящих из них с сувенирами и памятными парижскими покупками.

Слоняясь нога за ногу, он постепенно поднялся на самую вершину холма, где и располагался этот храм, название которого в переводе звучит, как «Священное сердце», который с высоты своего величия парит над нами, обнимая и закрывая сердцем нашего Бога — Христа всех нас грешных. Он остановился у парапета, посмотрел вниз на город, который всегда был заветной мечтой многих русских. Вглядываясь в очертания зданий, улиц, проспектов, он старался угадать уже знакомое. Он не считал время, но уставшие ноги, сказали ему, что пора приземлиться. Посмотрев на людей, сидевших прямо на ступенях, ведущих к храму, Дмитрий последовал их примеру. Он достал из сумки пакетик с арахисовыми орешками и небольшую бутылку воды. Такая непритязательная пища всегда выручала его в разъездах, можно было долго ходить, изучая незнакомые места, не тратя время на приём пищи в кафе и ресторанах. Париж был виден и отсюда. К парапету то и дело подходили люди. Здесь были, как и он те, кто приехал посмотреть на Францию. Место это — небольшой кусочек нашей планеты, как будто бы сконцентрировало всё разнообразие земных рас и национальностей, представленных здесь людьми. Было интересно наблюдать за ними, вслушиваться в мелодию звуков, отражающую разные интонации, отличающихся друг от друга языков. «Как нас много, — подумал Дмитрий, — и какие мы разные. И всё-таки есть ведь нечто общее среди всех нас? А что это? Наверное, наши человеческие чувства и желания. Мы все хотим быть счастливыми в этой жизни, а значит любить и быть любимыми. А здесь, в Париже, так много влюблённых. Это место, словно магнитом, притягивает их».

Он обратил внимание на одну из таких пар. Они были поглощены сами собой и ни на кого не обращали внимания. Оба были темноволосые, но по виду европейцы. Парень выше среднего роста со спортивной мужественной фигурой. Девушка была так хрупка и невесома, что, каза-

лось, может легкокрылой бабочкой взлететь над парапетом. Дмитрию хотелось крикнуть её парню: «Эй, держи крепче, а то улетит!». Девушка и парень невольно напомнили то давнее и незабываемое. Он увидел, что женщина, стоящая невдалеке тоже смотрит на них. И вдруг его словно опалило: «Не может быть!». Он вгляделся внимательней: «Нет, я не ошибся, это — Кончита». Дмитрий вскочил со ступенек и побежал за женщиной, которая уже удалялась. Он торопился, боясь потерять её из виду, и дважды натыкался на встречных туристов, на ходу бросая извинения. Наконец он почти догнал её.

— Кончита!

Женщина, не оглянувшись.

— Кончита! — проговорил он громче и настойчивей.

Пол-оборота головы высветили знакомый профиль. Он взял её за руку, почти развернул. Она вздрогнула, остановилась, и, молча, посмотрела на него.

— Кончи, ты что, не узнаёшь?

— Нет, Дима, я узнала тебя. Узнала ещё полчаса назад, когда ты пилился на эту парочку, похожую на нас молодых, и не заметил меня.

— И ты не окликнула меня, и вот так просто ушла?!

— Нет, не просто. Я ушла с болью в сердце. Даже не ожидала, что опять будет так больно.

— Ты не хочешь меня видеть? Это я могу понять. Но разве ты не хочешь узнать про свою дочь? Этого я не понимаю.

— Теперь, она уже точно не моя. Мне это пыталась доказать твоя жена тогда, но я ещё верила, что могу её вернуть. А теперь нет, — сказала она холодно.

— Ты, Кончита, изменилась.

— Что, очень постарела?

— Нет, выглядишь молодо, и всё так же красива. Ты изменилась не снаружи, а изнутри.

— Время что угодно изменит. Разве ты остался таким же?

— Не знаю. Моя жена говорит, что я не меняюсь, а пора бы.

— Можно позавидовать зрелому мужчине, который остаётся юношей. А впрочем, мужчины до старости — мальчишки. Ты знаешь, а у меня сыну уже восемнадцать. Вот, к сожалению не смог поехать со мной, — неожиданно произнесла Кончита.

— Поздравляю. Взрослый парень.

— Вот я и говорю, что по годам вроде взрослый, а так Хуан мальчишка мальчишкой.

— О, его зовут Хуан! По нашему, Иван будет, Ванюшка то есть. А ты ведь к тому же и бабушка, Кончита. У тебя внуку скоро два годика.

— Внук тоже теперь только твой и твоей жены. А я подожду своих.

— Ну, зачем ты так, Кончи. Всё в этой жизни не просто. Вот свела же нас судьба. Для чего? Может, чтобы ты знала, что у тебя внук растёт?

— Может. Но мне от этого не легче, Дима. Мне уже пятьдесят пять, ты немного постарше. Лучшая половина жизни прожита. Не знаю как ты жил в эти годы, а я, при внешнем благополучии, совершенно бескрыло, что ли. Я ведь в юности, помнишь, какая была?

— Помню, Кончи, помню.

Он взял её за руку и слегка придвинулся. Она не отстранилась, как в последнюю их встречу.

— Кончи, это судьба, понимаешь, судьба. Не уходи, родная моя, только не уходи. Я ни на минуту не забывал о тебе. Слышишь, ни на минуту.

Она была совсем близко, его далёкая и незабываемая Кончита. Она была такая же, как и раньше: тот же аромат, который пьянил; те же пушистые волосы, в которые хотелось зарыться с головой, та же бархатная кожа с лёгким персиковым оттенком, которую так хотели ласкать его руки. Она была рядом. Он не мог её отпустить и сегодня.

— Я никуда тебя не отпущу, Кончи. Ну, хоть сегодня побудь со мной. Завтра я уезжаю. Пойдём куда-нибудь.

Она молчала. Расстояние между ними всё сокращалось. Они были совсем близко. Её горячее дыхание обжигает ему шею. Он обхватывает её плечи. Её руки опущены, но начинают медленно подниматься... И они сомкнули объятия. С первого прикосновения стало ясно, что Дмитрий и Кончита по-прежнему любят друг друга.

— Пойдём ко мне, — сказала она, — я ведь знаю, что к тебе нельзя. Ты, наверняка, приехал не один, а в командировку. Ты видишь, я ещё помню кое-что про страну Советов.

Он сдавил её в объятиях и страстно долго пил поцелуй с её губ.

Опускались сумерки, закрывая пока ещё тюлевой дымчатой занавесью грешный и прекрасный город. Где-то вдалеке вспыхивали поочерёдно яркие огни иллюминации, сразу преобразившие Париж из монументального и строгого в загадочный и легкий, как бабочка. Приближалась ночь. Это была их ночь и их Париж.

Крушение

Казалось, что Дмитрий начал привыкать к своей жизни, в которой были только дочь, внук и работа. Тупая безысходность и тоска первых месяцев после приезда из Франции потихоньку начали отступать, как снова боль и тревога поселились в его сердце. Теперь они были связаны не с покинувшей его любимой, и совершенно очевидно, что окончательно, а с тем положением, в котором в девяносто первом году оказалась вся страна.

Уже в начале девяностого года люди стали понимать, что наступил кризис перестройки. Набравший к этому времени популярность, Ельцин со скрипом, но согласился на выборы президента СССР. Но этот первый президент, появившийся в СССР, становится и последним. Казалось бы, у Горбачёва появилась новая должность, вполне официальная, признанная

всем миром, а не звание какого-то генсека, который в глазах мирового сообщества был, вообще-то, ничем, так как и права подписать серьёзный международный документ он не имел. Но слабый лидер не становится другим при другой должности, хоть слабость его как раз и была симпатична Западу. Горбачёв никак не мог занять свою собственную твёрдую позицию, если не представить вдруг, что этой позицией как раз и был развал СССР.

Руководство выпускало бразды правления из своих рук, что в такой огромной стране, как СССР, было чревато. А поэтому стоящие у руля не сумели остановить ни падения производства, ни страшный товарный дефицит. В конце зимы — начале весны девяносто первого года страну захлестнуло демонстрациями, как на картине Айвазовского «Девятый вал». Народ был озлоблен павловской денежной реформой, вытряхнувшей и без того тощий кошелёк обывателя, и пустыми прилавками, но, несмотря на это, в марте месяце почти восемьдесят процентов населения страны проголосовали за сохранение Советского Союза. И парадоксом этому, в стране идёт «парад суверенитетов». Дорвавшиеся до власти местные князья и одурманенный народ, не без помощи как Запада, так и демократов местного разлива, рвали страну на клочья. Все они преподносили отдельную жизнь и будущую демократию, как шоколадную конфетку или мягкую булочку, которыми будут впоследствии питаться граждане этого суверенного государства. Датой независимости России, правда, непонятно от чего, был объявлен день выборов Ельцина президентом, который произошёл уже после первого тура. «Свой в доску парень»! — стуча касками по тротуару, объявляли шахтёры, а вторя им, стучали стаканами алкаши. И если Прибалтику, которая давно рвалась в отдельное плавание, ещё понять можно, и отпустить её, конечно, нужно было, но с другими условиями выхода, защитив при этом многочисленное русскоязычное население, то осознать предательство Союза самыми близкими братскими республиками — Россией, Украиной и Белоруссией — невыносимо. Особенно тяжело это было тем, кто честно всю жизнь служил общему и казавшемуся абсолютно правильному делу.

Они всё ещё не верили в случившееся, хотя отрезвление должно было наступить уже тогда, когда Ельцин на последнем съезде КПСС, демонстративно вышел из партии, после чего начался пятимиллионный побег крыс с корабля. Но всё-таки эти верные своим идеалам люди не верили, ведь это сама Партия начала перестройку, это она сама хотела перемен, а значит, по логике те, кто получил эти перемены, не должны её предавать. И значит, бегущие, это те карьеристы, которые примазывались к членству лишь для личных целей, а потому это естественное очищение партии. Но двадцатого июля девяносто первого года Ельцин подписал указ о департизации, по которому запрещалась деятельность партийных организаций и их комитетов на предприятиях и в организациях, а это был удар «ниже пояса». Именно после этого удара последовали события, названные «августовским путчем», которые на самом деле были очень неумелой и непоследовательной попыткой остановить разрушение стра-

ны. Первый-последний президент огромной страны сидел у тёплого моря и ждал, въедет ли он на белом коне в Москву, или придётся сдаваться без боя. На бой он был просто не способен.

— Господи, что творится! — хватаясь за голову перед экраном телевизора не говорил, а почти кричал Дмитрий, — героев, последних героев, объявляют предателями.

— Дмитрий, не доводи себя до инфаркта. Они не герои, а придурки, которые не поняли, что там в кабинетах уже всё решено. И «меченый» наш поэтому сидит в Форосе тихонько, не шумит. Да и ему ли шуметь?

— Ирина, неужели тебе не жаль страны, не жаль партии?

— Людей мне жаль, Димочка, людей, как бы тебе это странным не показалось. Да ведь и ты понимаешь, что все они, — Ирина показала рукой вверх, — хапнут себе по лакомому кусочку, а простым людям придётся не сладко.

— Но, ведь ты, кажется, относишь себя к демократической фракции?

— Я себя уже ни к какой фракции не отношу, и партбилет я сдала, что и тебе советую срочно сделать.

— Ты знаешь, что я никогда этого не сделаю.

— Ты предпочитаешь, чтобы я тебе носила передачи в тюрьму? Или, как декабристка, последовала за тобой в Сибирь?

— Ну, не говори глупости. Двадцать пять миллионов в тюрьму не посадят.

— Я думаю, таких как ты будет очень немного, Дима. Во всяком случае, таких, как я, гораздо больше.

— Ну и пусть. Я крысой, бегущей с корабля, никогда не был.

— Мне оскорбиться?

— Это твоё дело.

— Эх, Димка, ты даже не понимаешь, что может я и люблю тебя всю жизнь именно за то, что ты не такой, как я и мой отец.

Это неожиданное признание застало Дмитрия врасплох. Он оказался совершенно им обезоружен. В сущности, он понимал, что жена не просто так всю жизнь держит его мёртвой хваткой. Сейчас, под закат своих лет, он начал осознавать, что, несмотря на постоянные стычки, Ирина единственный человек, который при любых обстоятельствах будет с ним рядом. Да, она могла предать его идеалы, его Партию, но только не его самого. И за это он был ей благодарен. Они оба сидели на диване, и он протянул руку и провёл ладонью по её плечу. Ирина плотней придвинулась к нему и уткнулась ему в грудь. Её плечи вздрагивали.

— Ну, ладно, чего ты, мать, расклеилась? Ты же у меня боевая и не сдающаяся, — старался он успокоить жену.

Эти страшные события, произошедшие в стране, несколько сблизили их. Ирина во многом оказалась права. После августовских событий, в ноябре, Ельцин подписал указы о прекращении деятельности КПСС и конфискации её имущества. Партию распустили и обокрали на глазах у всей страны

без открытого сопротивления её многочисленных членов и бывшего Генсека. И хоть в девяносто втором году Конституционный суд признал эти действия не конституционными, но дело было сделано. Дмитрий оказался не у дел и без средств к существованию. Хорошо, что пенсия была на горизонте, но три года до неё нужно было как-то прожить. И сейчас университетское и нязовское образование пригодились ему больше, чем высшая партийная школа. Небольшая преподавательская зарплата плюс пенсия жены существенно дополнялись помощью, которую оказывал муж Марины, сумевший ухватить тот лакомый кусочек, который не попал в руки Дмитрию при делёжке общего пирога из-за его принципов.

Девяностые поделились для Дмитрия на две половины: вначале, страшные своими политическими событиями, а потом — крушением привычного нормального благосостояния его семьи. И то, и другое пережить было очень трудно.

Бурно начавшийся войнами и революциями в нашей стране двадцатый век, заканчивался так же. На пороге стоял следующий, двадцать первый век.

Продолжение нас

Последнее десятилетие двадцатого века продемонстрировало народу страны два публичных отречения от власти: сначала Горбачёва, а затем и его конкурента Ельцина, узурпировавшего у него власть и свалившего президента СССР с пьедестала. Но если отречение первого было воспринято Дмитрием, мнение которого было далеко не единичным, как предательство и незаконное деяние против воли народа, то второе для него было доказательством справедливого возмездия. Дмитрий всю оставшуюся жизнь не сможет простить Ельцину разрушение Союза и трагедию расстрела Белого дома. Дважды скупые мужские слёзы вытекали из его глаз: когда в декабре девяносто первого красное знамя СССР было спущено с Кремля и в октябре девяносто третьего, когда он увидел почерневший от копоти Белый дом. И эти свои слёзы он тем более не мог простить президенту России, пророчески назвав его попом Гапоном, задолго до того, как таким эпитетом нарекла Ельцина его же бывшая соратница. А вот к преемнику и ставленнику Ельцина, словно вынырнувшему из ниоткуда Путину, Дмитрий долго не мог определить своего отношения. Первое его впечатление было связано с недоверием, раз от Ельцина — значит, продолжит разорение страны. И только когда остановлена была бойня в Чечне, понемногу нормализовалась жизнь простых людей и оживилась экономика, он, постепенно, со скрипом, стал оценивать нового лидера как человека, от которого можно ждать перемен в лучшую сторону, а, может быть, и возврата к справедливому, как он считал, народному государству.

И как всегда главным оппонентом была его жена.

— Глупости, — заявляла она твёрдо, — не тешь себя иллюзиями. Никто не отдаст награбленное. Подожди, скоро постараются всех воров утешить, легализовав по закону незаконное.

— Ира, но ведь государство при этом само позволяет себя грабить. Ну, неужели не наступят лучшие времена?

— «Светлое будущее коммунизма?». Нет, милый, не наступит.

— А как же тогда быть с этим?

«...Коль позабудет мир «моё», «твое» —
Прекрасным станет наше бытие...»

— Вспомнил Кампанеллу, но ведь он утопист, а «Утопия» — это место, которого нет и не будет. Разве человек сможет отказаться от «моё», да и сам ты тоже ведь не можешь.

— Да, не могу, но я против того, чтобы это понятие напрочь уничтожало другое — «общее» или «наше», если тебе так более угодно.

— А вот тут я, может, с тобой и соглашусь, мой дорогой муженёк, что-то такое правильное и необходимое человечество никак не может додумать. Но нам-то с тобой что горевать? У нас, слава Богу, есть «наше» — это Владик.

Они оба гордились успехами своего внука в школе, а позднее в университете. И для обоих стало очень болезненным известие, что внук хочет уехать после окончания университета со своей девушкой в Украину, где жила её мать и сестра.

— Господи, ну что там можно делать? Там ещё хуже, чем здесь! Разруха и нищета, — недоумевал дед.

— Ну, в Крымск не хочет, так можно найти место и получше, в Краснодарском крае, во всяком случае, поближе, — вторила ему Ирина. И негодовала на Марину.

— И что Марина позволяет ему, не пойму. Её только личные проблемы интересуют.

— Ну, Ир, ты это зря. Мариночка — хорошая мать.

— Хорошая! Нашёлся защитничек.

Ирине было трудно понять, что именно тот факт, что сама она не давала дочери возможности делать свой собственный выбор, сыграл определённую роль в отношениях Марины и сына, которая старалась не давить на него ни при каких обстоятельствах. И именно поэтому, они и были хорошими друзьями, чего не смогла достичь сама Ирина. Марине тоже было тяжело отпускать сына, но она хотела, чтобы решение он принял сам. Она знала, что мать не одобрит этого, и на её голову обрушатся новые упрёки, но надеялась на защиту и понимание отца. А когда по приезду в Крымск, не сразу, а после её самовольного устройства на работу, мать разразилась истерикой и она услышала страшное слово «Чужая», и отец не бросился на защиту, а только опустил голову, тупая безысходность от своего одиночества охватила её. Она ушла от них. Нет, она не хлопнула дверью, а тихонько её прикрыла. Дверь закрылась неслышно, и дом погрузился в тишину. И даже мерное тиканье часов не нарушало этой тягучей тишины.

Время остановилось. На экране телевизора мелькали какие-то тени, что-то говорили, но все эти звуки не проникали в голову Дмитрия. «Что я наделал! Я не защитил свою дочь. Я ничего не сказал. Что подумала Мариночка! Может она считает, что и я не родной ей?». Говорить что-то Ирине не хо-

телось, ненужные, злые слова были уже сказаны. Сама Ирина тоже сидела опустошённая, но она не привыкла каяться и просить извинений, да так же, как и Дмитрий, понимала, что уже поздно.

За окном сплошной непроницаемой стеной стекал, словно из опрокинутого корыта, дождь. Он шумно хлюпал и урчал, но через какое-то время появились другие звуки, похожие на падение водопада. Шум стал нарастать и перешёл в зловеющий гул, сквозь который прорывались лишь жалобные, почти стоны умирающих животных: кошек и собак. Дмитрий тревожно насторожился, затем встал и приоткрыл дверь. В комнату хлынула вода. Она прибывала быстро.

— Мать, скорее на чердак. Бери документы и тёплые вещи. Соседям бы нужно крикнуть.

Раздался телефонный звонок от Марины. Дмитрий постарался ответить спокойно, чтобы не напугать её, но быстро положил трубку. Медлить было нельзя.

Хорошо, что документы всегда лежали в порядке на одном месте, а под рукой близко оказались две расхожие куртки, а чердак был высоким с большим окном, да и сам дом, оставшийся им в наследство от родителей Ирины, был кирпичным и очень добротным. Как-то Дмитрий втащил на чердак старую кровать и комод, которые остались после матери, и которые рука не поднялась выбросить. Сейчас они оказались кстати. Лавина воды сбивала с ног, выйти из коридора во двор не было возможности. Только-только успели подняться на чердак, вода буквально шла за ними по пятам.

— Если начнёт топить чердак, залезем на комод, а пока давай на кровать, говорил Дмитрий, поддерживая жену на лестнице, ведущей на чердак.

— А если рухнут стены?

— Не рухнут. Строили на совесть, сама знаешь. Дом каменный.

— Смотри, мимо целые брёвна несутся. Проломят и наши стены.

— Ну, это уж не в нашей власти. Если можешь молиться — молись. А вообще-то мы с тобой уже пожилы. Вот у дочки бы успеть попросить прощенья.

Ирина промолчала. Снова сидели рядом, поджав ноги, на старой материнской кровати. Мысленно именно к матери сейчас и обращался Дмитрий. Теплота старого материнского одеяла напомнила ему теплоту материнских рук. Как сейчас хотел бы он стать тем мальчиком, которого гладит своей рукой по голове мама, утешая его после раскаяния за содеянный мальчишеский проступок. Только мама может так искренно прощать, жалеть и утешать, переложив на себя чужую ответственность. Но мамы давно нет, и за всё, что ты совершил в жизни, каждому придётся отвечать самому.

Часа через два, когда вода поднялась до чердака, она стала прибывать медленней.

— Ужасно воняет, — наконец произнесла Ирина. — Дим, если будем живы, я у Мариночки попрошу прощенья. Ты не думай, что я её ненавижу.

Я люблю её. Иногда правда нахлынет обида, что своя дочь не родилась, но ведь это только разом. Ты ведь меня знаешь.

— Нашла время для исповеди.

— Так самое время и есть.

— Но я не поп, к сожалению.

— Да где уж нам до попов-то. Сам знаешь, в какое время жили от Бога далёкое.

— Ладно, мать, живы будем, не помрём. А и помрём, не страшно. У нас с тобой продолжение есть — внук. Так ли?

— Так, так, Димочка. Владик — кровиночка наша. Уж нужно смиряться, что уехал, главное, чтобы у него всё хорошо было.

Дмитрий сунул ноги в резиновые сапоги и подошёл к чердачному окну. Он понял, что его нужно обязательно открыть. Это было своевременно, так как за окном мелькнули огоньки и послышались голоса. Через несколько минут к чердачному окну подплыла лодка, в которой сидели двое мужчин и Марина. Один из мужчин притянул лодку к окну, другой пролез на чердак. Он взял Ирину на руки, посадил в лодку. Марина звала отца, но он видел, что резиновая лодка слишком мала для четверых и оттолкнул её, оставшись на чердаке с незнакомцем.

Рассвет открывал страшную картину небывалого бедствия. От увиденного холодело на сердце, и поневоле охватывала какая-то животная паника. Но мужчина, пришедший на помощь, оставался спокойным, и это вселяло в Дмитрия надежду.

Через полчаса к крыше подчалили какие-то люди, и вывезли их на большой вместительной лодке на высокий незатопленный берег.

Новый знакомый, Павел, пошёл разыскивать своего друга, а Дмитрий двинулся по направлению к дому дочери. Он думал о том, что ещё не всё потеряно, если есть такие русские люди, как эти, что пришли на помощь, что можно ещё суметь преодолеть всё его измученной Родине, если будут вместе. И неправда, что всё, что было хорошего и героического закончилось на его поколении и поколении их отцов. У них есть дети, у них есть продолжение.

Сейчас Дмитрий не думал о том, что гораздо страшнее и разрушительнее не природные стихии, которые заставляют людей соединяться, а вражда и междоусобица. У людей, оказавшихся в эпицентре стихии, из глубины генетической древней памяти выходят на поверхность наши инстинкты совместного проживания, и только такой возможности противостоять всемогущей Природе. В благополучное время в любом человеке и человеческом обществе идёт постоянная борьба светлого и тёмного, тоже оставшаяся нам в наследство с библейских времён. А что победит, зависит от каждого из нас.

(Продолжение следует)

Ида Замирская
(Украина, Северодонецк)

САРА ТИСДЕЙЛ. МОИ ПЕРЕВОДЫ

Sara Teasdale.

A Minuet of Mozart's

Across the dimly lighted room
The violin drew wefts of sound,
Airily they wove and wound
And glimmered gold against the gloom.

I watched the music turn to light,
But at the pausing of the bow,
The web was broken and the glow
Was drowned within the wave of night.

Менуэт Моцарта

Играла в полумраке скрипка,
И в невесомости звучали
Витки божественной печали
И яркой солнечной улыбки.

Рой звуков полетел в рассвет,
Смычок взметнулся, — и спираль
Оборвалась, погасла даль,
Ночной волной накрыло свет.

Sara Teasdale. Wild Asters

In the spring I asked the daisies
If his words were true,
And the clever, clear-eyed daisies
Always knew.

Now the fields are brown and barren,
Bitter autumn blows,
And of all the stupid asters
Not one knows.

Сара Тисдейл. Пугливые астры.

Той весной узнать хотела
У ромашек я,
Говорит ли он мне правду,
Любит ли меня.

Ясноглазые ромашки
Отвечали «Да».
Ну а осень промолчала, —
В даль уносит ветер

Одиночества начало,
Слово «Нет».
Астры, глупые, скрывают
Свой ответ.

Sara Teasdale. I am not yours

I am not yours, not lost in you,
Not lost, although I long to be
Lost as a candle lit at noon,
Lost as a snowflake in the sea.

You love me, and I find you still
A spirit beautiful and bright,
Yet I am I, who long to be
Lost as a light is lost in light.

Oh plunge me deep in love--put out
My senses, leave me deaf and blind,
Swept by the tempest of your love,
A taper in a rushing wind.

Сара Тисдейл.

Хоть не твоя, ради тебя
Могла бы — в омут с головой,
Снежинкой утонуть в морях,
Гореть зажженной свечой.

По-прежнему ты любишь ту,
Чьё сердце теплится слегка, —
Давно представить я хочу
В ночи два ярких огонька.

Погибели своей хочу,
Стать не во сне, а наяву,
Охваченной огнем любви
Свечой, горящей на ветру.

Sara Teasdale. Enough

It is enough for me by day
To walk the same bright earth with him;
Enough that over us by night
The same great roof of stars is dim.

I have no care to bind the wind
Or set a fetter on the sea —
It is enough to feel his love
Blow by like music over me.

Сара Тисдейл. Enough

Я все невзгоды одолею,
Ветра и мощь морского вала,
Чтобы признание «Будь моею»
Мелодией любви звучало.

А мне ведь большего не надо:
Одно лишь солнце на двоих,
Одну мечту под звездопадом
И свет любви в глазах твоих.

Spring By Sara Teasdale

In Central Park the lovers sit,
On every hilly path they stroll,
Each thinks his love is infinite,
And crowns his soul.

But we are cynical and wise,
We walk a careful foot apart,
You make a little joke that tries
To hide your heart.

Give over, we have laughed enough;
Oh dearest and most foolish friend,
Why do you wage a war with love
To lose your battle in the end?

*Мой вольный перевод
стихотворения: Весна*

На лавочках в Центральном парке
В тиши аллей и цветников
Влюбленные вздыхают пары, —
В сердцах их вечная любовь.

Но мы с тобой, как недотроги:
Гуляем вместе — будто врозь.
То шутишь ты, то смотришь строго,
Скрывая от меня любовь.

Оставь, до шуток ли весной,
И перестань сопротивляться
Любви, мой сказочный герой,
Поверь, тебе придется сдаться.

*Gedicht zum Sonntag –
Sommerliche Erinnerungen**«Ich bin zu Hause» von Rainer
Maria Rilke (1875-1926)*

Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum.
Dort wo die Kinder schläfern, heiß vom
Hetzen,
dort wo die Alten sich zu Abend setzen,
und Herde glühn und hellen ihren Raum.

Ich bin zu Hause zwischen Tag und Traum.
Dort wo die Abendglocken klar verlangen
und Mädchen, vom Verhallenden befangen,
sich müde stützen auf den Brunnensaum.

Und eine Linde ist mein Lieblingsbaum;
und alle Sommer, welche in ihr schweigen,
rühren sich wieder in den tausend Zweigen
und wachen wieder zwischen Tag und Traum.

*Рильке, Райнер Мария**Летние воспоминания.
«Я — дома...»*

Я — дома между грёзами и сном,
Где дети, наигравшись, засыпают,
Где взрослые свой вечер коротают
У огонька, что согревает дом.

Я — дома между грёзами и сном.
Там в воздухе звон колокольный тает,
И музыка хрустальная ласкает
Слух девушки с колодезным ведром.

С любимой липой шепчусь о былом:
Среди ветвей затерянные где-то
Ожили вновь мои былые лета
И бодрствуют меж грёзами и сном.

Ефим Роговер
(Россия, Санкт-Петербург)

ВЗЛЕТ ТВОРЧЕСТВА Д. ШОСТАКОВИЧА

1937 год стал рубежным в творчестве композитора. Он закончил в эту пору Пятую симфонию, которая была признана первым произведением советской симфонической классики. Шостакович определил ее тему так: становление личности. «Именно Человека со всеми его переживаниями я видел в центре замысла этого произведения, лирического по своему складу от начала до конца». Симфонию отличают классическое совершенство и законченность, воспроизведение в музыке девиза: через борьбу — к победе. Именно так восприняли ее слушатели. Зрительный зал вставал с возгласами «ура». Первое исполнение Пятой симфонии прошло в Ленинграде 21 ноября 1937 года. Дирижировал Евгений Мравинский. В этом исполнении композитор нашел своего подлинного интерпретатора, дружба с которым свяжет его на все последующие годы.

Тогда же Шостаковича пригласили преподавать в Ленинградскую консерваторию, сначала в классе оркестровки, а потом — в классе сочинения. Преподаванию он отдал весь свой педагогический талант, умение воспитать таких учеников, как Георгий Свиридов, Кара Караев, Юрий Левитин, Борис Чайковский, Орест Евлахов, Герман Галынин. За эту творческую деятельность в 1939 году Шостаковичу было присвоено звание профессора.

Для его отношения к воспитанникам характерен такой эпизод.

Очень серьезно заболел Евлахов: ему грозила полная инвалидность. Консилиум врачей решил, что больному может помочь полугодовое пребывание в Крыму. Но денег у студента не было. На следующий день его в очередной раз навещал Шостакович. Принес с собой ведомость с печатями и сообщил, что Евлахову, как отличному студенту, профком выделил на поездку пятьсот рублей. Потом проводил ученика в Крым, послал вдогонку ободряющее письмо. Через полгода, возвратившись из Крыма, Евлахов пришел поблагодарить профком. Но люди там пришли в недоумение. Никто ему ничего не дарил, ведомости не составлял. Оказалось, что все придумал Шостакович, вручивший свои деньги и обставив все так, чтобы не стеснить ученика и не смутить его своим даром.

Окончание каждого учебного года отмечали на квартире учителя, обычно без стеснительного женского общества. Шалили, гоняли по квартире мяч, а Шостакович выполнял роль судьи. Сочинения учеников Шостаковича стали звучать на каждом смотре советской музыки. С успехом прозвучали фортепианный концерт и Симфония для струнного оркестра Г. Свиридова, посвященный Шостаковичу фортепианный концерт О. Евлахова, ярко проявился талант Г. Уствольской.

Личность Д. Шостаковича продолжала привлекать людей, которые с ним общались. Мариэтта Шагинян

писала: «Впечатление от его личности еще более сильное, чем от его музыки, — очень хороший, чистый, непосредственный, без фальши...» [1]. Среди тогдашних увлечений Дмитрия Дмитриевича — неизменный футбол (ради очередного матча он мог отправляться даже в Тбилиси, сутками трясясь в поезде), джаз, которому посвятил «Сюиту», и киномузыка. Так, он написал в ту пору музыку к фильмам «Человек с ружьем», «Великий гражданин», «Юность Максима», «Возвращение Максима», «Выборгская сторона», «Друзья», «Волочаевские дни» и другие.

Из крупных произведений к предвоенным годам относится Первый струнный квартет, очень светлый, весенний, солнечный, навеянный образами детства, танцевальными — в первой и второй части; вальсовыми — в скерцо. Произведение было исполнено 10 октября 1938 года квинтетом имени А. К. Глазунова.

Затем последовала Шестая симфония (1939), очень необычная, трехчастная, начатая не с Аллегро, а с медленной части, наполненной музыкой созерцательной и лирической. В ней не было ни хора, ни солистов, ни программы, ни поэтического текста. Эта необычность, очень замедленный темп удивили и разочаровали слушателей и музыковедов, назвавших новое произведение «симфонией без головы». Необычной казалась последовательность частей. Ларго носило реквиемный характер, перекликалось со скорбным инструментальным исполнением. Скерцо было поставлено вслед за этим Ларго и поражало звучащей здесь холодной «пляской смерти». Слышался бездушный гротеск, виделись призраки, обступающие и терзающие человека. Затем следовала веселая, быстрая музыка с ритмом, лишенная прежней печали. Слышалось городское звучание

садовых оркестров, с их польками, вальсами и молодежными песнями. Связи с содержанием Ларго не ощущалось. В критике развернулись споры.

Тем не менее, Шестая симфония завоевала признание как одно из оригинальных и интересных явлений симфонической музыки. Е. А. Мравинский упорно включал это произведение в свой репертуар. Леопольд Стоковский дал ему восторженный отзыв.

К 1940 году относится сочинение Фортепианного квинтета. Он был воспринят как продолжение Шестой симфонии. Содержание этого квинтета складывалось из лирических, очень человеческих образов и настроений. Композитор вдохновенно раскрыл богатство крупной личности. Квинтет создавался в живописной лесной местности поселка Калломяки (Комарово); работалось спокойно и уединенно, и это отразилось на содержании. Форма квинтета предполагала авторское участие: Шостакович продолжал играть на эстраде. Это произведение содержало глубокую философскую мысль (Фуга), юмор (Скерцо) и романтическую лирику (Интермеццо), отличавшиеся широким богатством настроений.

Когда Шостакович исполнил это сочинение на заседании кафедры, руководимой наставником композитора, М. Штейнберг был потрясен новаторством Квинтета. Он почувствовал близость этой вещи Пятой симфонии, ощутил в ней борьбу, преодоление и становление личности. За Прелюдией и Фугой шло контрастное Скерцо, после которого Интермеццо и Финал завершали композицию.

Мариэтта Шагинян увидела в этом Квинтете «портрет эпохи» и «полный, совершенный голос современности» [2].

Немногие произведения встречали такой дружный и непосредственно-живой отклик, как этот Квинтет. В Москве его исполнили 9 ноября, в Ленинграде — 15 декабря. Успех был огромный. Шостакович был удостоен Государственной премии первой степени.

За заслуги в создании киномузыки он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. Денежную часть премии он раздал нуждающимся в материальной помощи. Таким был этот человек.

В начале 1941 года Шостакович был занят оркестровкой оперы Муссорского «Борис Годунов». Работа захватила его, возвратив композитора к работе с театром.

Планов было множество. Он начал работу над музыкой к фильму «Приключения Корзинкиной», создал музыку к «Королю Лиру» для спектакля Г. Козинцева в БДТ в Ленинграде и заключил договор на оперу «Катюша Маслова» по Л. Толстому.

Но 22 июня 1941 года началась кровавая война с фашизмом, и Шостакович подает заявление о приеме его добровольцем в Красную Армию.

Шостаковичу отказывают в зачислении. Через месяц он подает вторичное заявление с просьбой зачислить его в народное ополчение. Ему отказывают снова. Чуть позже он подает третье заявление — и в ответ получает предложение эвакуироваться, которое он отклоняет.

Композитор пишет песню на слова В. Саянова «Клятва нарком», отмеченную как одна из лучших «оборонных» песен. Он проводил консерваторию, уезжавшую в Ташкент, а сам остался в Ленинграде как председатель отделения Союза композиторов.

Шостакович писал Седьмую симфонию, которая стала символом мужества, стойкости и героической борьбы блокадного Ленинграда

и всей страны. Став вехой истории нашей родины, она вызвала небывалый общественный отклик во всем мире. Лучшие американские дирижеры — Стоковский, Кусевицкий, Орманди, Тосканини — просили советское посольство в Нью-Йорке предоставить им право исполнения Седьмой симфонии в Соединенных Штатах.

Это произведение стало наиболее драматичным среди последних сочинений Шостаковича. На определенном этапе своего создания это произведение имело программные заголовки: «Война», «Воспоминания», «Родные просторы» и «Победа». Однако композитор снял их, поскольку эти названия не исчерпывали содержания каждого раздела.

Симфония состоит из четырех частей: Аллегро, Скерцо, Анданте и Финал (последний был написан уже в декабре 1941 года в Куйбышеве, где в это время находился оркестр Большого театра СССР во главе с дирижером Самуилом Самосудом).

Первая часть отличается редкостной выразительностью. Ее ведущие темы — спокойная и величавая тема Родины и механистическая, присвистывающая тема вражеского нашествия. Эпической мощи противопоставлено здесь противоестественное, мертвенное сочетание флейты пикколо и малого барабана, образующее автоматизм коротких фраз, напоминающих военные призывы и сигналы. С гневом, со страстью, с болью говорит здесь композитор о жертвах войны, используя реквием.

Вторая часть возвращает слушателей к довоенному прошлому страны, и звучит элегическая мелодия, воспроизводящая дыхание мирных будней. Глубокое раздумье содержалось в третьей части. Тут партии духовых инструментов отмечены особой изобретательностью: это относится и к печальному монологу фагота,

и к пиццикато струнных, и к мелодии солирующей флейты.

Финал симфонии воспроизводит, внося вариацию, печальную тему первой части, но слушатель чувствует, что теперь звучит и мотив борьбы, и боль страдания, и горечь смерти. Но, преодолевая все пережитое и испытанное, музыка выходит к торжеству победы, которую пророчит композитор. Пафос победы крепнет и уверенно, гордо завершает финал.

Премьера Седьмой симфонии состоялась 5 марта 1942 года в Куйбышеве. Ее исполнил оркестр Большого театра СССР, которым руководил тогда Самосуд. Алексей Толстой поместил в «Правде» статью об этом произведении, где писал, что *«Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебания смертный бой с черными силами. Написанная в Ленинграде, она выросла до размеров большого мирового искусства»* [3]. Чуть позже симфония прозвучала в Москве, потом в Лондоне под управлением Генри

Вуда, в Нью-Йорке, где дирижировал Тосканини. А 9 августа того же 1942 года, в день, когда гитлеровцы планировали вторжение в блокированный город, она прозвучала в Ленинграде, где не было уже своего оркестра, но куда своих музыкантов прислали военные коллективы. Под грохот фашистских орудий была исполнена великая симфония в многострадальном городе, исполнена наскоро смонтированным оркестром под руководством Карла Элиасберга.

За это гениальное творение Шостакович был удостоен Государственной премии СССР. Ему было присвоено звание заслуженного деятеля искусств. А чуть позже, в 1943 году, Американский институт искусств и литературы избрал его своим почетным членом. К Шостаковичу пришло всемирное признание.

Окончание следует

Л и т е р а т у р а:

1. Шагинян М. С. 50 писем Д. Д. Шостаковича // «Новый мир», 1982, №12. С. 180.
2. Шагинян М. С. Квинтет Д. Шостаковича // «Литературная газета», 1940, 1 декабря.
3. Толстой Алексей. Седьмая симфония Шостаковича // «Правда», 1942, 16 февраля.

*Павел Атанов
(Россия, г. Сосновый Бор)*

ПОХОД АЛЕКСАНДРА НЕВСКОГО В ЗЕМЛЮ ЕМИ

Наш край имеет богатую и древнюю историю. Отдельные её страницы связаны с Копорьем, и одной из них является поход Александра Невского в Финляндию 1256 г., предпринятый для уничтожения шведского владычества на этой территории.

Первостепенной задачей Александра было изгнание шведов из Тавастландии (земли финно-угорского народа емь — тавасты, жившего в Южной Финляндии), хотя есть основания полагать, что поход князя не ограничился Южной Финляндией, о чём мы скажем ниже.

Тавастландия в 1249-1250 гг. была завоёвана шведским ярлом Биргером (тем самым, которого Александр разгромил в Невской битве), и Александру Невскому предстояло вернуть эту страну под русское влияние.

Поход князя в землю еми был вызван вторжением в новгородские владения объединённого войска шведов с подвластными им емью и сумью, немцев и датчан, а также наёмных воинов. Командовал войском вассал датского короля Дитрих фон Кивель.

Это был очередной крестовый поход, имевший своей целью насильственное окатоличивание населения, которое планировалось покорить. Это было продолжение той религиозной войны против православия, которую католическая Европа начала 4-м крестовым походом, завершившимся взятием и разграблением Константинополя, и которую она затем развязала против Руси.

Победы Александра Невского над шведами в 1240 г. (Невская битва) и немцами в 1242 г. (Ледовое побоище) остановили военно-религиозную экспансию Запада на русские земли.

Однако, несмотря на это, папы римские не оставляли надежду на успех упомянутой экспансии. Поход фон Кивеля состоялся после буллы папы Александра IV от 11 марта 1256 г., которой он призвал к крестовому походу на «язычников» (всех кто не были католиками). Александр IV предписывал крестоносцам, взявшим в этот поход своих епископов, крестить людей на завоёванной территории по католическому обряду.

Причём, завоевать враги собирались Водскую, Ижорскую земли, а в случае удачи — и Карельскую. Очевидно, помимо осуществления религиозной экспансии они хотели закрыть Руси выход к Финскому заливу.

Подчинив названные территории, шведы и их союзники контролировали бы и коммуникации по заливу, отрезая новгородцев от них.

Преследуя данные цели, крестоносцы на кораблях вошли в Нарову и начали строить крепость там, где позже были основаны Ивангород и Нарва. Новгородская Первая летопись сообщает: «*Придоша Свеи, и Емь, и Сумь, и Дидман* (Дитрих фон Кивель — П. А.) *съ своею волостью и множеством рати, и начаша чинити городъ на Нарове*» [1].

Нужно отметить, что враги предприняли рассматриваемый поход тогда, когда Александр Невский, которого они после Невской битвы и Ледового побоища не могли не опасаться, княжил уже во Владимире, а не в Новгороде. Очевидно, шведы и их союзники надеялись, что им не придётся иметь дело с Александром. В данной связи представляется верной версия, согласно которой шведы, зная о происходивших незадолго до этого распрях между князем и жителями Новгорода, рассчитывали, что взаимоотношения Александра и новгородцев будут далеко не лучшими [2].

Однако расчёт крестоносцев не оправдался. Новгородцы, узнав о вражеском вторжении, послали «*въ Низъ* (Владимирскую землю — П. А.) *къ князю по полкы*» [3] и Александр Невский, не колеблясь, выступил с войском на помощь Новгороду. С собой князь взял митрополита Кирилла.

Вскоре Александр пришёл в Новгород. Здесь он присоединил к своему владимирскому войску новгородское ополчение и двинулся на Нарову.

Известие о приближении войска Александра Невского встревожило захватчиков. Они «*услышавше побегоша за море*» [4].

Александр приказал скрыть укрепления, построенные крестоносцами на Нарове. Однако разрушением вражеской крепости князь не ограничился. Для того, чтобы отбить у шведов охоту нападать на Русь, он решил ответить на их вторжение походом на шведские владения в Финляндии. Данное предприятие было важно ещё потому, что Тавастландия являлась вражеским оплотом у русских границ. Кроме того, Александр Невский не забывал, что земля еми находилась ранее под властью Руси, и был твёрдо намерен вернуть эту территорию в подчинение Новгорода.

Однако войны до поры, до времени не знали, куда Александр решил совершить поход. Князь сначала «*идоша до Копорьи*» [5] (Копорье Александр Невский выбрал отправной базой для похода в Финляндию). Только приведя своё войско в Копорье, полководец, очевидно, сообщил о цели данного похода, как и о том, что двигаться войны будут по льду залива. Это можно понять, исходя из летописных известий об отъезде в Новгород митрополита Кирилла после прихода войска в Копорье [6] (по-видимому, после того, как он сумел убедить значительную часть русских воинов идти вместе с Александром на землю еми) и об уходе многих новгородцев из Копорья [7] (которые, надо думать, не решились участвовать в тяжёлом и опасном переходе через Финский залив).

После ухода части новгородцев в войске Александра остались наиболее мужественные воины, которых не смущали тяготы предстоящего похода. Встав на лыжи, они пошли по льду Финского залива туда, куда повёл их князь.

Поход стал для русских тяжёлым испытанием. «И бысть зол путь» [8] — повествует новгородский летописец. Вологодско-Пермская летопись говорит, что «*придоша горы непроходимые*» [9]. Представляется убедительным мнение, согласно которому под «горамы» надо понимать громадные снежные торосы на заливе, пройти которые было непросто [10].

Особенно трудным переход через Финский залив получился для шестников, прокладывающих впереди остальных участников похода путь по льду, а для некоторых из них даже трагичным. Автор Новгородской Первой летописи констатирует, что «*многымъ шестникомъ бысть пагуба*» [11].

Однако после того, как русские преодолели все трудности перехода и переправились в Тавастландию, они стали блестяще воплощать то, ради чего был предпринят поход — уничтожить шведское владычество на данной территории. Шведы, которых Александр Невский, как в своё время на Неве, застал врасплох, не смогли отбить нападение русских.

Все их крепости были взяты и срыты. Взята была, в том числе, и находившаяся в центре Тавастландии сильная крепость Тавастхус. Обосновавшихся в этой стране шведских крестоносцев и служивших им финнов русские перебили, а многих взяли в плен («*овыхъ избиша, а другихъ избиша*» [12]).

Причём летопись пишет, что «*придоша* (возвратились из похода — П. А.) *Новгородци съ княземъ Олександромъ вси здорови*» [13]. То есть, согласно летописцу, боевых потерь в русском войске не было. Здесь можно предположить два варианта. Либо шведские гарнизоны сдались без сопротивления, либо русским пришлось штурмовать вражеские крепости и, в этом случае, потери были (так как при штурме крепостей потери среди нападающих, как правило, неизбежны), но автор летописи приукрасил действительность.

Так или иначе, все шведские крепости в Тавастландии были захвачены. Более того, есть основания полагать, что Александр Невский совершил поход не только в Южную Финляндию. Летописец сообщает, что русские воины во время похода «*не видали ни дни, ни ночи*» [14]. Очевидно, войско Александра дошло до Полярного круга, где на протяжении полугода стояла только ночь (полярная ночь).

Таким образом, шведский плацдарм для нападения на Русь был устранен, а земля еми была возвращена под влияние Руси.

То, что шведское владычество в земле еми было уничтожено, наглядно видно в булле папы Александра IV 1257 г. Папа пишет: «*Среди всех прочих опасностей, которые причинили названному государству (Швеции — П. А.) коварство и жестокость этого племени, особенно в этом*

году, когда оно, неистово вторгнувшись в некоторые части данного государства, свирепо убило многих из его верноподданных, пролило множество крови, много усадеб и земель истребило пожаром, подвергло поруганию святыни и различные места, предназначенные для богослужения, многих возрождённых благодатью священного источника прискорбным образом привлекло на свою сторону, восстановило их, к несчастью, в языческих обычаях и тяжчайшим и предосудительным образом подчинило себе» [15].

Крайне негативные эпитеты, которые папа использовал, обнаруживают в нём ненависть к участникам похода. Ненависть же у него возникла потому, что они разрушили его планы по насильственному окатоличиванию народов, находившихся под влиянием Новгорода.

Впрочем, он не собирался мириться с потерей Тавастландии и стал призывать шведов к новому крестовому походу на емя. Но шведы, получившие хороший урок, на этот раз не откликнулись на призыв папы. Более того, после похода Александра Невского в Финляндию они 25 лет не нападали ни на Русь, ни на территории, подвластные Руси.

Л и т е р а т у р а:

1. Новгородская Первая летопись // ПСРЛ. Т. 3. СПб., 1841. С. 56.
2. Соколов Р. А. Полярный поход Александра Невского // Балтийский щит. № 5 (48). 2008. С. 13.
3. Новгородская Первая летопись ... С. 56.
4. Там же.
5. Там же.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.
9. Вологодско-Пермская летопись // ПСРЛ. Т. 26. М.; Л., 1959. С. 88.
10. Бегунов Ю. К. Александр Невский. М. 2009. С. 159.
11. Новгородская Первая летопись ... С. 56.
12. Там же.
13. Там же.
14. Там же.
15. Цит. по: Шаскольский И. П. Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII-XIII вв. Л., 1978. С. 220.

Виктор Муравин
(США, г. Нью-Йорк)

ИЗ ТРИЛОГИИ «ПОТОМОК ЕРМАКА»

ФРАГМЕНТ ГЛАВЫ 2 «СЕВЕРНЫЙ ТРАКТ»

Этот просторный дом Алексей Сазонов срубил своими руками еще в начале века. Отец его, дед и прадед жили в Тобольске, промышляли охотой и торговлей, а он, как вернулся из Маньчжурии, с русско-японской войны в 1905 году, возалкал тишины, покоя подальше от шумных городов, от начальства, от политики и войны.

С молодой женой собрал свои нехитрые пожитки, простился с родней и с санным обозом отправился на север. Прошел много сел, присматривая себе место для жизни. Остановился в Челнах, где тогда еще было всего десятков изб.

В тот памятный день Татьяна постелила на снегу скатерть, поставил он бутылку спирту, закуску, пригласили мужиков. Селяне прямо на снегу распили спирт, домой к себе пришельцев приглашать не стали, но молча приняли нового человека с женой, помогли напилить лесу для дома.

Потом Алексей в одиночку махал топором, тесал могучие бревна, кряхтя таскал их наверх, укладывал ровным рядом, впотай, без гвоздей. За два месяца с трудом поставил главный сруб, горницу и кухню, чтоб не замерзать с Татьяной в землянке, тут же перебрался в свои хоромы.

Пристройки для скота, сарай, забор, погреба — все это потом делал потихоньку. Пережили они с Татьяной первую суровую зиму, пришла весна, растопила снег, буйно зазеленели поля и лес. Началась настоящая жизнь. Постепенно завел он хорошее хозяйство. Земли было сколько угодно. Езжай в поле, выбирай!

В реке и озерах кишела рыба, ловил неводом, а то и просто ведром, весной, во время нереста. Зимой в лесу добывал шкурки зайца, лисы, даже ценную пушнину можно было добыть километров сто к северу от Челнов.

К 1914 году, когда началась Первая мировая война, было у Алексея двадцатка коров, столько же овец, три лошади, а гусям он и счета не знал, но отстроил для них большой сарай, и завел злого цепного пса, чтоб лис отгонял. Свой надел он пахал сохой, любил весь день, от зари до зари, идти по свежей борозде, смотреть, как лошади тянут однолемешную соху, растет вспаханное поле, которое осенью даст богатый урожай.

Вдоль реки на лугах и на лесных полянах вместе с мужиками косил душистую траву, сено складывал одной длинной скирдой возле дома, хвата-

ло скоту на всю зиму. Летом в лесу вместе с женой набирал черники, смородины на варенье. Он даже пасеку завел на два десятка ульев. В сених всегда стоял длинный ряд бочонков с дарами природы и его, Лешкиных, трудов.

Раз в год, после Рождества, он грузил полные сани меду, варения, мешков с зерном, пушнину, бочонки свежего масла, пахнущего лугами, вместе с женой уезжал в Тобольск. Там на рынке продавал свои богатства, останавливался у своей родни, пил и гулял от души, вспоминал свою прошлую городскую жизнь, но возвращаться не помышлял — дома было душе спокойнее.

Их сыну Петьке было 10 лет, когда дошли слухи о войне. Понял Лешка Сазонов, что в России снова наступает лихолетье, купил в городе две трехлинейки, отпилил стволы, обрезы спрятал в надежном месте. Вокруг всей усадьбы поставил высокий забор из толстых кольев, под домом и в огороде выкопал несколько погребов, где сложил неприкосновенный запас зерна, сала, меда, картошки и посевной ржи. Заодно и в лесу, в глухих зарослях ночами выкопал, наполнил и захоронил еще такой же погреб. И стал ждать.

Когда пошел слух, что приезжает начальство из города для мобилизации в армию, Лешка, как и многие другие мужики, оставил дома жену с сыном, спрятал в подвале второй обрез, на всякий случай, заготовил корму всей скотине на две недели, ушел на охоту. Когда вернулся, опасность миновала. Так и просидел он войну в своей спасительной северной глуши.

Но в 1917 году Лешка понял, что спасенья не будет. Через село иногда проходили мужики, уходившие из Центральной России дальше, на Север. Приносили слухи о революции, об отречении царя, о Гражданской войне. Не дожидаясь несчастья, Алексей нашел в лесу скрытую полянку, обнес ее живыми деревьями и проволокой, вырыл землянку для себя и сделал навес для скотины. Вместе с двумя соседями перегнал сюда часть скота и двух лошадей. Летом 1918 года в село вошел конный отряд белых, забрал лошадей у мужиков, которых застали дома.

В Челны пришла война. Под конвоем солдат, Алексею пришлось надеть шинель и фуражку с кокардой. Простился с женой, с сыном и на своей лошади ушел в составе белого отряда. Пригодился опыт войны 1905 года. Скоро Алексей Сазонов получил унтер-офицера и эскадрон. В составе армии Колчака, под натиском красных отступал через всю Западную и Центральную Сибирь до Красноярска. И только там понял, что все проиграно и пора спасать жизнь — дома ждут его жена и сын.

Лютый морозной ночью он покинул свой эскадрон в Красноярске, за темным забором сбросил форму, надел заранее припасенную гражданскую одежду, первым же товарным поездом уехал из Красноярска, но ошибся, и вместо Новосибирска попал в Иркутск, на Восток. Поезд загнали в тупик. Ехать дальше он не мог, — не было ни теплой одежды,

ни денег, ни еды. На вокзале в зале ожидания он уснул в углу, на скамье. В ту же ночь его арестовал патруль красных.

В ЧК выслушали его рассказ, без утайки, посмотрели на руки — обе ладони были покрыты вечными крестьянскими мозолями. Это спасло его. В тот же день, теперь уже в другой шинели, с красными петлицами и с красной лентой в папаше, во главе конного взвода он ушел в составе кавалерийского полка на Восток, навстречу белым. Зимой 1919 года судьба изменила ему. В схватке с белоказаками кто-то полоснул саблей, распорол правую руку и бок, но не глубоко. Казаки отбились от красных, ушли дальше на юг к китайской границе.

Алексей Сазонов отлежал три месяца в госпитале, в Иркутске, пока затянулись раны, и летом 1919 года вернулся домой, в Чёлны, усталый, поседевший, злой и счастливый, что уцелел. Дома застал жену, сына и дом. В подвалах сохранилось все, что прятал, но в лесу кто-то нашел его демянку, угнал скот и лошадей. Пришлось все начинать сначала.

За время службы у красных в Забайкалье Алексей понял, что власть эта если Богом и не послана, то все равно сильная, пришла надолго и шутить с ней опасно — лучше идти вместе с этой властью, чем против нее. Хозяйство свое он вел теперь скромнее, в ожидании дальнейших событий. В 1922 году в Челны приехали люди из города, с винтовками, собрали сход.

В тот же день в селе был создан Комбед, но, поскольку в Челнах не было ни бедняков, ни кулаков, а одни лишь середняки, Комбед действовал осторожно, в душу особенно не лез, землю ни у кого не отнимал. Крестьяне сдавали государству положенный налог зерном и мясом, остальное везли на базар в город. Жизнь снова вошла в норму.

Но Алексей ждал худшего. На всякий случай привез из города и повесил на стены портреты Маркса и Энгельса, которые, как ему сказали на допросе в иркутской ЧК, были вождями мирового пролетариата. Портрета Ленина он нигде не нашел, а о Сталине Алексей тогда еще и не слышал.

За годы НЭПа, с 1924 по 1929, жили крестьяне Челнов свободно и богато, но скоро этой вольнице пришел конец. Когда из города приехало начальство и на общем сходе объявило о создании колхоза, в который крестьяне должны были вступить добровольно, Алексей Сазонов понял, что пришел тот день, которого он боялся всю жизнь.

Верный своей привычке плыть по течению, а не против него, он тут же, на сходе, к вящему изумлению других, менее зажиточных селян, заявил, что вступает в колхоз со всем своим хозяйством, кроме кур и гусей, которых оставляет на усмотрение жены.

Такое выступление Алексея Сазонова разрядило обстановку. Смеялись и мужики, и городские. Больше половины села тут же вступило в колхоз, по предложению приезжего товарища из районного комитета партии Алексея Сазонова прямо на сходе избрали председателем. Алексей взялся за дело, радуясь, что пока все так легко закончилось, но с тяжелым пред-

чувствием на душе, что бедам этим не будет конца и что самое плохое еще впереди.

У мужиков Алексей пользовался уважением, как старожил и хороший хозяин. После собрания за бутылкой самогона потихоньку объяснял своим сельчанам, что ходу нет ни назад, ни в бок — только вперед, по пути с новой властью, иначе раздавит, не пощадит. Эти беседы действовали лучше, чем призывы районного начальства.

Поняли мужики, что Сазонов прав и вскоре он послал отчет о том, что все село вступило в колхоз. Налоги были большие, сдавать зерно государству надо было в срок, но и себе нужно было что-то оставить, честно или тайком.

Алексей знал своих мужиков, знал каждую семью, хозяйство, доход, мысли и дела, постепенно убедил мужиков, что нужно приспособиться и жить. С утра до ночи верхом объезжал владения колхоза, умело организовал работу полевой бригады, наладил работу кузницы, где чинили плуги и обороны, создал в селе детские ясли, где матери могли на весь день оставлять малых детей.

Это увеличило число рабочих рук, позволило выделить мужчин для тяжелых работ. Специальная бригада из стариков лето и зиму ловила рыбу в озерах и в Иртыше, косила траву на сено, ремонтировала помещения для скота и хаты.

Кроме обязательных поставок зерна государству, Алексей Иваныч дополнительно сдавал овощи, мясо, молоко и масло, и даже отправлял живых и забитых гусей районному начальству. В районе и городе его труд оценили. Коллективизация проходила трудно, в борьбе, бывали срывы, даже убийства активистов. Москва требовала сдачи хлеба и мяса — нужно было кормить население, армию и города.

За невыполнение плана сдачи продовольствия грозили крупные неприятности, поэтому руководители областных и районных партийных организаций всегда с облегчением и надеждой смотрели в рот любому дельному крестьянину, который мог помочь в этом необычном и тяжелом деле.

В благодарность Сазонову за успешную работу из района прислали старый починенный трактор, часто приезжала кинопередвижка. Кино показывали ночью, натянув между деревьями белый экран. В горнице у Алексея Иваныча перебивали все руководящие сотрудники района, и даже начальник районного НКВД однажды нагрянул посмотреть на этого удивительного мужика и, заодно, проверить свои подозрения. Обошел все село, поговорил с крестьянами, обедал в горнице вместе с хозяином, поглядывая на портреты, а за полотенцем в углу рассмотрел икону.

Это успокоило. Значит Сазонов именно такой, просто хитрый мужик и весьма полезный. Начальник увез с собой поросенка и несколько битых гусей, а в благодарность прислал председателю колхоза еще два портрета — Ленина и Сталина. Алексей Иваныч понял, что пока проверка закон-

чена. На радостях повесил оба портрета на стену, вступил в партию и начал думать о будущем.

Еще в Гражданскую войну, когда воевал у белых против красных, а потом у красных против белых, понял он, что власть идет крепкая, поперек дороги ей становиться нельзя — раздавит, нужно пристраиваться по течению. Поскольку официально религия была отстранена от государства, а он к этому государству примкнул и даже стал доверенным лицом — председателем колхоза — сверху назначили, а селяне выбрали — икону в углу горницы прикрыл красиво расшитым полотенцем.

Никогда ни с кем о религии не говорил, официально обрядов не соблюдал, благо, что в селе церкви не было, и по воскресеньям старики и кое-кто из селян ездили в Березово, в церковь, которую в 29-м году и вообще закрыли.

Алексей Иванович туда не ездил. Начальство районное и этот факт зачло в его пользу, а в селе, кто еще хранил верность церкви, простили ему — занят мужик работой, и ночью спать ему не дают, часто будят по делам. Но за прошлые бурные годы Алексей Сазонов научился жить двойной жизнью — одна себе, другая людям.

Поскольку он мало понимал в том, что творилось в России в те годы, некоторые факты жизни брал на свое личное вооружение без всякого понимания или одобрения, а как неизбежное зло, приспособлялся к этим фактам и условиям, как к пурге зимой или к дождям ранней весной.

За последние годы от его бывшей веры в Бога остались лишь воспоминания раннего детства, когда мать брала его в церковь по воскресеньям, но врожденные и приобретенные суеверия расцвели в его душе пышным цветом. Новой религии советская власть ему не дала, старую заставила забыть и очистила в его душе место для суеверий, которые сохранились в сознании народа, через сотни поколений, как остатки древнего язычества, когда поклонялись многим богам, каждый из которых представлял часть окружающей грозной природы.

Он стал все больше бояться плохих примет. Никогда не выезжал в поле один в понедельник и тринадцатого числа. Если в поле заставала его гроза с молнией, там, вдали от людей, неистово крестился, глядя в небо, просил Бога о помощи. Если на сельской улице дорогу ему перебегала черная кошка, он останавливался или поворачивал назад, ждал, пока по этой дороге проедет или пойдет кто-то другой или вообще ехал другой дорогой.

Дома держал кошку трех цветов: черно-белую с желтыми пятнами. Только такая кошка изгоняла из дымовой трубы домового и прочих нечистый дух. К этим ожившим суевериям все время примешивался страх, оставшийся после Гражданской войны, когда видел, как легко люди лишались жизни, с причиной или без всякой причины.

Алексей Иванович не знал сути политической борьбы в Москве, но воспринимал события в стране, в районе и в своем селе как часть окружающей природы, которую он чуял инстинктом.

И знал — в этой социально-политической борьбе сейчас жить опасно людям слабым.

Он знал, что его слабость в этом случае — кратковременная служба у белых в 1918 году. Это касалось многих его земляков, но от этого на душе легче не становилось. Умирать где-то вдали от семьи по каким-то непонятным причинам ему не хотелось.

Инстинкт самосохранения подсказывал — сотрудничай с новой властью, дай ей то, что нужно. Тогда она тебя не тронет. Это был единственный и не очень трудный путь к сохранению своего личного и семейного благополучия. Когда сына Петра призывали в армию, он просил его служить честно, учиться на офицера.

Петр не знал сокровенных мыслей отца, но служба ему понравилась, из рядовых пошел в школу комсостава, стал лейтенантом, недавно получил старшего лейтенанта пехоты, служит где-то возле Мурманска, на севере. И слава Богу.

Но главное — работа, сдача государству зерна и продуктов по плану. Когда во время коллективизации 1929 года селяне приняли предложение приезжего начальника и единогласно выбрали Лешку Сазонова председателем, каждый из них знал, что мужик он грамотный, хитрый, свой, начальству сможет угодить и своего брата-крестьянина сумеет защитить. И не ошиблись.

Еще тогда, сразу же после создания колхоза, Алексей понял, что дела предстоят тяжелые, план выполнять будет трудно, и, чтобы выжить, нужно будет дать своим селянам возможность хоть как-то жить, чтоб в каждом доме, после сдачи продуктов государству, оставалось достаточно хлеба, овощей и мяса до следующей осени. Для этого нужно было грамотно организовать работу.

Тогда он вспомнил Иркутск, когда попал в плен к красным, как ихние бабы собирали своих детей в один дом, присматривали за ними по очереди, а остальные работали на заводе или в госпитале, не хуже мужиков.

Алексей знал, что путь к мозгам мужика лежит через сердце его бабы. Ей начхать на начальство, на мировой коммунизм и пролетарскую революцию. У нее ребенок, который хочет есть, плачет, требует ухода. Дай этому ребенку еду и уход, он не будет плакать. Тогда баба будет довольна, будет работать, и ни один мужик против своей бабы в колхозных делах не пойдет — после работы надо идти домой, и, если дома жена встретит злым взглядом, жить мужику придется без радости, долго не выдержит.

С этой тонкой и важной струнки и начал Алексей свою работу по созданию колхоза весной 1929 года. Попросил начальство дать ему два месяца на обобществление посевных делянок, крупного скота и лошадей. Привез из района ящик водки, собрал у себя дома мужиков, набилось человек пятьдесят.

Когда выпили, закусили и изрядно охмелели, Алексей поклонился, снял перед миром шапку, попросил помочь отремонтировать заброшенный дом на четыре больших комнаты, который уже три года пустовал — хозяин подался в город.

Крыша дома прохудела, в стенах щели — ветер гуляет, так и остался этот дом догнивать свой век, под ветром, дождем и морозом, смотрел высокими окнами без стекла на Иртыш. Вокруг дома крапива и разный сорняк на метр вырос, на чердаке жили приبلудные кошки и совы.

Мужики поняли — что-то затеял Лешка, зря не стал бы просить. В воскресенье вышли к дому человек двадцать, с топорами и пилами, да две подводы. Привезли из лесу сотню свежеспиленных бревен, разобрали крышу, стены и фундамент, сложили заново из новых бревен. Из старого еще прочного материала напилили досок на пол и потолок, отстрогали рубанками до блеска. Вокруг дома на траве расположились остальные мужики да бабы, дивились невиданной работе.

К обеду жена Татьяна на телеге привезла десяток жареных гусей, пять булок свежего хлеба и бачок щей. Лешка не жалел своего богатства для будущего. Такой обед прибавил темпу. Еще человек пятнадцать засучили рукава, взялись помогать. Пока мужики завершали утеплять потолок и крепили новую солому на крыше, бабы побелили стены и новую русскую печь, поставленную так, чтобы топкой выходила на кухню, а тремя стенками — в три большие комнаты. Потом покрасили полы, закрыли щели меж бревнами снаружи, вырубил сорняк, очистили большой двор, поставили забор из кольев и широкие ворота на улицу, с калиткой.

Лешка весь день махал топором, понимал, что своим мужикам нужен личный пример, без лишних слов. Из своих личных запасов принес стекла. К концу дня, новый дом сиял на все село белыми боками отесанных бревен и большими застекленными окнами.

После работы Лешка открыл двери своего дома для всего села. Поставили столы во дворе тем, кому места в хате не хватило. Пришлось пустить в ход весь сокровенный запас самогона — 40 литров, забить еще десяток гусей, которым Алексей и счета не знал.

Тут же, дома, в разгар веселья, договорился с двумя молодыми мужиками, что завтра начнут строгать доски и делать 80 деревянных кроваток для детей от трех месяцев до 6 лет. В подмогу дал четырех стариков, из них двое — опытные плотники.

Ночью забил еще полный мешок гусей, укатил в районный центр, где были магазины и были знакомые. Алексей Сазонов был уверен, что материальное вознаграждение всегда сильнее словесного лозунга. Этот деловой подход к людям оправдывал себя. Вернулся через три дня, привез полные сани необычного добра — рулон белого сатина на 200 метров, который купил в сельпо в долг, под расписку, что выплатит стоимость натурой или деньгами в течение года.

Привез тридцать суконных солдатских одеял, штабель цветных ситцевых наволочек, полный мешок алюминиевых тарелок, ложек, вилок, кружек и ящик детских игрушек. И, самое главное, во внутреннем кармане пиджака приятно давила на грудь маленького формата книжка Наркомпроса. На голубой обложке улыбается розовая, как яблоко, детская рожица и надпись большими красными буквами: ЯСЛИ — ИСХОДНАЯ ЯЧЕЙКА БУДУЩЕГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.

Это название немного пугало Алексея, но другой книжки в Березове он не нашел, а в этой было толково сказано, как содержать детей вместе, как кормить, развлекать и лечить.

В день приезда поздним вечером пошел в дом Ивана Нелидова, за пять дворов от своей хаты, поклонился, попросил помочь. Дочка Ивана, Надежда, недавно приехала из района, где окончила среднюю школу и курсы медсестер, чтоб был свой врач на селе. Это хорошо, а пока что, поскольку больных мало, попросил Ивана дать добро дочери помочь его жене Татьяне в одном важном деле. Иван только усмехнулся в усы, возражать не стал, тем более, что за эту работу Алексей обещал начислять дочери трудодни.

В эту ночь обе женщины, в четыре руки, из белого рулона нарезали сто больших и малых простыней, пеленок, часть одеял пустили на матрацы. Старая машинка «Зингер» строчила всю ночь, к утру в трех сверкающих побелкой и покраской комнатах вдоль стен стояли 80 кроваток, с набитыми сухой травой матрацами и полным комплектом — одеяло, две простыни и подушка в наволочке с такой же травой внутри.

На кухне стояли два длинных низких стола, рассчитанных на 40 детей каждый, вдоль столов — скамейки. Бригада плотников успела закончить все в срок. На столах выстроились ровными рядами алюминиевые тарелки, ложки и вилки. В русской печи потрескивали березовые поленья, шел пар из двух котлов — для щей и для каши, в самой топке грелся большой медный чайник кипятку.

На крыльце Алексей привинтил две короткие железные полосы, чтобы селяне в дождь счищали грязь с сапог, постелил свежих еловых веток. В прихожей у двери лежала плетеная соломенная циновка, по свежеокрашенному полу в каждой комнате, от двери до окна тянулась желто-белая рогожка из грубых ниток. От крыльца до ворот дорожку устлал камнями и засыпал песком — все будет меньше грязи.

Надежда Нелидова вошла в роль, надела белый халат, затянула на затылке копну рыжих волос, что б не мешали, раскраснелась, сбросила в прихожей сапоги, босиком носилась по комнатам, заканчивая последние приготовления к приему детей.

Пока Татьяна ходила домой за Анютой, которой тогда было четыре года, Надежда разложила в одной комнате игрушки, которые привез Алексей: плюшевых медвежат, зайчат, обезьянок, разноцветные кубики и маленькую заводную автомашину. Потом побежала домой, на глазах

у изумленных родителей схватила своего трехлетнего племянника Мишку, умчалась в ясли.

В тот будний день село на работу не выходило. Мужики толпой стояли на дороге и во дворе, курили, настороженно смотрели на дом и суету. Бабы, любопытство побороло страх, вереницей взбирались по крыльцу, в прихожей сбрасывали сапоги, босоногой толпой стояли у двери в большой комнате, в похоронной тишине смотрели, как Анюта и Мишка ползают по полу, запускают автомашину, от стенки до стенки мчится шумный жучок, в боку заводной ключ вертится...

Алексей благоразумно в бабьи дела не вмешивался, стоял среди мужиков, покуривал, вместе с остальными вошел в дом, когда часов в 12 на крыльцо выскочила Надежда, сверкнула веснушками на курносом носу, крикнула на весь двор: — Мужики, айда в дом! Бабы обедают!

Селяне затоптали сигарки в снег, повалили в дом. Человек двадцать столпились в прихожей, наступила тишина. Дверь на кухню была широко распахнута. За столом вместе с Анютой и Мишкой их жены хлебали щи, звенели ложками по алюминиевым тарелкам. Ошеломленные мужики покинули дом с мрачными лицами, как после похорон, но присутствие женщин решило исход дела.

Открыто против яслей не выступил никто, но и не торопились — страшно было сделать первый шаг.

В эту ночь в яслях ночевало четверо детей. Дежурили по 6 часов, Татьяна и Надежда. В последующие три дня дверь дома не закрывалась — женщины прибегали глянуть на невиданное заведение, и мужики иногда заглядывали, поборов врожденное отвращение ко всему коллективному, присматривались к чуду, которое Сазонов придумал.

К концу недели в яслях было 30 детей. Надежда как-то сама сделалась ведущей, Татьяна помогала ей, где могла, и в доме появились еще две женщины: бабка Мария, которая всегда принимала на селе роды, и Нюрка, 20 лет, дочь местного кузнеца Василия Прохорова. Нужно было еще хотя бы двоих для круглосуточной работы ясель, но Алексей не торопился, ждал, чтобы ни единым словом не испортить дело, от которого зависело будущее всего села и его, Лешкина, жизнь.

Между тем бригада строителей на окраине закончила коровник на сто голов, начала возводить свинарник. В селе было сорок дворов, в каждом хозяйстве по три-четыре коровы, но Алексей сначала предложил мужикам сдать в общественное стадо по одной корове, посмотреть, как получится.

Мужики, еще не пришедшие в себя после появления ясель, где дети жили и не помирали, без лишних слов свели коров в длинный сарай с деревянным полом наклоном к середине, для стока, помогли утеплить снаружи стены слоем навоза, свезли к коровнику и уложили скирду сена.

За плату натурой — молоком, маслом и деньгами Алексей уговорил трех стариков, раньше сидевших дома, копавшихся в своем огороде, на-

чать работу на коровнике сменно по 8 часов. Потом из числа стариков нашлись добровольцы еще для двух стройбригад. К концу лета строители закончили свинарник, конюшню, теплицы для овощей, начали ремонтировать хаты.

Число детей в яслях постепенно росло, и через месяц после этого почина Алексей мог рассчитывать почти на 50 женщин для разных работ, которые отнимали мужские руки, нужные на пахоте. Это было именно то, что он хотел получить для реализации своих планов.

После первого успеха было легче разговаривать. Он назначил бригадиров из женщин и создал бригаду доярок, выделил восемь баб для работы на свинарнике, столько же работало зимой в теплице, чтоб выращивать овощи и летом и зимой.

В доме Правления выделил комнату для медпункта, где принимала больных Надежда Нелидова, в другой комнате поставил свою старую швейную машину, хотя Татьяна еле сдержала слезы, отдавая свое добро.

У этой машинки каждый день дежурила портниха, что сильно облегчало жизнь, особенно холостым мужикам и семьям, где не было машинки или жена не умела шить.

К зиме он потихоньку открыл сапожную и даже маленькую библиотеку при Правлении. План государству нужно было сдавать только хлебом, мясом, картошкой, овощами, молоком, маслом. Алексей знал, что первые два-три года будет трудно — сдать придется почти все, что будет произведено в колхозном секторе. Но теперь на душе было спокойнее — почти все трудоспособные женщины вышли на работу, что давало ему неограниченные возможности для развертывания большого дела.

РЕЦЕНЗИЯ

Трилогия Виктора Муравина — живой отклик на важнейшие политические события двадцатого века. Первая и Вторая мировые войны, противостояние двух политических систем — коммунизма и фашизма, Советского Союза и Германии, события послевоенного времени составляют ее сюжетнообразующий нерв. Автор дает оценку политике ведущих держав — Великобритании, США, их своеобразной позиции в событиях Второй мировой войны. Личности и политические поступки Ленина, Сталина, Гитлера, Рузвельта, Черчилля, логика их поступков, интересы, которыми руководствовались лидеры крупнейших держав подкрепляют авторскую концепцию значения и роли СССР в послевоенной судьбе Европы и США, заслоненных своеобразным щитом Советского Союза, принявшего основной удар на себя и понесшего неисчислимые потери в этой войне.

Эта концепция особенно актуальна в наш, теперь уже XXI век, в котором «уроки истории» оказались напрочь забытыми, и историю стремятся переписать заново, намеренно забывая и отрицая заслуги и роль Советского государства в освобождении народов Европы от фашизма. Автор намеренно акцентирует внимание на мессианской роли России в спасении мира от угрозы порабощения.

Все эти события вплетены в канву мировой истории, в исторические аналогии, позволяющие автору соотнести прошлое, отыскать некие параллели и закономерности в судьбе великих государств и цивилизаций, рассмотреть эволюцию развития политической мысли в частности и историю человечества в целом.

Таким образом события истории двадцатого столетия, представленные автором, напрямую отсылают к времени нынешнему — с его жгучими политическими и экономическими проблемами, стремлением в очередной раз переделать карту мира, нарастающей эскалацией вооружения, мировоззренческим и религиозным кризисом, опасностью приближения к Третьей, возможно последней в истории человечества, мировой войне.

Трагическому эпосу двадцатого столетия в художественно-публицистическом повествовании Виктора Муравина противопоставлены картины мира — той самой жизни, которая, наперекор всем политическим амбициям и экономическим расчетам, диктует свою логику развития событий. Жизни, расставляющей все по своим местам. Эта сторона повествования представлена и судьбой главного героя — сибирского казака Степана Дронова, и изображением простого русского народа, перенесшего ряд испытаний кровавого столетия, и германского народа, оказавшегося жертвой политических авантур ее политических руководителей.

Книга, над которой автор работал на протяжении длительного времени — с 1949 по 1986 годы, явилась итогом его личностных раздумий о судьбе русского и советского народа в его героической борьбе против «коричневой чумы» двадцатого столетия, духовным памятником памяти «потомков Ермака», к которым принадлежит сам автор.

*Ветелина Лариса Германовна
Кандидат филологических наук,
доцент КГУ им. Н. А. Некрасова*

Виктор Романович Муравин родился в СССР, волею судьбы достаточно давно живет в США, во многом преуспел и, благодаря личным качествам, имеет имидж честного, порядочного и делового гражданина и человека. Но главное в нем — человеколюбие и любовь к Родине, России.

В 1946-1954 гг. Виктор Романович работал в торговом флоте на Дальнем Востоке матросом и радистом. Его отец волею судьбы в 1921 г. был солдатом в Белой армии Врангеля, которая отступила под натиском Красной армии и на чужих кораблях ушла в Турцию; отец и большинство солдат по своей воле остались в России. Так как отец служил в Белой армии, у Виктора Романовича не было визы на заграничное плавание. За 10 лет работы на кораблях торгового флота СССР в рейсах между портами Приморья, Курильских островов, Камчатки, Чукотки и восточного сектора Арктики Виктор Романович Муравин много повидал, много общался с удивительными людьми, узнал о судьбах тех, кто работал на золотых и урановых рудниках Колымы и Заполярья. Во время рейсов в периоды отдыха старался записать истории в жанрах прозы и поэзии, гораздо позже это легло в основу вышедших в Америке и других странах книг.

В 1954 г. В.Р. Муравин оставил море, покинул родной город Владивосток и начал работать в институтах преподавателем английского языка; в 1960-е годы был доцентом, а позже зав. кафедрой английского языка Педагогического института на Дальнем Востоке.

Надо сказать, что дядя по линии матери Виктора Романовича, в 1921 г. солдат армии генерала Врангеля, вынужден был уехать сначала в Турцию, а вскоре перебраться в США, где он занялся бизнесом и разбогател. В 1967 г. дядя прислал визу сестре и племяннику, пришлось оставить работу в институте. В Москве гостевую визу не давали, но повезло — состоялась встреча с высоким по рангу должностным лицом, и после долгого разговора о судьбах людей и страны удалось убедить дать визу пожилой женщине, а позже и Виктору Романовичу.

Таким образом, он в полной мере познал «прелести» и трудности эмигрантской жизни. И только благодаря силе воли, крепкому здоровью (занятиям боксом), воспитанию, выдержке и жизненному опыту он выстоял и достаточно преуспел. Создав Славянский фонд США, а позже и Международный благотворительный фонд «Армия милосердия», В.Р. Муравин в 1990-е годы организовал работу по отправке благотворительной помощи в Россию, Украину, Грузию и другие страны. Санкт-Петербург и Москву в эти годы он посетил несколько раз для переговоров по вопросу поставок гуманитарных грузов в адрес церкви.

Знакомство с Виктором Романовичем Муравиным у меня состоялось в 1993 г. в Нью-Йорке, я сразу понял мотивацию и масштаб этой личности. Мы имели встречи с эмигрантами из России «первой» волны, присутствовали на богослужениях в православных храмах Нью-Йорка, Нью-Джерси, вели переговоры с руководством общества «Отрада» (по имени иконы «Отрада и утешение») о том, как лучше и какую гуманитарную помощь отправлять в Россию.

Русский американец Виктор Романович Муравин и сегодня делает все от него возможное для поддержания мира и укрепления добрых отношений между Россией и США, популяризируя культуру России в Америке. Он как член Союза писателей СССР, а позже — член Российского Межрегионального союза писателей, за литературный вклад был награжден медалью РМСП, а также записан в документальной аудиосерии «Голоса русских писателей»; выдержки из его книг и стихи неоднократно публиковались в различных изданиях в России, в том числе в журналах «Есть час на те слова», «Писатель. XXI век» и других. Автор повестей «На южных широтах», «Рабочий ветер», «Вест-Индия», «Огни Нового Орлеана» и других, трилогий «Эгоист» и «Потомок Ермака», литературных трудов об истории и политическом устройстве и взаимодействии обществ, и ныне не покладая рук с надеждой и оптимизмом трудится для блага наших народов, для блага России. И мне доставляет особое удовольствие пожелать Виктору Романовичу Муравину доброго здоровья на долгие годы, творческих успехов и помощи Божией в его делах.

*Сергей Кузионов, кандидат технических наук,
руководитель секции Международной Академии наук
безопасности экологии, природы и человека (МАНЭБ).*

2 марта 2017 г. Санкт-Петербург, Россия

*Булат Тугельбаев
(Казахстан, г. Астана)*

ЖАНТАЙ БАТЫР (быль)

Когда-то молодой бий Туранулы Бапан пришел высказать почтение к пожилому акыну Тилеуулы Умбетей. Бывший с младых лет наблюдательным, Бапан увидел, что старик находится в не очень хорошем расположении духа.

— Эй, аксакал, вы прожили славную жизнь и повидали многое! Вы были сподвижником моего великого деда, батыра Богенбая. Хан Аблай слушал вашего совета. Расскажите пожалуйста о том как вы очистили Сарыарку от иноземных захватчиков, как род Канжигалы заселили Ереймен, — попросил он.

Тогда Умбетей настроил струны домбры и запел чудесную легенду — быль о воинственной истории предков:

Меня зовут жирау Умбетей,
Обо мне спросите у людей,
Пока льется песен водопад,
Струны на домбре не замолчат.
Бьет походный марш в моей груди,
Не боюсь того, что впереди,
Много я отваги повидал,
Ведь всю жизнь в седле провоевал.

Но утих однажды сердца стук,
Когда умер Богенбай, мой друг.
Моих слов тогда иссяк поток
И домбры моей напев умолк.

Перестал считаться со мной хан,
Он с льстецами делит дастархан,
Рядом с ними мне не усидеть,
Вместе с ними песен мне не петь.

Не потерпит кривду Умбетей,
Внук степных батыров и вождей,
Умбетей, рожденный мудрецом,
Никогда не падал в грязь лицом!

Загорелись глаза старого жырау, громче зазвенела домбра...

Легенда о подвигах Жантай батыра, которую рассказал Умбетей жырау по просьбе Бапан бия:

Есть исток и устье у реки,
Так нам говорили старики,
И у каждой битвы есть исток,
А конец у битв был жесток.

В среднем жузе правил хан Аблай,
Старшиной его был Богенбай,
«Актабан шубырынды» был отомщен,
И беда забылась словно сон.

Из-за Сырдарьи на Терсакан
Шел аргынов длинный караван,
И шумела в Иртыше вода,
Мы вернулись в степи навсегда!

Прибыв на Есиля берега,
Старого мы встретили врага.
Злобный и чванливый пёс калмык,
Снова скалит свой сварливый клык.

Перекочивая из-за Джунгарских гор,
Жузу среднему калмык даёт отпор.
Торгаут, дурбит, хошет, шорош
Старых распрей снова точат нож.

И богатств у них не занимать,
В шубах соболиных ходит знать,
Табуны коней, овец отары,
Жаден до наживы враг наш старый.

Сопки есть в степи и косогоры,
Начались из-за кочевий споры,
Древний враг не знает примирения,
Стычки начались и сражения.

Тронешь честь, обидишь весь народ!
Стал стеной Аргынов древний род.
Матери, сынов отвагу верьте!
Если ты джигит, не бойся смерти!

Есть тонкоголосый Казыбек,
Есть батыр отважный Джанибек,
Словно ветер мощный, Богенбай,
Словно вепрь, грозный Кабанбай!

Гордость, достояние народа,
Любящие волю и свободу,

Да, о них, что чести дороги,
Песни пели даже их враги.

Если ты джигит, то будь герой,
Встали мы за родичей стеной,
На коне, с отточенным клинком,
Мчусь на сечу смертную с врагом!

Взор орлиный, синяя кольчуга,
Словно небо вечное упруга,
Клич дедов, — Акжол и Аруах!
И в испуге убегает враг!

Чтобы степь очистить от джунгар,
В строе знаменосцы стали старые,
Кабанбай, Джанибек и Богенбай,
Вышли биться за родимый край!

Вот идет дружина в Ереймен,
Ждут казахи свежих перемен,
Грома грохот, стук копыт коней,
Их ведет батыр, что всех славней.

Конь под ним огромен, словно слон,
А из-под подков летит огонь,
Лик суров, как сизый зимний день,
Сердце беспощадно, как кремь.

В ножнах золотых алмазный меч,
Что верблюда мог легко рассечь,
Что разрубит камень пополам,
Что известен по своим делам.

Осмотрительный и мудрый человек,
В битвах прожил он свой славный век,
Он прославил род Канжигалы,
Богембай батыр, Акша-улы.

Видишь конь, поджарый и сухой,
Сине-красный, с узкой головой,
Посмотри, как взор его горит,
Он, как птица, над землей парит,

Для него, как праздники, поход,
Может он скакать хоть целый год,
И тогда на аламан байге
Не найдешь тулпара ты быстрее.

Его всадник рослый, словно вяз,
Лютый волк, отец его Нияз,
На врагов всегда наводит страх
Ер Жантай с палицею в руках.

Третий, с саблей из булатной стали,
Ловкий словно барс, был Уйсымбай,
Он Жантаю братом был по деду,
Он всегда одерживал победы.

Круп лебяжий, словно ветер ноги,
Конь бежит танцуя по дороге,
Светел всадник, тонок его стан,
Это наш Мамбет улы, Атан.

Мчит на черно-рябом скакуне,
Воин, что искусен на войне,
Было ему лет под пятьдесят,
Ер Досай, Атана старший брат.

Крепок, словно черная скала,
Конь грызет тугие удила,
Не моргнув, он выпьет вражью кровь,
И изогнута сурово бровь.

Пики их сверкают, как хрусталь,
В ножнах сабли исфаханской стали,
Стрелы в колчане, тугие луки.
И удила крепко держат руки.

Нет коней, что их коней быстрее,
Нет на свете воинов храбрей,
С сотнею сарбазов, Богенбай,
Прибыл, чтоб объехать родной край.

Родина моя, Сары-Арка,
Простотой своей мне дорога.
И покой я в сердце обрету,
Лишь поняв отчизны красоту.

Мне всегда твердили старики,
Что прекрасен дол, где родники
Бьют прохладой средь лесов и гор,
Где блестят жемчужины озер.

Где по скалам прыгает архар,
Где кулан жирует и марал,
Где в озерах гогот диких птиц,
Где в тугаях тьявканье лисиц.

Там, где горы на семи ветрах,
Где березки пляшут на холмах,
Ереймен мой, изобилья край,
Созданный аллахом, сердца рай.

На полях твоих тучнеет скот,
Каждый год растет его приплод,
Кто покинет добровольно дом,
Что достался воинским трудом?

Когда степи покидал Ойрат,
Знал он, что дороги нет назад!
Почему же Торгаутов род
До сих пор в Ерейментау живет?

В ледяном дыханье января
Занималась алая заря,
У подножья гор прошел отряд,
А за ним следил разъезд ойрат.

За вершиной сопки Найза тас
Торгауты ожидали нас.
На зимовке 10.000 юрт,
За зимовкою овечий гурт.

Хунтайчи джунгар, Уса Серен,
С пузом, что отвисло до колен,
Прорычал: — Не будет перемен!
Мой навеки будет Ереймен!

Эти земли первым занял я,
Здесь теперь живет моя семья!
Коли жизнями своими дорожите,
Прочь отсюда ноги уносите!

Кровь в груди вскипела, как огонь,
На дыбы поднялся сизый конь,
Скличем рода древним — «Толыбай!»
На джунгар помчался Богенбай.

Вот Жантай ворвался в строй врага,
Ведь батыру жизнь не дорога!
Молнией сверкал его клинок,
Падал враг, как звезды на песок..

Только смелость города берёт,
Встал тогда одной стеной народ..
С той поры и до конца веков,
В Ереймен осели семь родов.

Хлынет кровь, сорвались губы в крике,
То Досай ссадил кого-то пикой,
Словно волк Досай неукротим,
И врагов кусает конь под ним.

Рощица одна стоит у сопки,
Оплетают рощу лисьи тропки,
Из камней насыпан там курган,
Сопку ту зовут «Калмак кырган».

Но противник тоже был не трус,
Злобный изверг, чёрный толстопуз,
Метит пикою Досаю в бок,
Но Атан дает ему урок!

Там когда-то был вороний пир,
Что ни камень, то степной батыр,
Там всегда горюнится природа,
О погибших детях двух народов.

Бьет кинжалом, слышен звон упругий,
То кинжал сломался о кольчугу.
В бою помощь друга дорога,
Зарубил Жантай того врага!

От переводчика:

Поклонись той сопке, брат казах,
На земле ты, тех батыров прах..
И гордись, что ты казаха сын!
Я закончил. Бисмиляй. Аминь.

Гневный конь войны кружит по кругу,
Кровью залита трава по лугу..
Не сдержал напора старый враг,
И покинул Ереймен Калмак..

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сам эпос не заканчивается этими строками. Но целью было показать, как наши предки отбили вновь степи Сарыарки от захватчика..

Жираву — сказитель. Акыны были журналистами тех эпох.

В песнях рассказывали о событиях, тревожащих умы и сердца людей. У каждого великого хана был свой жираву — рупор решений, пропагандист идей. Впрочем и на всем востоке было так. Ибн Сина, Алишер Навои, Омар Хайям, да все великие поэты Востока были визирями у тех или иных правителей.

Актабан шубырынды — бежать, пока не стерлись пятки, и упасть в изнеможении возле озера Алаколь. Калмыки (ойраты, джунгары) были в конфронтации с казахскими и киргизскими родами с начала образования Джунгарского ханства в начале 17 века (эпос Манас, Козы Корпеш и Баян сулу). Нападение на казахов старшего и среднего джуза в 1723 году было самым сокрушительным. Нападение было осуществлено под давлением Китая, который стремился захватить земли, на которых проживали Калмыки (современный Синдзяно — уйгурский автономный округ КНР). Война шла на полное уничтожение, так как калмыки стремились утвердиться на новых

землях для переселения своих родов. В истории это повторялось не первый раз. Так была уничтожена держава Хунну, так чужими руками Китай уничтожил Тюркский каганат. Рода казахов отступали, теряя людей, хозяйство. Женщины угонялись в рабство. Скот был отнят, мужчин и детей безжалостно убивали.

Оценивая отчаянное положение казахов во время бегства, А.И. Левшин писал: *«Переходы сии влекли за собой неминуемое разорение и гибель. Стада и табуны ежедневно уменьшались, меновая торговля прекратилась, нищенство и страдания сделались всеобщими, иные умирали с голода, другие бросали жен и детей своих. Наконец бегущие остановились: но где же, — в местах бесплодных и не представляющих никаких удобств для кочевого народа».*

Нападения Казахов на Джунгарию в 50-е годы 18 столетия были не менее губительными для калмыков. У казахов в то время бытовала поговорка: *«Нет скота — возьми у калмыка, нет жены — возьми у калмыка, нет детей — возьми у калмыка».* Все повторялось в зеркальном отражении.

Действие эпоса происходит около 1740 года. Джунгарское нашествие нарушило пути традиционных кочевков казахских родов. Старые кочевья были заняты врагом, и, кто имел силу отбивали себе новые, лучшие.

В Казахстане несколько мест, известных под названием *Калмак корган* (сгинувшие калмыки). Есть озеро Алаколь (пестрое), озера после сражений были красными от крови. *«Из озера Алаколь даже псу нельзя пить воду!»*, говорят казахи. Есть местечки Талас-свара, Майдан-война. Да мало ли.

Само повествование соответствует древним традициям эпоса. В первой части автор представляет себя, описывает свой жизненный путь, и конечно без ложной скромности доказывает свою отвагу и мудрость. Так же отзывается о себе Тоньюкук, Кюль тегин (надпись на орхоно-енисейской стеле), так было принято, да и кто будет слушать глупца и слабака.

Кони, вооружение были гордостью степняка, и во всех легендах (Манас, Алпамыс, Кобланды батыр) им отводится важное место. Подробное описание скакунов, оружия принадлежит к традиционным общим местам эпоса.

Наркескен (буквально «разрубающий верблюда») или *Исфагани* — один из видов сабли, которая особо ценилась воинами.

Кинжал канжар (выпускающий кровь) — боевой нож.

Акжол — общий боевой клич рода Аргын. Акжол — прозвище бия Аргынов Даирходжы, убитого Кобланды батыром в начале 15 века. После чего из-за кровной обиды роды Аргын и Керей откочевали от ташкентского хана Абулхаира в Моголистан, на юг от озера Балхаш, горы Хан-Тау. Что по мнению многих историков и послужило началом образования Казахского ханства.

Аруах — клич о помощи к духам предков. Казахи и поныне не очень ревностные мусульмане. В крови поклонение перед вечным небом и духами предков.

Толыбай — родовой клич Канжигалы (отделение рода Аргын). Канжигалы — прозвище батыра Толыбая, от которого и берет название род (рожденный на берегах реки Туул, притоке реки Орхон в западной Монголии). По легендам Толыбай был правой рукой Шаха Хорасана. За удачливость прозван *Кан жигалы* (окровавленный подсумок, символ удачи на охоте). Существует версия, что в благодарность за службу, когда Толыбай возвращался на родину, шах подарил ему на прощание свой шлем. Ханский шлем — хан жигалы.

Богенбай — рожденный на берегу реки Боген. Батыр из рода Канжигалы, поддерживавший претензии на ханский трон мальчика по прозвищу Сабалак (лохматый), впоследствии известного, как Хан Аблай. Был командующим объединенным войском казахов.

Перечисление и описание соратников основного героя, их действий, относится к традиционным элементам эпоса, придает рассказу динамику и правдивость. По словам Радлова, считается особым искусством ввести в рассказ такое полное перечисление с соответствующими характеристиками героев.

Эпический портрет главного врага, калмыцкого хана Уса Серена, принадлежит к типическим местам эпоса, как и описание героев.

Дау карын — здоровое пузо, толстопуз.

Что сказать напоследок? Потомки калмыков живут на нашей земле. Есть казахские рода с калмыкскими названиями. Впрочем, корни рода Аргын, по версии Бартольда, Грум-Гржимайло тоже уходят в Западную Джунгарию. Но это уже совсем другой эпос.

*Валерий Орлов
(Россия, Санкт-Петербург)*

ЖЮЛЬ ВЕРН (1828–1905)

Жюль Верн — первый классик научно-фантастического жанра, мастер романа путешествий и приключений. Главная его заслуга заключается в том, что он довел до совершенства художественную форму приключенческого романа и наполнил ее новым содержанием.

Жюль Верн родился во Франции, в Нанте — портовом городе, где сама атмосфера кораблей, моря звала к путешествиям, к неоткрытым землям, к приключениям. Отец его был потомственным адвокатом, мать, Софи Анриетта, происходила из обедневшего дворянского рода нантских моряков и судовладельцев. На творчество писателя сильно повлияли его детские впечатления. Жюль мечтал стать моряком, грезил дальними странствиями, в 11 лет попытался тайно уплыть на шхуне «Корали», поменявшись одеждой с юнгой.

После окончания школы, Жюль поступил в нантский королевский лицей, где у него появились новые увлечения: театр, музыка, литература. Не решившись перечить отцу, он в 1847 г. сдал первый экзамен для получения адвокатского звания, после чего уехал в Париж.

Интерес к истории и географии перерос в настоящую страсть, реализовать которую Верну удалось на литературном поприще. В 1850 г. пьеса Верна «Сломанные соломинки» была с успехом поставлена в «Историческом театре» А. Дюма. В 1852–1854 г. Верн работал секретарем директора «Лирического театра», затем был биржевым маклером, не прекращая при этом писать комедии, либретто, рассказы. В 1863 г. опубликовал в журнале Ж. Этцеля «Журнал для образования и отдыха» первый роман из цикла «Необыкновенные путешествия» — «Пять недель на воздушном шаре». Успех романа вдохновил Верна; он решил и дальше работать в этом направлении, сопровождая романтические приключения своих героев все более искусными описаниями невероятных, но, тем не менее, тщательно продуманных научных чудес, рожденных его воображением. Цикл продолжили романы «Путешествие к центру Земли» (1864), «Путешествия и приключения капитана Гаттераса» (1865), «С Земли на Луну» (1865), «Дети капитана Гранта» (1867), «Вокруг Луны» (1869), «20000 лье под водой» (1870), «Таинственный остров» (1874), «Пятнадцатилетний капитан» (1878) и многие другие. Всего Жюль Верн написал 66 романов, а также более 20 повестей и рассказов, более 30 пьес, несколько документальных и научных работ.

В своих произведениях он предсказал научные открытия и изобретения в самых разных областях, в том числе подводные лодки, акваланги, телевидение и космические полеты. Творчество Жюль Верна проникнуто романтикой науки, верой во благо прогресса, преклонением перед силой мысли. Сочувственно описывает он и борьбу за национальное освобождение. В романах Ж. Верна читатели находили не только восторженное описание техники, путешествий, но и яркие и живые образы благородных героев (капитан Гаттерас, капитан Грант, капитан Немо), симпатичных чудаковатых ученых (доктор Лиденброк, доктор Клоубонни, Жак Паганель). В его поздних произведениях появился страх перед использованием науки в преступных целях — «Флаг родины» (1896), «Властелин мира» (1904); вера в неизменный прогресс сменилась тревожным ожиданием неизвестности. Жюль Верн не был «кабинетным» писателем, он много путешествовал по миру, в том числе и на своих яхтах «Сен-Мишель 1», «Сен-Мишель 2», и «Сен-Мишель 3». В 1859 г. он совершил путешествие в Англию и Шотландию, а в 1861 г. побывал в Скандинавии. В 1867 г. совершил трансатлантический круиз на пароходе «Грейт-Истерн» в Соединенные Штаты. В 1879 г. на яхте «Сен-Мишель 3» Жюль Верн вновь побывал в Англии и Шотландии. В 1881 году он на своей яхте побывал в Нидерландах, Германии и Дании. Позже посетил Алжир, Мальту и Италию. Многие его поездки впоследствии легли в основу «Необыкновенных путешествий» — «Плавающий город» (1870), «Черная Индия» (1877), «Зеленый луч» (1882) и др.

Современники считали писателя провидцем, находя в его произведениях точные и постепенно сбывающиеся предсказания научных открытий и изобретений. Избирая определенный научный феномен, писатель, проводил кропотливую исследовательскую работу и, опираясь на собранные факты, делал выводы. Точность же описаний объясняется тем, что он собирал выписки из газет, журналов, книг, научных рефератов. Они и служили материалом для его романов.

Жюль Верн ввел в роман нового героя — рыцаря науки, который проникает в тайны природы, исследует, строит, изобретает. В романах Жюль Верна возникают идеальные города-государства.

Вершиной творчества писателя является трилогия «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров» и «Двадцать тысяч лье под водой». Романы полны захватывающих приключений, они достоверны географически. Герои отличаются моральной чистотой, физическим и душевным здоровьем.

В одной из статей о Ж. Верне прекрасный знаток его жизни и творчества Е. Брандис приводит рассказ писателя о его приемах работы над рукописями: *«...я могу раскрыть секреты моей литературной кухни... работать надо скорее инстинктивно, чем сознательно...»*.

Книги Жюль Верна удовлетворяют всем высочайшим требованиям: автор — умный и благородный, сюжеты произведений затягивают так, что от книг трудно оторваться, текст всегда высокохудожественный. Главная идея книг зовет читателя к высоким, гуманным целям. Под могучим и благодатным воздействием научно-фантастических и социальных идей Ж. Верна находились все выдающиеся ученые-изобретатели, путешественники, мыслители конца 19 и 20 веков. В 1892 году Ж. Верн стал кавалером ордена Почетного легиона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ж. Верн. Сочинения. М., 1975.
2. М. Яхонтова. История французской литературы. М., 1965.

Жюль Верн

ИЛЛЮСТРАЦИИ ВАЛЕРИЯ ОРЛОВА
К РОМАНУ ЖЮЛЯ ВЕРНА
«ПЯТНАДЦАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН»

АВТОРЫ ЭТОГО ВЫПУСКА ЖУРНАЛА

Е. С. Роговер

Н. Ф. Ульянова

Н. В. Харитонова

В. А. Серов

А. М. Мецгер

С. Б. Кузнецова

Андрей-Victoria-Андреев

Н. М. Рябухина

Н. В. Беланова

А. Р. Ртищева

В. А. Орлов

П. А. Атанов

Эдуард Дэлуж

Бах Ахмедов

И. И. Уральская

Б. А. Тугельбаев

Н. М. Менендес-Тютникова

Е. М. Алексеева

В. Р. Муравин

Н. М. Ильенкова

Ида Замирская

ЛИТЕРАТУРНО-ДИСКУССИОННЫЙ ЖУРНАЛ

ПИСАТЕЛЬ

1(34)
2017

XXI
ВЕК

- Классическое наследие
- Малая проза
- Душа с душою говорит
- Проза XXI век
- Переводы
- Портрет современника
- История земли Российской
- Образование через искусство
- Это было, было, было...

ISBN 978-5-9908992-9-2

Журнал приглашает
к сотрудничеству организации
и всех заинтересованных лиц